
КОММЕНТАРИИ

Антология «Н. Ф. Федоров: pro et contra» (в 2-х книгах) представляет читателю систематизированный свод основных философских, научных, мемуарных, эпистолярных текстов, посвященных личности и учению Н. Ф. Федорова. В хронологической и смысловой последовательности раскрываются этапы восприятия, творческой переработки и развития идей мыслителя в отечественной философии и культуре — от его великих современников — Толстого, Достоевского, Соловьева до деятелей религиозно-философского ренессанса начала XX в., писателей и философов пореволюционной России и русского зарубежья и, наконец, современных ученых. Составители стремились отразить в Антологии и ту напряженную мировоззренческую борьбу, которая закипала и закипает вокруг учения всеобщего дела — между философами и богословами начала века, в философско-общественной мысли эмиграции в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и, разумеется, в наши дни...

В последние десятилетия в отечественной и мировой гуманитарной науке идет активная разработка вопроса о роли творческого наследия Федорова в становлении русской религиозной философии конца XIX — начала XX в., о воздействии его идей на формирование традиции русского космизма, ноосферной мысли XX в., на литературу и культуру. Антология «Н. Ф. Федоров: pro et contra», вводящая в научный оборот большое количество редких и труднодоступных текстов, малоизвестных или неизвестных источников, новых архивных материалов, объем которых составляет почти треть всего издания, стремится укрепить и расширить базу этих исследований.

Первый том Антологии содержит четыре раздела. Раздел «Современники о Н. Ф. Федорове. Письма, дневники, некрологи, воспоминания» рисует жизненный и духовный облик Федорова в восприятии его современников (Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского и А. А. Фета, Л. О. Пастернака и Ю. П. Бартенева, К. Э. Циолковского и В. Я. Брюсова и др.). Основу второго раздела («Первые изложения и интерпретации») составила републикация сокращенного текста книги В. А. Кожевникова «Николай Федорович Федоров» (1908), ставшей фундаментом многих последующих статей и исследований о мыслителе. В третий раздел «Учение Н. Ф. Федорова в оценках русских религиозных философов и богословов» вошли статьи Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. Л. Волынского, А. К. Горского, В. В. Зеньковского, В. Н. Ильина, Н. А. Сетницкого,

П. А. Флоренского и Г. В. Флоровского, Н. Лосского и Л. Шестова и др. Последний раздел тома своеобразно смыкается с первым, представляя читателю исследования наших дней, посвященные истории взаимоотношений Федорова с его великими современниками — Л. Н. Толстым и В. С. Соловьевым, вводя ряд новых материалов к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями философа всеобщего дела; здесь же впервые в русской философской критике подробно раскрыта тема «Николай Федоров и Фридрих Ницше».

Второй том Антологии состоит из пяти разделов. Раздел «Вокруг Федорова. 1903–1918» включает в себя письма и фрагменты писем деятелей русской мысли и культуры Серебряного века, связанные с восприятием ими идей Федорова и его учения. В разделе «Из истории “Вселенского Дела”» републикуются наиболее значимые статьи из I и II выпусков сборника «Вселенское Дело» (1914, 1934), посвященного памяти Федорова. Раздел «Голоса из Советской России» демонстрирует полифонию оценок, данных учению всеобщего дела писателями, учеными, деятелями культуры метрополии — от М. Горького и М. Пришвина до В. Хлебникова и Н. Клюева, В. Чекрыгина, П. Филонова, Б. Пастернака... Раздел «“Философия общего дела” в духовных исканиях русского зарубежья» посвящен восприятию и развитию наследия Федорова философами, писателями, общественными деятелями русской эмиграции. Сюда включены статьи и письма Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Г. П. Федотова, В. Н. Ильина, Н. В. Устрялова, К. А. Чхеидзе, Г. П. Федотова, П. С. Боранецкого, Ю. А. Ширинского-Шихматова, Н. С. Трубецкого, П. П. Сувчинского, Л. Н. Гомолицкого, И. С. Лукаша, В. С. Варшавского, В. С. Яновского и др., представлены новые материалы к изучению влияния федоровских идей на становление и эволюцию пореволюционных течений 1920–1930-х гг.: евразийства, новгородцев, утвержденных, народников-мессианистов и др. Завершающий раздел «Современные исследования» объединяет статьи современных авторов, посвященные философскому наследию Федорова. В конце тома помещена библиография.

Во всех текстах без каких-либо упоминаний в примечаниях устранены явные опечатки (искажение слов, пропуски букв, рассогласование членов предложения). Орфография и пунктуация в целом приведены в соответствии с современными нормами, однако в ряде случаев сохраняются особенности авторского написания слов и выражений, а также постановки знаков препинания (тире, точки с запятой, двоеточия). Сохраняются и особенности авторского цитирования (кроме случаев смысловых искажений, пропусков и явных опечаток).

Учитывая ограниченный объем Антологии и желая ввести в ее состав как можно больше текстов, составители делали в них некоторые сокращения. Первый тип сокращений касается изложений биографии Федорова, и кратких, и более развернутых, которые присутствуют в большинстве статей о мыслителе. Обычно их авторы повторяют, с некоторыми вариациями, основные вехи биографии Федорова (детство, служба учителем, работа в Румянцевском музее), допуская порой ряд неточностей и ошибок, зачастую связанных с уровнем тогдашних биографических знаний о Федорове (годом рождения всюду назван 1828-й, говорится о матери-черкешенке, об изгнании ее с малолетними детьми из усадьбы Гагарина и т. д.). Приводят оценки, данные философу всеобщего дела Достоевским,

Соловьевым, Толстым, неоднократно говорят о мировоззренческом споре Федорова с последним, варьируют известные эпизоды (Толстой, говорящий Федорову «сжечь бы все эти книги», Федоров, не подающий руки Толстому после напечатания его статьи «О голоде» и т. д.).

Второй тип сокращений касается федоровских цитат, занимающих в ряде текстов (В. А. Кожевникова, А. К. Горского) от одной до нескольких страниц. Третий тип сокращений — пространные отступления, часто с не менее пространными цитатами из самых различных источников, не касающиеся напрямую Федорова и его идей.

Все сокращения отмечены в угловых скобках. Пропуски в цитатах, сделанные самими авторами текстов, обозначены троеточием. Конъектуры составителей помещены в квадратные скобки.

Авторские примечания даются внизу страницы и отмечены звездочками. В публикуемых текстах примечания унифицированы частично, сохраняя некоторые особенности написания оригинала. Примечания современных авторов оформлены по ныне действующим библиографическим правилам. Комментарии составителей и публикаторов помещены в соответствующем разделе в конце каждого тома.

При подготовке комментария составители старались свести к минимуму сведения энциклопедического характера. Не поясняются достаточно известные факты и имена (Кант, Гегель, Шопенгауэр, Леонардо да Винчи, Вагнер и т. д.), о знаменитых авторах статей (Бердяеве, Булгакове, Флоровском и др.) даются лишь краткие справки. Основное внимание комментаторов сосредоточено на том, чтобы пояснить, насколько это возможно, неизвестные и малоизвестные реалии, персоналии и сюжеты, а также особенности восприятия и трактовки идей Федорова теми, кто писал о нем. Следует отметить и то, что целый ряд встречающихся в текстах сюжетов был подробно прокомментирован нами в недавно вышедшем «Собрании сочинений» Н. Ф. Федорова (М., 1995–2000) — к этому собранию мы в соответствующих случаях и отсылаем читателя.

В силу ограниченности объема комментария, составители не имели возможности давать ссылки на все встречающиеся в текстах цитаты из Федорова, равно как и переводить их по новому изданию. Тем не менее значительная часть цитат все же кратко откомментирована и дается со ссылкой на те издания, которыми пользовались или могли пользоваться авторы публикуемых текстов.

Открывая Антологию, составители выражают искреннюю благодарность Русскому Христианскому гуманитарному институту, создателю серии «Pro et contra», Российскому гуманитарному научному фонду, поддержавшему подготовку и издание Антологии, Научно-исследовательскому отделу рукописей Российской государственной библиотеки, Российскому государственному архиву литературы и искусства, Государственному архиву Российской Федерации. Мы признательны всем авторам Антологии, представившим свои статьи и участвовавшим в подготовке ряда публикаций. Особая благодарность — Литературному архиву Музея национальной литературы (Чехия), в котором хранится собрание *Fedoroviana Pragensia* и лично Е. Вольфовой, Н. Мацуровой, М. Заградниковой, К. Билеку, сотрудникам Славянской библиотеки и Славянского института в Праге Й. Вацеку, М. Магидовой, Л. Белошевой, а также Ю. Р. Берковскому, храните-

лю Московского архива А. К. Горского и Н. А. Сетницкого, В. Н. Ильиной и М. К. Чхеидзе.

Комментарии к I тому Антологии подготовлены А. Г. Гачевой при участии С. Г. Семеновой.

Комментарии к «Воспоминаниям» И. М. Ивакина — Т. Г. Никифоровой при участии А. Г. Гачевой.

Комментарии к статье А. Л. Волинского «Воскрешение мертвых» — А. Г. Гачевой и А. Л. Евстигнеевой.

Список сокращений

«*Вопрос о братстве...*» — «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим)».

Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990 (цифра курсивом после фамилии указывает том, следующая за ней цифра — страницу; аналогичным образом оформлены ссылки на Полн. собр. соч. В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, а также на собрание писем В. С. Соловьева).

Кожевников — *Кожевников В. А.* Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. Ч. 1. М., 1908.

Соловьев — *Соловьев В. С.* Собрание сочинений: В 10 т. СПб., 1911–1914; Т. 11–12. Брюссель, 1969–1970.

Соловьев. Письма — Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. I–IV. СПб., 1908–1923.

Сочинения 1982. — *Федоров Н. Ф.* Сочинения. М., 1982.

Сочинения 1994. — *Федоров Н. Ф.* Сочинения. М., 1994.

Толстой — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л., 1928–1964.

Федоров — *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1–4. М., 1995–1999; Дополнительный том — М., 2000 (римская цифра указывает том, арабская — страницу, дополнительный том обозначен буквой «Д»).

Федоров и современность — *Остромиров А. (Горский А. К.).* Николай Федорович Федоров и современность. Вып. 1–4. Харбин, 1928–1933 (первый выпуск вышел под заглавием: *Остромиров А. Николай Федорович Федоров. 1828–1903–1928.* Биография).

Философия общего дела — Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича, Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. I. Верный, 1906; Т. II. М., 1913.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы
 FP — Fedoroviana Pragensia. Ф. 142. Литературный архив Музея национальной литературы (Чехия). При ссылках указывается номер архивной коробки.

I

СОВРЕМЕННОКИ О ФЕДОРОВЕ. ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, НЕКРОЛОГИ, ВОСПОМИНАНИЯ

Данный раздел состоит из трех внутренне связанных между собой частей. Он открывается отзывами о Н. Ф. Федорове его выдающихся современников: Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева, А. А. Фета, В. Я. Брюсова, а также фрагментом дневника С. П. Бартенева с записями его встреч с мыслителем. Все эти отзывы были сделаны еще при жизни Федорова и отражают непосредственное, так сказать, лицом к лицу, восприятие его личности, высказываний, идей. Своего рода дополнением к этому блоку текстов могут служить материалы «Приложения» к IV тому Собрания сочинений Н. Ф. Федорова и Дополнительного тома, где помещены письма философу его знакомых, сослуживцев, учеников, а также письма современников, в которых содержатся упоминания о Федорове.

Второй тематический блок открывается письмом В. А. Кожевникова А. К. Горскому о последних часах жизни Федорова, за которым следует подборка всех известных на настоящий день некрологов и поминальных статей, появившихся в московских газетах и журналах в 1903–1904 гг. И наконец, третий подраздел составляют воспоминания о мыслителе, написанные в разные годы знавшими его людьми.

Ф. М. Достоевский

Письмо Н. П. Петерсону
 24 марта 1878. Петербург

Впервые частично опубликовано: Дон. 1897. № 80. 20 июля; полностью — Русский архив. 1904. № 3. С. 3. С. 402–403. Печатается по: *Достоевский*. 30 (I), 13–15.

Ответ на несохранившееся письмо ученика Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсона, посланное в декабре 1877 г. и сопровождавшее рукопись статьи «Чем должна быть народная школа?». Статья представляла собой изложение идей Федорова, сделанное Н. П. Петерсоном по записям своих бесед с учителем (беловой текст не сохранился, черновик опубликован: *Федоров*. IV, 506–513). Подробнее об этом сюжете, а также о влиянии федоровских идей на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» см. в наст. Антологии статью А. Г. Гачевой «Новые материалы к истории знакомства Достоевского с идеями Федорова».

¹ Н. П. Петерсон, в то время служивший в г. Керенске Пензенской губ. (ныне — г. Вадинск) секретарем Съезда мировых судей и одновременно заведовавший Керенской Публичной библиотекой, просил писателя прислать для библиотеки свои сочинения.

² Так в оригинале.

³ Это письмо Н. П. Петерсона Достоевскому не сохранилось. Как свидетельствовал Петерсон позднее (см. печатаемый ниже текст его «Воспоминаний»), в нем ученик Федорова напоминал о посланной рукописи и называл свое имя (декабрьское письмо, ее сопровождавшее, было послано анонимно).

⁴ Речь идет о публичных «Чтениях по философии религии», с которыми В. С. Соловьев выступал в Москве в марте — начале апреля 1878 г. (опубликованы под названием «Чтения о Богочеловечестве» в «Православном обозрении» — 1878–1881; отд. отт.: М., 1881).

⁵ Французский философ и писатель Эрнст Ренан (1823–1892) в книге «Жизнь Иисуса» (1863) писал: «Кто знает: может быть, когда-нибудь род человеческий на самой высшей ступени своего прогресса, через миллионы веков, достигнет абсолютного понимания вселенной и в этом понимании откроет путь возвращения вновь к жизни того, что раз вкусило жизнь?» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. Берлин, 1875. С. 240). Мысль о воскресении проводилась им и в письме французскому химику П. Бертло: «Так как категория времени и пространства не существует в абсолютном, то для абсолютного сущим является и то, что было, и то, что будет. <...> Дух станет всемогущим, идея будет всей действительностью — что значит это, как не то, что все оживет в идее? <...> Конечное воскресение произойдет посредством знания человека или какого-нибудь разумного существа» (Revue des deux mondes. 1863. Т. 47. Р. 774).

⁶ В ответном письме — от 29 марта 1878 г. — Петерсон писал: «Почти в начале моей рукописи ставится тот конечный идеал, к которому должен прийти человек и который осуществится лишь победою человека над смертью, и не достижением лишь бессмертия, но и восстановлением, воскрешением всех прошедших поколений. Идеал этот — Многоединство или всеединство (если так можно выразиться) человека, подобное Троицистству Бога, всеединство, в котором не будет поглощена личность, но вместе с тем это будет и действительное, неразрывное единство; словом, идеал этот выражен в исповедуемом нами догмате о Троицистности Божества, по которому при единстве Бог троичен в лицах и лица Его не слияны, хотя и составляют одно. До сих пор догмат этот был не понят, кажется, как должно, и едва ли он может быть понят в настоящее время иначе, как идеал будущего, потому что в мире, как мы его видим теперь, нет единства там, где множество, и наоборот. Итак — ставя идеалом своим личность, которая не поглощалась бы единством, и единство, которое не нарушалось бы, несмотря на разность личностей, невозможно говорить ни о каком ином воскресении, кроме реального, действительного, личного, словом, такого, о котором говорит наша религия...» (Федоров. IV, 514).

Л. Н. Толстой

<Из дневниковых записей и писем о Федорове>

О взаимоотношениях Л. Н. Толстого и Н. Ф. Федорова см. статью С. Г. Семеновича «Об одном религиозно-философском диалоге. Лев Толстой и Николай Федоров» в наст. Антологии.

Избранные фрагменты из дневников и писем Толстого, в которых содержатся упоминания о Федорове, сделанные при жизни философа, пе-

чатаяются по: *Толстой*. 49, 58, 73, 89; 50, 23, 33, 65, 66, 72; 63, 80–81; 68, 246–247; 89, 314.

Во второй книге Антологии помещена в сокращении переписка Л. Н. Толстого и Н. П. Петерсона 1908–1910 гг.

¹ Василий Иванович *Алексеев* (1848–1919) — учитель старших сыновей Толстого в 1877–1881 гг.

² Речь идет о В. Ф. Орлове (см. примеч. 4 к «Воспоминаниям» И. М. Ивакина).

³ Василий Кириллович *Сютаев* (1819–1892) — крестьянин д. Шевелино Новоторжского уезда Тверской губ., самобытный народный мыслитель, религиозные взгляды которого оказали сильное влияние на Л. Н. Толстого в период его духовных исканий конца 1870-х — начала 1880-х гг.

⁴ Речь идет о семье *Л. Д. Урусова*, бывшего тульского вице-губернатора, знакомого Толстого.

⁵ Евгений Федорович *Корш* (1810–1897) — журналист и переводчик, библиотекарь Румянцевского музея в 1862–1892 гг.

⁶ В конце 1880-х гг. Л. Н. Толстой делает целый ряд набросков на эстетические темы, из которых позднее вырастет трактат «Что такое искусство?» (1897).

⁷ Владимир Николаевич *Маракуев* (?–1921) — издатель, составитель популярных брошюр по сельскому хозяйству, в 1890–1891 гг. — издатель журнала «Сотрудник»; редактор-издатель газеты «Южное обозрение».

⁸ В конце октября 1895 г. экономист и публицист Владимир Михайлович *Владиславлев* (1868 — после 1927) обратился к Л. Н. Толстому с предложением подписаться под адресом, составленным сослуживцами Федорова и читателями библиотеки Румянцевского музея в надежде убедить его не покидать своей должности (в 1895 г. мыслитель вознамерился выйти в отставку).

⁹ Адрес был прислан Толстому 8 ноября 1895 г. и им подписан, «однако поднесен он не был, так как Федоров, чтобы избежать подношения адреса, согласился продолжать работать в библиотеке» (*Толстой*. 68, 247).

В. С. Соловьев

Два письма Н. Ф. Федорову

Идейно-творческие контакты В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова, познакомившихся осенью 1881 г. в Москве, длились с перерывами почти двадцать лет. История их духовного диалога, значение которого для философской биографии обоих участников трудно переоценить, с учетом ряда новых данных изложена в Приложении.

Печатаются два письма В. С. Соловьева Н. Ф. Федорову, написанные в первый год их общения.

1

12 января 1882

Впервые: *Кожевников*, 318–319. Републиковано: *Соловьев. Письма*. II, 345. Печатается по тексту первой публикации.

Письмо написано В. С. Соловьевым спустя два дня после прочтения рукописи Н. Ф. Федорова, содержащей изложение учения «всеобщего дела» (один из первоначальных вариантов работы «Вопрос о братстве...»).

¹ Знакомство с рукописью Федорова дало Соловьеву новый импульс к работе над замыслом книги об «основаниях всеобщей науки», начатой в 1881 г. (см. *Козырев А. П.* Наукоучение Владимира Соловьева // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. С. 23–24). По всей видимости, в беседе с Федоровым он намеревался говорить о задачах научного знания в деле осуществления всеединства.

² О встречах Федорова и Соловьева в период с 13 по 17 января 1882 г., вплоть до отъезда Соловьева в Санкт-Петербург, см. в соответствующей статье Приложения.

2

Июнь–июль 1882

Впервые: *Кожевников*, 318–319. Републиковано: *Соловьев. Письма*. II, 346–347. Печатается по тексту первой публикации.

Содержание письма прямо перекликается со статьей В. С. Соловьева «О Церкви и расколе», напечатанной осенью 1882 г. в № 38 газеты «Русь». В нем можно видеть зарождение идей, развитых сначала в этой статье, а затем и в других работах теократического периода творчества философа (см. примеч. 3).

¹ В. С. Соловьев собирался навестить Н. Ф. Федорова в Керенске во время своей поездки к кн. Д. Н. Цертелеву в его имение в с. Липяги Тамбовской губ., находившееся всего в 30 км от Керенска.

² Конец данной фразы «это Ваша собственная мысль» выпал при перепечатке этого письма Соловьева во II томе его собрания писем, подготовленного Э. Радловым, что дало повод к весьма распространенному неверному толкованию данного фрагмента: якобы Соловьев противопоставляет федоровскому воскрешению без преобразования истинное воскрешение в теле духовном, тогда как здесь он пересказывает мысль самого Федорова и развивает ее далее (подробнее см. статью в Приложении).

³ Данный тезис находит целый ряд соответствий в работах В. С. Соловьева конца 1882–1887 гг. Представление о Церкви как о воспитательнице и водительнице человечества (не совершенного ни физически, ни духовно) к Царствию Божию, к полноте благобытия положено в основу главы «О Церкви» книги «Религиозные основы жизни» (1882–1884), оно же присутствует в работе «История и будущность теократии» (1885–1887). Ср. рассуждения В. С. Соловьева в данном письме с соответствующими местами работы «Великий спор и христианская политика»: «Божественное начало Церкви должно не только пребывать и сохраняться в мире, но и *править* миром. Церковь, будучи неподвижной и неизменной святыней, должна быть вместе с тем и деятельной *властью*. Эта духовная власть Церкви руководит человечеством и ведет мир к его цели, т. е. к соединению всех в одно богочеловеческое тело, в котором все силы творения деятельно воплощают в себе единое Божество. <...>

Пока эта цель не достигнута и Бог не есть все во всех, дотоле необходимы и особая святыня Церкви (особые священные формы и формулы,

в которые облакается божественное начало), и особая духовная власть, направляющая мир к его цели. Пока все человечество не возродилось духовно и не достигло полноты возраста Христова, оно нуждается в постоянном руководстве и управлении. В данном состоянии мира для совершения дела Божия недостаточно одних свободных сил человечества, но нужна еще вдохновляемая свыше власть, объединяющая эти человеческие силы и направляющая их действие к общей цели» (*Соловьев. 4, 46–47*).

А. А. Фет

Письмо Н. Ф. Федорову
6 декабря 1887. Москва

Впервые: *Кожевников, 319–320*. Печатается по тексту первой публикации с учетом рукописной копии, хранящейся в личном фонде А. А. Фета в НИОР РГБ (Ф. 315. К. 4. Ед. хр. 40. Л. 2–2 об.).

С Н. Ф. Федоровым *Афанасий Афанасьевич Фет* (1820–1892) познакомился вскоре после своего переезда в 1881 г. в Москву. По всей вероятности, их знакомство произошло при непосредственном участии Л. Н. Толстого, который переселился в древнюю столицу осенью того же года и тогда же сошелся с Федоровым (в «Письме к издателю “Русского архива”». По поводу отзыва Ф. М. Достоевского о Н. Ф. Федорове» Н. П. Петерсон сообщает, что с Фетом Н. Ф. Федоров познакомился в доме Толстого (см.: *Русский архив. 1904. № 5–6. С. 301*)).

Контакты философа и поэта были особенно интенсивными в начале 1880-х годов, в пору наибольшего сближения Федорова с Толстым (в печатаемом письме Фет вспоминает «дружелюбные» беседы всех троих в московском доме Толстого в Хамовниках). Но и позднее, когда идейные взаимоотношения Федорова и Толстого резко обострились и Федоров практически перестал бывать в доме Толстых, Фет общался с мыслителем в библиотеке Московского публичного и Румянцевского музеев. В 1880-х гг. он активно занимался переводами римских классиков и потому периодически там появлялся.

Одним из немногих источников к теме «Н. Ф. Федоров и А. А. Фет» являются воспоминания И. М. Ивакина. В 1887 г. Ивакин помогал Фету в редактировании ранее сделанного поэтом перевода «Элегий» Проперция и часто бывал в его доме. Фрагмент воспоминаний Ивакина, относящийся к этому сюжету, опубликован Т. Г. Никифоровой (Октябрь. 1996. № 9. С. 148–157). Из него мы, в частности, узнаем о посещении Фетом библиотеки Румянцевского музея в январе 1888 г. В печатаемых ниже фрагментах воспоминаний Ивакина упоминается, что в том же году Федоров, стремясь помочь Петерсону, срочно нуждавшемуся в деньгах для уплаты задолженности за дом, просил Ивакина «побывать» у Фета и рассказать о беде Петерсона, в надежде, что поэт откликнется и поможет необходимой суммой.

Фет принадлежал к числу тех лиц из окружения Федорова, которые были знакомы с его идеями. В заметке «Небольшой эпизод в истории Москвы 1892 г. или колоссальный проект» (*Федоров. IV, 15*) Федоров указывает на то, что Фет «принимал некоторое участие» (правда, «непрямо») в учении о воскрешении, однако что именно имеется в виду — знакомство

с учением или его распространение, установить трудно, не обладая дополнительными данными.

Вопрос о том, насколько понимал и принимал Фет идеи Федорова, остается открытым. С одной стороны, в печатаемом письме он выражает свое восхищение «духовным капиталом» мыслителя. С другой — по своему мировоззрению Фет был близок Шопенгауэру и именно с немецким мыслителем ощущал глубокое идейное и духовное родство.

В стихах позднего Фета есть интонации, роднящие его с Федоровым. Тема хрупкости человеческого существования, безжалостности уходящего времени, в котором исчезают лица, события, судьбы; образ смерти, немолимо стоящей перед человеком, — всем этим напоена фетовская поэзия 1881–1892 гг. Однако путь преодоления трагизма смертного бытия у Фета достаточно традиционен: смирение («Учись у них — у дуба, у березы...») или, напротив, стоицизм («Смерти») («Я в жизни обмирал и чувство это знаю...»). Свобода от природной необходимости обретается в мечтах («Все, все мое, что есть и прежде было...») и в творчестве («Одним толчком согнать ладью живую...»), но это творчество лишь второй, совершенной реальности, не соприкасающейся с действительной жизнью, в которой так же, как и прежде, царствуют болезни, старость, смерть.

¹ Расшифровка Н. П. Петерсона: «хороший».

² Екатерина Владимировна Федорова (в замужестве — Кудрявцева) — секретарь Фета в 1886–1892 гг.

С. П. Бартенев

<Фрагменты дневника>

Впервые: Новый журнал. № 129. 1977. С. 172–182. Текст печатается по машинописной копии, хранящейся в собрании *Fedoroviana Pragensia*: FP. I.3.24. Местонахождение оригинала дневника, с части которого сделана машинописная копия, неизвестно.

Сергей Петрович Бартенев (1863–1930) — один из сыновей П. И. Бартевева. Окончил Московскую консерваторию по классу рояля — учился у С. И. Танеева. В 1887–1896 гг. преподавал музыку в Николаевском сиротском институте и других институтах и пансионатах, ездил с концертами по России; в 1892 г. совершил большое путешествие по Кавказу и Средней Азии, давая концерты в Тифлисе, Самарканде, Ташкенте, Асхабаде (описал свою поездку в цикле «Письма пианиста» (1892)). В 1894 посетил Египет, Палестину, Сирию (цикл очерков «Поездка на Восток» (1894)), концертировал в Константинополе и Лондоне, в следующем году играл в Каире и в Афинах. В 1896–1899 гг. жил за границей, совершенствуя свое исполнительское мастерство и периодически давая концерты. Вернувшись в Россию, продолжал концертную деятельность, преподавал в Театральной школе и в Музыкальном училище Гнесиных. С 1902 г. работал в Дворцовом управлении, исполняя должность хранителя Кремля; составил «Исторический указатель Большого Кремлевского дворца», выдержавший до 1917 г. пять изданий; выпустил в свет два тома фундаментального исследования «Московский Кремль в старину и теперь» (Т. 1–2. М., 1912–1916), практически подготовил к печати третий том. После револю-

ции остался в России. В 1921–1922 гг. занимал кафедру онтологии и истории музыки во Дворце искусств и в Высшем литературно-художественном институте, с 1923 г. читал курсы лекций в различных учебных заведениях, выступал с просветительскими лекциями, сопровождая их исполнением музыкальных программ.

С Н. Ф. Федоровым С. П. Бартенева сближился в конце 1894 г. Историю его знакомства с учением мыслителя можно восстановить по печатаемому здесь дневнику. Описал ее Сергей Петрович и в статье «Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых» (Русский архив. 1909. № 1. С. 119–122). В этой статье С. П. Бартенева представил дело так, как будто впервые о главной идее Н. Ф. Федорова — необходимости «воскресить всех умерших» — он услышал от И. М. Ивакина. Однако это вряд ли соответствует действительности: брат С. П. Бартенева Ю. П. Бартенева был учеником мыслителя и не мог не говорить с ним о воззрениях своего учителя. Кроме того, о федоровском учении знал П. И. Бартенева и имел по этому поводу свое суждение.

В записях С. П. Бартенева о его беседах с «Московским Сократом» мы имеем непосредственную фиксацию речи Федорова, примеры устного развертывания его мысли. Печатаемые фрагменты как нельзя лучше иллюстрируют свидетельства мемуаристов о яркой диалогической манере Федорова, о взволнованности и страстности его речи, о силе убеждения, пронизывавшей каждое его слово.

С. П. Бартенева был одним из немногих, писавших о Федорове, кто воспринял учение «всеобщего дела» только в устном изложении — сначала через своего брата Ю. П. Бартенева, затем через И. М. Ивакина (см.: Русский архив. 1909. № 1. С. 119–120) и наконец, беседуя с самим Федоровым; в письменном же виде, по крайней мере в 1890-е гг., к которым относятся и печатаемые фрагменты «Дневника», и два его письма к философу (Федоров IV, 636, 639), он это учение не знал. Другие лица из окружения Федорова, оставившие некрологи или воспоминания о нем, содержащие высказывания мыслителя, — И. М. Ивакин, Ю. П. Бартенева, Н. Н. Черногубов, Е. В. Барсов, Г. П. Георгиевский, — в большей или меньшей степени были знакомы также и с работами Федорова, что облегчало задачу адекватной передачи его мысли. В отличие от них С. П. Бартенева опирался лишь на устное слово Федорова. И тем не менее в своих записях он достаточно точно воспроизводит и содержание идей «всеобщего дела», и саму логику рассуждений философа, стремится к передаче характерных «федоровских» оборотов. Многие из того, о чем пишет Бартенева, находит себе соответствия в сочинениях Федорова, а некоторые высказывания мыслителя, запечатленные его слушателем, являются ценным дополнением к письменным текстам.

Впоследствии, в конце 1908 г., по просьбе своего отца П. И. Бартенева С. П. Бартенева подготовил на основе записей «Дневника» небольшие воспоминания о Федорове: «Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых» (Русский архив. 1909. № 1. С. 119–122). При этом мемуарист использовал две записи — от 7 декабря 1894 г. и от 10 сентября 1895 г., слив их воедино и представив как один разговор, состоявшийся 7 декабря 1894 г. (в качестве другого разговора приведена беседа С. П. Бартенева с И. М. Ивакиным, в которой последний излагал идеи федоровского учения). Текст записей был несколько отредактирован С. П. Бар-

теневым, причем изменению в основном подверглись реплики его самого (в ряде случаев они были дополнены и расширены).

¹ На титульном листе машинописи помещена следующая надпись: «Все разговоры с Н. Ф. происходили в каталожной зале Румянцевского музея».

² Дмитрий Алексеевич Хомяков (1841–1919) — церковно-общественный деятель, сын А. С. Хомякова.

³ Конец века (*фр.*).

⁴ Ю. П. Бартенев (см. примеч. к написанному им некрологу).

⁵ В статье «Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых» С. П. Бартенев, прежде чем привести эту дневниковую запись, описал свой разговор с И. М. Ивакиным, состоявшийся за некоторое время до первой личной беседы мемуариста с Н. Ф. Федоровым:

«Однажды с братом Юрием († 31 окт<ября> 1908) я отправился к Николаю Федоровичу в Каталожную Румянцевского музея в надежде услышать что-нибудь интересное, так как к нему собирались туда лучшие люди мысли <...>, глубоко его почитавшие и признававшие учителем. В Каталожную допускались не все, а только знакомые, особенно усердно занимающиеся. Беседы велись после 3 часов, когда кончалось время службы. До того времени Ник<олай> Фед<орович> непрерывно рылся в каталогах, приискивая требуемые из читальной залы книги и бегал сам их отыскивать, чтобы помочь в работе служителям и ускорить дело, так как он по памяти знал местонахождение многих книг. Придя в Каталожную, надо было взять книгу и заняться чтением, чтобы оправдать там свое присутствие. Мне пришлось приютиться у углового столика, рядом с неким И. М. Ив<акиным>, с которым я понемногу разговорился, сообщив о своем желании послушать мудрых речей Николая Федоровича.

Ив<акин> предупредил меня, что Ник<олай> Фед<орович> избегает разговаривать о главном. Для того чтобы он начал об этом говорить, надо приобрести его доверие. В чем же главное? — спросил я. — Он хочет воскресить всех умерших — был ответ. Сначала я ушам не поверил. Да как же? Да что же это такое? Чепуха, сумасшествие! — Это не такое сумасшествие, как кажется с первого раза, — отвечал Ив<акин>. Я: Но как же это сделать? Ив.: Надо изучить все тайны природы, постигнуть их все, без остатка и в полной мере, овладеть всеми ее силами, и тогда человек победит смерть. — Я: Мысль о достижении человеком земного бессмертия не новость. Искание средневековыми алхимиками жизненного эликсира — ничто иное, но это еще бесконечно далеко от воскресения умершего, уже исчезнувшего с лица земли человека, о котором и памяти не сохранилось. — Ив.: В мире все так неразрывно связано одно с другим, что постепенно можно восстановить все звенья. — Я: Конечно, все неразрывно, но тем не менее нельзя и представить себе приблизительно, каким же способом приступить к воскрешению. — Ив.: Очень недавно было немаломо себе представить, как можно овладеть молнией или определить химический состав солнца и звезд. Согласитесь, что подобную попытку сочли бы безумием. Однако теперь электричество — покорный слуга человека, а спектральный анализ безошибочен. Если это так, то нельзя отрицать, что в будущем откроются для людей такие возможности, которые превзойдут наши самые смелые мечты, которых и вообразить мы теперь

не в состоянии. — Я: Если это и не сумасшествие, то так неопределенно, что мысль отказывается принимать столь странное учение. — *Ив.*: Что же тут странного?! Ник<олай> Фед<орович> утверждает, что и теперь люди стремятся к этому, именно к этому. Мы принимаем пищу, чтобы восстановить потерянные частицы организма и тем поддержать жизнь; мы родим детей, чтобы в них продолжить жизнь, так как пока не можем еще продлить личное существование бесконечно, то есть победить и смерть, и, по физической необходимости опуская в землю умершего отца, по нравственной — стремимся воссоздать его образ и тем хотя бы отчасти воскресить его. Все это мы делаем без- или полусознательно. Но вследствие своего невежества восстанавливаем силы не полно, боремся с болезнью и разрушением несовершенно и потому умираем, живя без знания, дрянно, можно сказать, разрозненно и столь варварски-слепо-эгоистично, что вместо того, чтобы всем сплотиться против общего врага — слепой разрушающей силы природы, боремся друг с другом из-за средств к жизни. Ник<олай> Фед<орович>, как пророк Духа Животворящего, призывает всех сплотиться и общими братскими усилиями всех вместе для всех совершить великое дело. — Я: Но ведь это ужасная гордость. Мы, христиане, верим в воскресение и безумием его не считаем; но мы верим, что его совершит Бог. — *Ив.*: То есть, что люди будут сидеть сложа руки и за свою веру получают даровую премию в виде воскресения и жизни вечной. Нет, это безнравственно. Ник<олай> Фед<орович> слышать об этом не может; люди должны собственными усилиями выполнить волю Бога Живого, смерти не создавшего. Это их долг. Бог вложил в человека разум и волю и с человеком внес в мироздание разумность, сознание. Так для чего-нибудь он это сделал! Задача человека населить мир и управлять его разумом, победив слепую силу природы; когда это будет сделано и человек достигнет бессмертия, он по нравственной необходимости начнет великое дело, великий долг воскрешения отцов, тех, кому он обязан жизнью. Без этого нет смысла в вечной жизни. К чему мне она, если мой любимый отец не пользуется ее благом и коснеет в оковах смерти, небытия. Радость совершенная возможна лишь тогда, когда никто не исключен из участия в пении из чаши жизни вечной» (Русский архив. 1909. № 1. С. 119–121).

⁶ С. П. Бартепов готовился к отъезду в Египет: в начале 1895 г. он должен был дать два концерта в Каире (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 10. Ед. хр. 3. Л. 2).

⁷ Ю. П. Бартепов.

⁸ Федоров имеет в виду проповедь *Амвросия (Ключарева)*, архиепископа Харьковского (1821–1901), произнесенную в церкви Харьковского университета 17 января 1892 г. Амвросий призывал «с сознанием своей ограниченности и с благоговением» относиться к природным законам, «данным от Бога», а не стараться «повелевать» ими, а в заключительных словах проповеди прямо выступил против опытов по искусственному вызыванию дождя методом взрывов в облаках, проводившихся в те годы в Северо-Американских соединенных штатах, сообщения о которых появились в русской печати: «Не гордитесь перед православным народом, молящимся Господу на сухих своих полях о ниспослании дождя: он знает что делает, а бойтесь той дерзости, которая хочет привлечь дождь с неба пущечными выстрелами» (Прибавления к «Церковным ведомостям». 1892. № 5. С. 174). Федоров, стоявший на позициях христианского синергизма,

считавший человека соработником Творца в деле «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения», иначе трактовал тему «человек и природа». В опытах искусственного вызывания дождя, совпавших, кстати, с неурожаем и голодом в России и Европе, он увидел первые, еще несовершенные подступы к делу *регуляции природы*, внесенные в нее «воли и разума».

⁹ В одном из писем Н. А. Сетницкому (декабрь 1927) А. К. Горский, незадолго до того встречавшийся с С. П. Бартевым, дал колкий комментарий к словам Д. А. Хомякова по поводу Федорова: «Между прочим, Вы помните, в дневнике С. П. Бартева разговоры с Д. А. Хомяковым, возмущавшимся мыслями Н. Ф. Федорова. И что же теперь оказывается. Согласно некоторым интимным признаниям, сделанным тому же С. П. Бартеву», — этот ревностный славянофил, церковник и продолжатель заветов своего отца «в Бога-то и не верил»... Комментарии излишни» (ФР. I.3.27).

¹⁰ Слова змия-искусителя: «но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт 3: 5).

¹¹ Мф. 5: 48.

¹² В. А. Кожевников, друг и ученик Федорова (см. преамбулу комментария к публикации его письма А. К. Горскому о последних часах жизни Федорова).

¹³ Несколько неточная цитата из молитвы «Отче наш» (Мф. 6: 10).

¹⁴ Евр. 11: 1.

¹⁵ Ниже С. П. Бартев приводит текст письма к нему Н. Ф. Федорова, датированного промежутком между 10 и 24 декабря 1895 г. Поводом к письму послужило стихотворение в прозе, написанное С. П. Бартевым под влиянием бесед с мыслителем и присланное ему в Румянцевский музей в письме следующего содержания:

«Дорогой, глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Согласно ли это с тем, что Вы мне говорили?

Мир коснения, незнания, злобы, т. е. греха и потому смерти! Твой конец придет! Слепая сила, разумом не управляемая и потому разрушающая! *Не вечно твое царство!*

Настанет час, когда люди выполнят волю Бога живого, смерти не создавшего!

Пора! пора! Довольно спать, опьяняться забавами и в бессмысленной борьбе убивать друг друга. Бросьте рознь! Пророк Духа Животворящего зовет к делу всеобщему! Трубите в трубы, звоните в колокола и икру благовести воскресения раздувайте в пламя! Пусть колокольным звоном призыва зальется вся земля и пламя охватит пожаром всю вселенную. В этом пожаре сгорит мир греха, коснение и невежество и придет Царство Божие, омываемое потоками воли, озаренными знанием, движимыми любовью. Они будут источниками жизни вечной и воскресения всех умерших. Всеми и для всех совершится долг воскрешения сынами отцов.

Тогда

настанет царство жизни вечной, любви совершенной! Воскрешение и просветившиеся наполнят все небо, и бездушная вселенная населится и

озарится разумом. Волей разумной, волей Божией управится одушевленный мир.

Преданный, но нерадивый

ученик Ваш С. Бартенев» (*Федоров. IV, 636*).

¹⁶ Речь идет о главном сочинении Федорова «Вопрос о братстве, или родстве...».

¹⁷ В статье «Смысл войны» («Литературное приложение к “Ниве”». 1895. № 7. С. 420–462), составившей XVIII главу книги «Оправдание добра», В. С. Соловьев доказывал маловероятность «европейской войны», указывая на «всеобщность материальной культуры», обширность и прочность экономических связей, характерных для современной цивилизации Старого Света, как на важный миротворческий фактор, «могучее средство и основание мира» (*Соловьев. 8, 436*).

¹⁸ Федоров имеет в виду учение Л. Толстого «о непротивлении злу насилием», которое он оценивал резко негативно. Развивая тезис о несправедном и насильственном основании всякой государственной власти, которая противоречит христианской морали и узаконивает насилие и убийство в виде судебных приговоров, расправы над преступниками, войн и т. п., Толстой утверждал, что единственно возможной и нравственно оправданной позицией в таких обстоятельствах должно стать неподчинение несправедным законам: отказ от исполнения воинской повинности, уплаты налогов, участия в судебных разбирательствах и т. д. Федоров же в своей полемике с писателем развивал мысль о том, что призыв к непротивлению не только не устраняет зла в мире, но, напротив, способен усилить противостояние и вражду, и нужно не пассивное «неучастие» в делах тьмы, в суде над ближним, в насилиях и убийствах, а сознательный труд «искупления всеобщего греха», восстановления «жизни всех умерших поколений». Необходимо не разрушать созданные долгим трудом истории государственные и общественные структуры, а дать им должное, благое развитие, наполнить их деятельность активно-христианским содержанием, обратить на служение божескому делу. Тем более что механическая отмена сдерживающих механизмов власти при нынешнем нравственном состоянии человечества и невозможна; для этого нужен, с одной стороны, довольно долгий период воспитания, внутреннего роста, а с другой — объединение в труде не только внешней, но и внутренней регуляции, работа над несовершенной, смертной природой человека, неизбежно рождающей зло индивидуальное и социальное. Мгновенное прозрение, на которое уповал Толстой, столь любивший повторять: «Только бы поняли люди...», — для Федорова не более чем утопия.

¹⁹ Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Призыв», также посвященном Федорову:

Брат, проснись! Зарю ясной
 Засиял восток:
 К жизни вечной речью страстной
 Нас зовет пророк.
 Ночь неведенья минула,
 Знанья день встает;
 Все, что замерло, заснуло
 В жизнь Любовь зовет, —

В жизнь — на подвиг неустанный
 Общего труда,
 Чтоб настал нам день желанный,
 Светлый день, когда
 Знанием движимые силы
 И всеобщий труд
 Спящим в сумраке могилы
 Жизнь воссоздадут,
 И, встряхнув оковы тленья
 С праха мертвецов,
 Возвратит день воскресенья
 Сыновьям отцов.

²⁰ Н. Ф. Федоров, подобно ряду отцов церкви, в частности блаж. Августина, не считал, что зло обладает субстанциальной природой, полагая его лишь следствием несовершенства мира и человека, «недостатком добра».

В. Я. Брюсов

<Из дневника>

Впервые: *Брюсов В. Я. Дневники. 1891–1910. М., 1927. С. 85.*

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик. Запись о встрече с Федоровым относится ко времени работы Брюсова в журнале «Русский архив», где он был секретарем и одним из постоянных сотрудников. Именно с конца 1890-х гг. Брюсов начинает испытывать интерес к идеям мыслителя. В 1908 г. В. А. Кожевников по просьбе Брюсова высылает ему I том «Философии общего дела» и свою книгу о Федорове. «Зная (и ценя) ширину Вашего дарования, — пишет он Брюсову 9 декабря 1908 г., — я никогда не сомневался в “искренности и серьезности” Вашего интереса к мыслям Николая Федоровича» (ОР РГБ. Ф. 657. К. 89. Ед. хр. 55. Л. 9). О влиянии федоровских мотивов на поэзию Брюсова см. вступит. статью.

См. также ответ В. Я. Брюсова на анкету «Вселенского Дела» во II книге Антологии.

¹ О Н. Н. Черногубове см. комментарий к его «Заметке в журнале “Весы”».

² О Ю. П. Бартенева см. комментарий к его статье-некрологу «Памяти Николая Федоровича Федорова».

В. А. Кожевников

<Из письма А. К. Горскому о последних часах жизни Федорова>

Впервые: *Федоров и современность. Вып. 1. С. 19; Вып. 2. С. 16–17.* Оригинал письма утрачен. Печатается по копии, хранящейся в Московском архиве А. К. Горского и Н. А. Сетницкого.

Владимир Александрович Кожевников (1852–1917) — философ, ученый, поэт. Родился в г. Козлове Тамбовской губ. (ныне г. Мичуринск), в

семье почетного гражданина города. В 1868–1873 гг. являлся вольнослушателем Московского университета. Годом спустя вышел его первый научный труд: «Нравственное и умственное развитие римского общества во II в.» (Козлов, 1874), привлекая одобрительное внимание критики. В конце 1870-х гг. В. А. Кожевников задумывает многотомное исследование процесса секуляризации европейской культуры от эпохи Возрождения до XX в.; над этим трудом он работал много лет, написав 30 его разделов (см. список работ В. А. Кожевникова в письме к П. А. Флоренскому от 14 марта 1812 г.: «Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова» (комментарии И. В. Дубининой, А. В. Шургаия (с участием С. М. Половинкина), публикация игумена Андроника (Трубачева), И. В. Дубининой, А. В. Шургаия // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 96–97). Этот труд так и остался неопубликованным и погиб вместе с архивом ученого в 1930-х гг.

Обширнейшие и разносторонние знания были приобретены В. А. Кожевниковым самостоятельно: человек глубокой гуманитарной культуры, в котором, по словам современников, «жила целая академия наук и искусств», в совершенстве владевший восемью языками, он не имел университетского диплома. В 1875 г. в библиотеке Румянцевского музея молодой ученый встречается с Н. Ф. Федоровым, который становится его руководителем в деле самообразования и научных исследований, а вскоре знакомит Кожевникова со своими идеями.

Идейное и духовное общение В. А. Кожевникова и Н. Ф. Федорова длилось более 28 лет, до самой смерти мыслителя. Будучи автором многочисленных статей и книг, в том числе двухтомного исследования по буддизму (Буддизм в сравнении с христианством. Т. I–II. М., 1916), В. А. Кожевников вдохновлялся в своем анализе и оценках общественных и культурных явлений проникновенно усвоенными им федоровскими взглядами. Кроме того, он заботился обо всех делах философа, помогал ему в работе над рукописями. По побуждению Федорова выступал в периодической печати со статьями, излагавшими многие идеи и проекты мыслителя («Стены Кремля», «Международная благодарность», «Обыденные храмы в Древней Руси» и т. д.). Совместно с Федоровым была написана статья «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае?». В поэтическое наследие В. А. Кожевникова есть ряд стихотворений, прямо вдохновленных учением всеобщего дела («Призыв», «Цель жизни», «Да придет Царствие Твое!», «Жить или не жить?»), — их высоко ценил сам Федоров. В 1890-е–1903 гг. между учителем и учеником шла интенсивная переписка, и свои письма к другим лицам (Н. Я. Пясковскому, В. Я. Симонову и др.) мыслитель часто отправлял через Кожевникова.

После смерти Федорова В. А. Кожевников, которому Николай Федорович перед кончиной завещал все свои бумаги, вместе с Н. П. Петерсоном готовит к печати I–II тт. собрания сочинений мыслителя, дав им заглавие «Философия общего дела» (оба тома были изданы на средства Кожевникова). В 1904–1906 гг. в «Русском архиве» печатается серия его очерков о жизни и учении Федорова (отд. изд.: *Кожевников В. А.* Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. Ч. 1. М., 1908). В III томе «Философии общего дела» Владимир Александрович планирует помес-

тить воспоминания о Федорове, однако довести работу над томом до конца Кожевникову и Петерсону так и не удалось (подробнее см.: *Федоров*. III, 565–568).

В 1900-х гг. В. А. Кожевников углубленно изучает богословие, памятники древнехристианской письменности. Становится членом Клуба ищущих христианского просвещения (М. А. Новоселов, Ф. Д. Самарин, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, епископ Феодор (Поздеевский)). Он — автор ряда статей и брошюр по христианской апологетике: «О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем» (Ч. 1–2. М., 1910), «О добросовестности в вере и неверии» (М., 1909, 1912), «Современное научное неверие» (М., 1912), «Мысли об изучении святоотеческих творений» (М., 1912) и др. В 1912 г. В. А. Кожевникова избирают почетным членом Московской духовной академии.

В конце 1900-х — 1910-е гг. отношение В. А. Кожевникова к учению Федорова осложняется, что нашло свое отражение в переписке с Н. П. Петерсоном и П. А. Флоренским (см. соответствующие публикации во II книге Антологии и комментарий к ним).

Последние дни и часы жизни Федорова, о которых рассказывает В. А. Кожевников в письме А. К. Горскому (оно может быть датировано 1913–1916 гг.), прошли в Мариинской больнице для бедных, куда философ, заболевший тяжелым воспалением легких, был помещен по настоянию учеников и друзей. Скончался Федоров 15 (28) декабря 1903 г. Погребен на кладбище Скорбященского монастыря.

¹ Весной 1903 г. Н. П. Петерсон по совету В. А. Кожевникова отправил в редакцию религиозно-философского журнала «Новый путь» отгиски своей статьи о М. Горьком в газете «Асхабад», содержавшей большие куски из второй части работы Федорова «Вопрос о братстве, или родстве...». Редактор-издатель журнала П. П. Перцов ответил ему письмом, в котором сообщал о возможности частично поместить присланную статью, так как ряд ее положений сходен с направлением «Нового пути». В ответ Н. П. Петерсон загорелся мыслью напечатать в журнале целостное изложение федоровского учения. Федоров, отнесшийся к этой идее неоднозначно (см. его письмо В. А. Кожевникову от 1 июля 1903 г. — *Федоров*. IV, 479–482), тем не менее осенью 1903 г. начал работать над статьей «Антиномия эгоизма и альтруизма...», предназначавшейся для «Нового пути». Статья эта не сохранилась. Черновые наброски и варианты к ней напечатаны: «Православие в его отличии от эгоизма и альтруизма», «Ни эгоизм, ни альтруизм, а родство!», «Что такое “интеллигенты”, т. е. ходящие новым или нынешним путем?» (*Федоров*. II, 45, 198–199, 203–204); «Схема-чертеж, изображающий антиномию эгоизма и альтруизма, или двух смертей, и разрешение антиномии в долге воскресения, или полнота родства и жизни, т. е. любви» (*Федоров*. III, 347–351).

² Эта статья Н. Ф. Федорова не сохранилась. Отношение мыслителя к преп. Серафиму Саровскому запечатлено в его письме В. А. Кожевникову от 10 августа 1903 г. (*Федоров*. IV, 482–484). См. также: *Федоров*. Доп., 417–420.

³ О предсмертных беседах Федорова с учениками говорит в своем некрологе и Е. В. Барсов.

Г. П. Георгиевский

Памяти Николая Федоровича

Впервые: Московские ведомости 16 декабря 1903. № 341.

Григорий Петрович Георгиевский (1866–1948) — историк, археограф, книговед. Окончил Смоленскую духовную семинарию, а затем Санкт-Петербургскую духовную академию по славянскому отделению. В 1890 г. поступил в библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев на должность дежурного по читальному залу, затем некоторое время служил в Московском реальном училище (с августа 1891); в начале 1892 г. снова вернулся в Музеи, будучи назначен помощником хранителя отделения рукописей и славянских старопечатных книг (см.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1889–1891 гг. М., 1892. С. 152). В стенах главного московского книгохранилища Г. П. Георгиевский проработал до самой смерти. С 1903 г. он был назначен хранителем рукописного отделения; дважды, в 1904 и 1910 гг., временно замещал директора Музеев. После революции продолжал заведовать отделением, работал в должности главного библиотекаря (см.: Личное дело Г. П. Георгиевского // Архив РГБ. Оп. 199. Ед. хр. 34. Т. 1, 2).

С Н. Ф. Федоровым Г. П. Георгиевский сблизился с самых первых дней службы в библиотеке. Рассказывая о своих впечатлениях О. А. Новиковой, 19 сентября 1890 г. он писал: «Из служащих, всех вообще любезных и благородных, выделяется один, личность известнейшая в Москве и действительно замечательная — Николай Федорович Федоров. Он у нас занимается в каталожной подысканием книг для читающих, получает 30 р. Живет единственно только своею философией, пользуется буквально общим уважением... Сегодня я с ним вел оживленный и долгий разговор... и, признаюсь, преклонился перед его положительностью и образованностью. Нет книги, даже статьи в журнале, которая бы была ему неизвестна. Между прочим, к его характеристике. Ему Дашков предложил место помощника библиотекаря с 1000 р. жалованья в год, и он отказался. Обиженный Дашков спросил: “Чего же Вы хотите? Моего места?” — “Ни за что!” — “Так чего же?” — “Если Вы хотите знать мое желание, — ответил Ник<олай> Фед<орович>, — так извольте! Определите на мое место, т. е. на то, которое Вы предлагаете мне, бедного Н. И. Боборыкина, человека, не получившего образования, семейного и крайне нуждающегося”. Боборыкин и был определен и теперь служит у нас, постоянно благодаря Ник<олая> Фед<оровича>» (Цит. по: Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 30).

Г. П. Георгиевский ценил и уважал советы Федорова; во многом не без влияния своего наставника начал заниматься теми вопросами русской истории, которые находились в круге внимания мыслителя. В 1893 г. он выпустил брошюру «Завет преподобного Сергия», где, с использованием материалов Федорова, развил вопрос об установлении отдельного праздника Пресв. Троицы. В 1895–1896 гг. напечатал в «Русском обозрении» большую работу «Коронавание русских государей» (см. также: Чин коронавания и регалии // Московские ведомости. 14 мая 1896. № 131). В 1895 г. выступил в «Русском слове» с серией статей, описывавших уклад жизни допетровской Москвы в дни Великого поста, Страстной и Светлой седмиц,

а также празднование двенадцатых праздников — см.: «Страстная неделя в старой Москве» (№ 86); «Пасха в старой Москве» (№ 89: в этой статье Г. П. Георгиевский отмечал факт, к которому неоднократно привлекал внимание и Н. Ф. Федоров: «По окончании заутрени Государь со всею свитою шел из Успенского собора в Архангельский, прикладываясь там ко св. иконам и мощам и “христосовался с родителями”, поклоняясь гробницам своих усопших предков»); «Троицын и Духов день в старину» (№ 136); «Успенъев день в старой Москве» (№ 221) и др.

Помимо печатаемого некролога (в газете появился под криптонимом «Г. Г.») Г. П. Георгиевский является автором воспоминаний о Н. Ф. Федорове: «Из воспоминаний о Николае Федоровиче (к 40 дню кончины)» и «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний» (см. их в наст. Антологии).

¹ Н. Ф. Федоров поступил на службу в библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев в конце ноября 1874 г. и проработал там почти четверть века: официальное увольнение по собственноручному прошению мыслителя последовало 15 сентября 1898 г. Материалы к истории службы Федорова в Румянцевском музее см.: *Федоров. IV*, 637–638, 645–651; *Федоров. Доп.*, 534–536; *Борисов В. С.* Уход Н. Ф. Федорова из Румянцевской библиотеки // *Начала*. 1993. № 1. С. 143–152.

Е. В. Барсов

Памяти Н. Ф. Федорова

Впервые: Московский листок. 17 декабря 1903. № 350.

Еллидифор Васильевич Барсов (1836–1917) — этнограф, археолог, публицист. В 1870–1887 гг. служил в Московском публичном и Румянцевском музеях сначала помощником хранителя отделения рукописей, а затем, после передачи в здание Музеев Чертковской библиотеки, — библиотекарем созданных на ее основе русского и славянского отделений. В 1890-е гг. — один из ведущих сотрудников газеты «Московский листок». Собрал обширную коллекцию древних рукописей, особенно по истории раскола. Выпустил в свет издание «Причитаний Северного края» (Ч. 1–3. М., 1872–1886), был автором исследований о народной причете, в том числе похоронных плачах.

Е. В. Барсов глубоко чтит Н. Ф. Федорова, знал его идеи, и они находили в нем сочувственный отклик.

¹ Н. Ф. Федоров родился не в Пензенской губ., а в Тамбовской, в с. Ключи Елатомского уезда. Ошибка Е. В. Барсова, возможно, была вызвана тем, что на протяжении почти 20 лет, во время службы ученика Н. П. Петерсона в г. Керенске Пензенской губернии (Петерсон-то и был уроженцем этой губернии), Федоров регулярно проводил там каникулярное время.

² Федоров служил помощником библиотекаря Чертковской библиотеки в 1869–1872 гг., дежурным при читальном зале библиотеки Румянцевского музея в 1874–1898 гг., вольнотруждающимся при Московском главном архиве Министерства иностранных дел — в 1901–1903 гг.

³ Василий Андреевич *Дашков* (1819–1896) — этнограф и общественный деятель, директор Московского публичного и Румянцевского музеев в 1867–1896 гг. Федоров отказался от предложения В. А. Дашкова назначить его на должность помощника библиотекаря в пользу своего сослуживца Николая Ивановича Боборыкина (1852–1919).

⁴ Статьи и заметки Федорова о роли Москвы в истории и культуре России см.: *Федоров*. III, 75–122.

⁵ По преданию, преп. Серафим Саровский перед своей кончиной 2 января по ст. стилю пел Пасхальный канон. Было известно его пророчество о будущем Сарова и Дивеева: «О! Во, матушки вы мои, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! А народу-то, со всех сторон, со всех сторон!» (*Чичагов Л. М.* *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря*. М., 1896. С. 209). В 1903 г., когда Россия готовилась к торжеству открытия и прославления мощей преподобного (они прошли в Сарове и Дивеево 16–18 июля), были высказаны предположения, что пророчество Серафима о летнем пении Пасхи относится именно к этому событию (см., к примеру: *Денисов Л.* Мысли и впечатления от поездки в Саров и Дивеево // *Московские ведомости*. 1903. № 88–91).

⁶ Е. В. Барсов, по всей видимости, имеет в виду статьи В. С. Соловьёва «Китай и Европа» (1890) и «Византизм и Россия» (1896) — о воздействии на них взглядов Федорова см. в наст. Антологии статью А. Г. Гачевой «В. С. Соловьёв и Н. Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений».

Е. С. Некрасова

Памяти Н. Ф. Федорова

Впервые: Русские ведомости. 24 декабря 1903. № 353.

Екатерина Степановна Некрасова (1847–1905) — писательница, журналистка, историк литературы. Сотрудничала в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русская старина», «Исторический вестник», с 1883 г. регулярно писала для газеты «Русские ведомости». Была автором статей и публикаций, связанных с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя; в 1882–1883 гг. вела рубрику «О новых книгах» в журнале «Русская мысль», особо отмечая произведения В. М. Гаршина, В. Крестовского (псевд. Н. Д. Хвоцинской), М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского. Автор серии очерков о женщинах-писательницах (Е. П. Ростопчиной, Е. А. Ган, Е. Б. Кульман, А. Я. Марченко, Н. А. Дуровой), ряда книг для народа (сочувственные отклики в печати вызвала был «Больше чем родная». СПб., 1889).

Одна из центральных тем историко-литературной деятельности Е. С. Некрасовой — эпоха 1840-х гг., и прежде всего наследие А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Будучи лично знакома с потомками Герцена и рядом лиц из его окружения, она предпринимает усилия по собиранию рукописей писателя, материалов о его жизни и творчестве, готовит статьи и публикации. В конце 1890-х гг. по инициативе Е. С. Некрасовой в Московском публичном и Румянцевском музеях была создана Комната людей 1840-х гг., в которую писательница передала свою коллекцию и ежегодно пополняла ее новыми документами и экспонатами.

Создание Комнаты людей 1840-х гг. именно при Румянцевском музее было далеко не случайным. С Музеями Е. С. Некрасова была связана более 30 лет — всей своей научной деятельностью. В некрологе, появившемся в «Отчете Московского публичного и Румянцевского музеев за 1904 г.» (М., 1905), она названа «старинным другом Музеев» (С. 58). Писательница регулярно занималась в отделении рукописей и славянских старопечатных книг, готова публикации по найденным материалам, являлась постоянной читательницей библиотеки. Узы тесного творческого общения, а в ряде случаев и дружбы связывали ее с ведущими сотрудниками отделения рукописей и библиотеки: А. Е. Викторовым, Д. П. Лебедевым, С. О. Долговым, Н. И. Стороженко и др. Все они относились к Екатерине Степановне внимательно и сердечно, чем могли помогали в ее научных занятиях (в случае необходимости, по просьбе исследовательницы, книги даже выдавались ей на дом, что в Музеях делалось лишь в очень редких, исключительных случаях).

Перу Е. С. Некрасовой принадлежат памятные биографические очерки об А. Е. Викторове (Русская старина. 1884. № 8) и Д. П. Лебедеву (Русская старина. 1892. № 7). Некролог о Н. Ф. Федорове замыкает серию материалов о замечательных «музейцах». Эти очерки занимают особое место в творческом наследии Некрасовой. В них воссоздана духовная атмосфера Музеев, атмосфера самоотверженного, самозабвенного служения книжному и музейному делу, которую как раз и создавали люди типа Викторова, Лебедева, Федорова. Всех троих Е. С. Некрасова называет «идеалистами 40-х годов» — по ее внутренней, духовно-нравственной шкале ценностей это высшая из возможных оценок: с указанным понятием для Некрасовой связаны беззаветность общественного служения, высокое чувство долга, альтруизм, щедрость и широта сердца.

Федоров был в числе тех музейцев, с которыми у Некрасовой установились теплые и дружественные отношения. Они были отдаленно знакомы еще до поступления Николая Федоровича на службу в библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев, причем познакомились, как следует из некролога, через П. И. Бартенева. Когда же Федоров с конца ноября 1874 г. был зачислен в штат Музеев, они регулярно виделись в его стенах. Некрасова занималась в рукописном отделении под руководством А. Е. Викторова, работала и в читальном зале. Некоторое время, «в конце 70-х годов» Федоров и Некрасова были соседями по Набилковскому переулку: семья писательницы постоянно проживала там в собственном доме, а Николай Федорович снимал комнату. В некрологе Екатерина Степановна, описывая ежедневный уклад жизни мыслителя, опирается как раз на воспоминания этого времени.

По всей видимости, Федоров, как и другие «музейцы» — А. Е. Виктор, Д. П. Лебедев, Н. И. Стороженко, — бывал в доме сестер Некрасовых. Заходила и она в каморку мыслителя — ее описание также есть в некрологе.

Как можно заключить из письма Федорова Некрасовой от 6 апреля 1880 г. (Федоров. Доп., 7), был период, когда мыслитель испытывал к ней сильные, возвышенные чувства. Однако эти чувства остались неразделенными. Е. С. Некрасова глубоко уважала Николая Федоровича, ценила его ум и разностороннюю образованность, но не более того. В начале 1880-х гг.

сердце молодой женщины было занято Г. И. Успенским: он восхищал ее и как писатель, и как мыслитель, и как человек. В течение ряда лет их связывала нежная дружба, однако чувства Некрасовой были гораздо серьезнее. Екатерина Степановна тяжело переживала свою безответную любовь, а в 1885 г., после ее попытки все-таки перейти рамки дружбы, отношения между ней и Успенским были прерваны «без всякой пощады и надежды...» (НИОР РГБ. Ф. 196. К. 8. Ед. хр. 10. Л. 1 об.).

Несмотря на то что чувство Федорова не встретило в Некрасовой отклика, ее отношения с мыслителем оставались теплыми и сердечными и в 1880-е, и в 1890-е гг., хотя, по собственному ее признанию, в 1890-х гг. она «редко видала Николая Федоровича». Федоров продолжал оказывать содействие научным изысканиям Некрасовой, в ответ на ее библиографические запросы подбирал книги, наводил необходимые справки.

Вряд ли Некрасова была знакома с учением Федорова. Она знала и представляла его прежде всего как замечательного библиотекаря и библиографа-энциклопедиста, с одной стороны, и как человека подвижнической, аскетической жизни, с другой. Такое восприятие Федорова и нашло отражение в написанном ею некрологе. Подробные тема «Н. Ф. Федоров и Е. С. Некрасова» раскрыта в комментариях к: *Федоров. Доп.*, 558–562.

¹ Официально Федоров занимал должность дежурного чиновника при читальном зале библиотеки Румянцевского музея, однако фактически он действительно «заведовал каталожной»: как свидетельствовал Г. П. Георгиевский, через него проходили все требования на книги и без его просмотра не выдавалось в читальный зал ни одно издание (см. его воспоминания в наст. Антологии).

² Федоров учился в Ришельевском лицее в Одессе менее двух лет (1849–1851). Окончить полный курс наук он не смог из-за смерти дяди Константина Ивановича Гагарина, на средства которого и был помещен в это привилегированное учебное заведение. Его фундаментальные знания, поражавшие современников, были приобретены прежде всего самообразованием.

³ По всей видимости, отголосок «каракозовской истории»: во время следствия по делу ишутинцев Федоров был задержан как знакомый Н. П. Петерсона, однако вскоре после дачи показаний отпущен. Никаким преследованиям со стороны полиции он никогда не подвергался.

⁴ В архиве Е. С. Некрасовой сохранилась сопроводительная записка П. И. Бартенева: «С благодарностью препровождаются к Е. С. Некрасовой № 10 “Русского архива” 1872 и причитающиеся в размере 25 р. с листа 26 рублей. Петр Бартевев. 1872. Октября 16-го» (НИОР РГБ. Ф. 196. К. 10. Ед. хр. 24. Л. 1). Она-то и дает возможность установить дату первой встречи Федорова и Некрасовой: 16 октября 1872 г.

⁵ Алексей Егорович *Викторов* (1827–1883) — археограф, архивист, библиограф, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук. С 1862 г. состоял хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг Румянцевского музея. Параллельно с 1868 г. заведовал архивом и канцелярией Оружейной палаты.

⁶ Эти письма опубликованы: *Федоров. Доп.*, 7–8.

В. И. Шенрок

Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова

Впервые: Исторический вестник. 1904. № 2. С. 663–670.

Владимир Иванович Шенрок (1853–1910) — историк литературы, исследователь жизни и творчества Гоголя. Знал Н. Ф. Федорова по библиотеке Румянцевского музея.

¹ Статья юриста и литератора Анатолия Федоровича *Кони* (1844–1927) «Доктор Ф. П. Гааз», посвященная знаменитому общественному деятелю и филантропу первой половины XIX в., была опубликована в № 1, 2 журнала «Вестник Европы» за 1897 г.

² Текст статьи Е. С. Некрасовой «Памяти Н. Ф. Федорова» см. выше.

³ См. примеч. 8 к подборке «Л. Н. Толстой. Из дневниковых записей и писем о Федорове».

⁴ Достоевский Федорова лично не знал и беседовать с ним соответственно не мог. С идеями мыслителя он познакомился в изложении Н. П. Петерсона.

⁵ Речь идет о некрологе, написанном Г. П. Георгиевским (см. выше).

⁶ Этот эпизод имел место в 1872 г., еще до поступления Федорова на службу в Музей.

⁷ Надежда Алексеевна *Белозерская* (1838–1912) — историк литературы, переводчица. Речь идет о ее монографии «В. Т. Нарезный» (печатавшаяся в «Русском слове» за 1881, 1890 и 1891 гг.; отд. изд. — СПб., 1896).

⁸ Михаил Иванович *Сухомлинов* (1828–1901) — историк литературы. Листок первоиздания (editio princeps) одной из од Ломоносова, по всей видимости, разыскивался им для собрания сочинений М. В. Ломоносова (1891–1902), составителем и комментатором которого он являлся.

⁹ По всей видимости, речь идет о В. А. Дашкове (см. примеч. 3 к статье-некрологу Е. В. Барсова «Памяти Н. Ф. Федорова»).

¹⁰ Ошибка. Речь опять-таки идет о В. А. Дашкове (там же). Михаил Алексеевич *Веневитинов* (1844–1901) — историк, археограф, с 1896 г. — директор Московского публичного и Румянцевского музеев.

¹¹ А. Е. Викторов скончался от тифа 20 июля 1883 г. в Пятигорске, куда в очередной раз приехал во время летнего отпуска.

¹² Федор Иванович *Буслаев* (1818–1897) — языковед, фольклорист, историк литературы и искусства. Николай Саввич *Тихонравов* (1832–1893) — историк литературы, археограф.

¹³ Николай Ильич *Стороженко* (1836–1906) — литературовед, профессор по кафедре всеобщей литературы Московского университета. В 1892–1902 гг. — библиотекарь Румянцевского музея. Дмитрий Петрович *Лебедев* (1851–1891) — историк-архивист, с 1880 г. служил в Румянцевском музее помощником хранителя, а после смерти А. Е. Викторова хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг.

Н. Н. Черногубов

<Заметка в журнале «Весы»>

Впервые опубликовано: Весы. 1904. № 1. С. 54.

Николай Николаевич Черногубов (1873–1941) — литературовед, коллекционер, исследователь жизни и творчества А. А. Фета, собравший большую коллекцию его материалов. Позднее — сотрудник Третьяковской галереи.

Н. Н. Черногубов был знаком с Н. Ф. Федоровым по библиотеке Московского публичного и Румянцевского музеев. Он был в числе тех лиц из окружения Н. Ф. Федорова, которые, как Ю. П. Бартнев, И. М. Ивакин, знали его не только как «идеального библиотекаря», но и как «московского Сократа», как мыслителя. «Первый раз в мире случилось, что человек заговорил серьезным языком о самом серьезном деле», — так впоследствии характеризовал Черногубов Федорова и его учение (цит. по: *Федоров и современность*. Вып. 1. С. 17). В 1902 г. Н. Н. Черногубов выступил с инициативой публикации тома сочинений Федорова в издательстве «Скорпион», исполняя в этом деле посреднические функции (переговоры с издательством, перепечатка рукописей), однако издание не было осуществлено.

Помимо некрологической заметки Н. Н. Черногубов написал краткие воспоминания о Федорове, печатающиеся в наст. Антологии ниже.

¹ Ср. заметку Федорова «Сын, человек и их синтез — сын человеческий»: «“Человек” — это уже истасканное слово, обозначающее собою такое существо, которое с гордостью оповещает о своих слабостях: “Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо”. <...> гуманизм есть блуждание умственное и нравственное. <...> Для выхода из области блужданий нужно признать себя сынами человеческими вместо человека. В присоединении к “сынам”, указывающим на отцов, человеческого заключается не отрицание лишь розни, племенной и народной, а объединение сынов для блага всех отцов» (*Федоров*. II, 197–198).

² Федоров любил повторять, что нет умерших, есть только умерщвленные, умерщвленные по нашей розни, слепоте и бездействию.

Ю. П. Бартнев

Памяти Николая Федоровича Федорова

Впервые: Русский архив. 1904. № 1. С. 191–192.

Юрий Петрович Бартнев (1866–1908) — историк, публицист. Сын П. И. Бартнева. По окончании Московского университета начал помогать отцу в издании и редактировании «Русского архива». В 1893–1896 гг. по несколько месяцев жил за границей, готовясь к сдаче магистерского экзамена по философии, надеясь занять университетскую кафедру. Экзамен был сдан неудачно, и Ю. П. Бартнев вернулся к работе в «Русском архиве». В 1900 г., в связи с материальными трудностями, принял место по цензурному ведомству, одновременно продолжая редакторскую работу в

журнале. В 1890–1900-х гг. поместил в «Русском архиве» ряд собственных статей историко-публицистического характера, подготовил к публикации большое количество архивных материалов, писал мелкие заметки и некрологи. Все статьи и заметки Ю. П. Бартенева появлялись в журнале либо без подписи, либо под инициалами «Ю. Б.».

Ю. П. Бартенева считал себя учеником Федорова. Документальные сведения об их общении относятся к 1892–1903 гг., однако следует предположить, что Юрий Петрович знал мыслителя и ранее, возможно даже с самого детства. Ведь в 1869–1872 гг. Федоров служил в Чертковской библиотеке под непосредственным началом его отца, П. И. Бартенева. Сближение же Ю. П. Бартенева с Федоровым и их регулярное общение началось после того, как Юрий Петрович, студент Московского университета, начал посещать библиотеку Музеев. Ю. П. Бартенева содействовал публикации статей мыслителя и его ученика В. А. Кожевникова в «Русском архиве», написал и опубликовал в этом журнале несколько статей, вдохновленных идеями Федорова, а в ряде случаев сохранивших целые куски, написанные мыслителем или взятые самим Бартеневым из его статей и заметок: «В. Н. Каразин и господство над природою» (1892. № 5) и «Святой Сергей Радонежский» (1892. № 10) — а затем (1892. № 11) еще небольшая реплика «По поводу заметки о Св. Сергии Радонежском»; «Об историческом значении царского титула» (1895. № 5); «Памятник Александру Второму и Московский Публичный музей» (1898. № 10).

Завершая комментарий к серии статей-некрологов о Федорове, позволим себе дать их краткий анализ.

Газетные и журнальные некрологи, а также воспоминания Г. П. Георгиевского (их текст см. в данном разделе ниже) были первыми печатными материалами о жизни и учении Федорова. Самый жанр этих первых откликов на кончину мыслителя диктовал определенную генерализацию: схватывалась, так сказать, суть человека, наносились монументальные линии, создавался общий портрет-идея. И уже были намечены те основные оценки личности Федорова, которые затем будут расширяться, дополняться, насыщаться новыми сведениями в работах его учеников — В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, а также в воспоминаниях (Н. П. Петерсона, И. А. Линниченко и др.).

В некрологах, написанных теми лицами из окружения Федорова, которые или прямо считали себя учениками мыслителя (Ю. П. Бартенева), или были знакомы с его взглядами и в той или иной степени их разделяли (Е. В. Барсов, Г. П. Георгиевский), не просто был обрисован жизненный и духовный облик Федорова, но и делались первые попытки познакомить читателей с его идеями. Изложение учения здесь — неотъемлемая часть характеристики усопшего. Конечно, небольшой объем статьи-некролога не позволял особенно растекаться мыслью по древу, но и на малом пространстве текста, пускай отрывочно, пускай даже местами сумбурно, авторы стремились передать существо воззрений Федорова, общий пафос его мысли. Е. В. Барсов опирался на предсмертные речи Федорова, Ю. П. Бартенева набросал краткое резюме его идей, Г. П. Георгиевский в некрологе охарактеризовал Федорова как «замечательного философа и само-

стоятельного мыслителя», «глубочайшие и оригинальные воззрения» которого «привлекали к себе и Достоевского, и Владимира Соловьева», и затем раскрыл эту характеристику в своих воспоминаниях, изложив учение мыслителя в том виде, в каком он его знал и понимал, приведя фрагменты сохранившегося у него плана-программы одной из статей Федорова.

Воскресительные идеи Федорова в некрологах о нем звучат напрямую, не скрываясь за темами отечествоведения и библиотечного дела, как в прижизненных печатных выступлениях философа и его учеников на страницах московских газет. Возможно, тому способствовала, как ни парадоксально, именно смерть: Федоров уже был изъят из разряда живущих, стал достоянием исторической и культурной памяти, и его жизнь и труды нужно было запечатлеть на ее скрижалях с наибольшей ясностью и полнотой. Кроме того, сыграло свою роль и потрясение от кончины человека, чаявшего победы над смертью и восстановления «всех умерщвленных». «Не верилось, — писал С. П. Бартенева, — что этот ополчившийся против смерти человек когда-нибудь умрет... Когда это случилось и я увидел его лежащего мертвым, помню, мир мне показался в овчинку, столь далеким, маленьким! Такого человека не стало» (*Бартенева С. П. Николай Федорович Федоров: Два разговора о воскрешении мертвых // Русский архив. 1909. № 1. С. 122*). Именно в день похорон Федорова брат С. П. Бартенева Ю. П. Бартенева пишет его некролог, противопоставляя безжалостной логике факта (смерть «философа-праведника») «веру и надежду воскресения», призыв к деятельному участию в нем всего человечества, как бы реализуя излюбленный тезис своего учителя: «по физической необходимости» зарываем ушедшего в землю, по нравственной — восстанавливаем его в виде памятника, воспоминания; в данном случае — через воскрешение его облика, изложение дорогих ему идей.

В свете учения о воскрешении рассматривали Барсов, Бартенева, Георгиевский и жизненный уклад Федорова, и его деятельность в Румянцевском музее. Взаимосвязь мысли и жизни философа общего дела для них была очевидна. «Я особенно настаиваю на характеристике его жизни как *служения*, из-за которого совсем не было видно ни личной жизни Николая Федоровича, ни службы его, понимаемых в обычном смысле», — писал Георгиевский (*Московские ведомости. 1904. № 23. 24 янв.*). Жизненный и духовный облик Федорова приобретал в описании близких ему людей житийные черты, рассматривался с точки зрения христианского подвига, причем речь шла об особом типе подвижничества — подвижничества в миру, одушевленного идеалом активного христианства (особенно этот акцент ощутим в некрологе, написанном Ю. П. Бартенева). Перечисленные нами авторы некрологов, в сущности, предвосхитили позднейшее высказывание В. Н. Ильина о том, что Федоров единственный, или один из немногих, «философ с житием, а не с биографией» (*Ильин В. Н. О религиозном и философском мировоззрении Н. Ф. Федорова // Евразийский сборник. Политика, философия, Россияведение. Кн. VI. Прага, 1929. С. 18*).

В отличие от некрологов Барсова, Бартенева, Георгиевского, представлявших Федорова как религиозного мыслителя и учителя, некрологи, написанные Е. С. Некрасовой и В. И. Шенроком, в центр внимания ставили Федорова-человека, Федорова-библиотекаря и библиографа и не касались его религиозно-философских идей. Впрочем, В. И. Шенрок, превознося

широчайшую образованность Федорова, величая его «очень умным и мыслящим человеком», как бы между делом обмолвился, что идеальный библиотекарь и библиограф иногда отстаивал «совершенно невозможные мысли»: в будущем «смерти не будет и даже все прежде умершие воскреснут», — и тут же принялся «извинять» в глазах просвещенных читателей странный «парадокс» Федорова, призывая видеть в нем «только крайнее, но искреннее увлечение», а отнюдь не принимать его всерьез (Исторический вестник. 1904. № 2. С. 663–664).

Но такое игнорирование главной идеи, одушевлявшей и мысль, и жизнь, и библиотечную деятельность Федорова, — у Е. С. Некрасовой, скорее всего, по неведению и невниманию, у В. И. Шенрока вполне сознательное, — приводило к неизбежному искажению облика мыслителя. Излагались вроде бы те же факты, что и в некрологах Бартенева, Барсова, Георгиевского (говорилось и об аскетизме философа, и о его служении ближним, и о библиотечных заслугах), но они звучали совершенно иначе, все акценты были другими. Не зная, не понимая и не принимая учения о воскрешении, не чувствуя той религиозной почвы, на которой сформировались образ жизни и личность Федорова, авторы указанных некрологов вольно или невольно пытались поместить умершего в понятную и привычную им секулярно-гуманистическую систему координат.

Так, и Е. С. Некрасова, и В. И. Шенрок представляют Федорова «идеалистом» и «альтруистом» до мозга костей: «Этот несравненный библиограф-энциклопедист существовал и трудился исключительно ради других, для того, чтобы помогать другим, облегчать другим их научные труды», — восклицает первая. «Где и когда найдешь такого энтузиаста и такого самоотверженного человека, всецело жившего для других?» — вторит ей последний. Но ведь Федоров был как раз критиком альтруистической морали («Альтруизм не может быть самым высшим началом и конечную целью, ибо в нем заключается страдание, хотя и добровольное, и пользование этим страданием, хотя бы и невольное» (Федоров. III, 244)), и в противовес «антиномии эгоизма и альтруизма» выдвигал формулу высшей соборной нравственности: «Жить нужно не для себя и не для других, а со всеми и для всех».

Особенно ярко зависимость суждений о Федорове от собственных убеждений пишущего лица ощутима в некрологе Е. С. Некрасовой. Писательница-демократка, много лет занимавшаяся периодом 1840-х гг., и в частности творчеством А. И. Герцена, называет мыслителя «идеалистом сороковых годов». Попутно упоминает о том, что он «пострадал за свои убеждения» — неясный и неверный отзвук дела ишутинцев, имевшего отношение не к нему, а к его ученику Н. П. Петерсону. Между тем называть Федорова «идеалистом сороковых годов» неверно не только хронологически (мыслитель родился в 1829 г. и в сороковые годы еще учился в Тамбовской гимназии, вдали от Москвы и Петербурга), но и по существу: этот мировоззренческий и духовный комплекс, наиболее яркими выразителями которого являлись В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, был ему чужд. И уж совершенно противоположны его убеждения убеждениям радикалов-ишутинцев (это хорошо иллюстрирует рассказ Н. П. Петерсона о первой беседе с мыслителем 15 марта 1864 г. — см. ниже его воспоминания).

Интересно, что в рассказе Е. С. Некрасовой о раздаче жалованья нуждающимся (непременная тема большинства некрологов и воспоминаний о Федорове) фигурируют почему-то только «бедные студенты». С точки зрения писательницы-демократки, здесь все правильно: именно «бедным студентам», и непременно естественникам, режущим лягушек, вроде пресловутого Базарова, и должен был отдавать свое жалованье «идеалист сороковых годов», а вовсе не каким-то там прозябающим семейством, жалким бродягам и пьяницам. Но из воспоминаний того же И. М. Ивакина явствует, что среди «пенсионеров» Федорова попадались и такие. А еще приходят на ум резкие, и весьма резкие, высказывания Федорова по студенческому вопросу («университетские недоноски усиливаются захватить власть, устроить эмбриократическое царство» (*Федоров*. III, 245) и т. п.), — о них, кстати, писал и Г. П. Георгиевский в воспоминаниях, опубликованных в «Московских ведомостях».

В изображении Некрасовой Федоров выглядит благородным идеалистом-гуманистом-филантропом, не замечающим, так сказать, «зла и пошлости окружающей действительности» и неуклонно стремящимся «делать добро», готовым снять с себя последнюю рубашку (так же определяет его и В. И. Шенрок, который широко опирается на статью Некрасовой и всячески ее превозносит). Однако Федоров отнюдь не являлся прекраснодушным мечтателем, живущим в плену розовых иллюзий, и филантропом в расхожем значении этого слова он также не был, хотя и раздавал свое жалованье нуждающимся, а в случае необходимости и последнюю рубашку снимал без лишних слов (см.: *Кожевников*, 30). К филантропии в том ее виде, в каком утверждалась она в «торгово-промышленной», капитализирующейся цивилизации, философ относился отрицательно — достаточно вспомнить его выпады против благотворительной деятельности американского миллионера Э. Карнеги и развитой им теории справедливого использования богатства (*Федоров*. III, 437; IV, 330; ср. в некрологе Е. В. Барсова: «...благотворительность *не во имя Христа*, а во имя какого-то участка была ему противна: бездушна она и не имеет никакой нравственной цены»). Секулярному понятию «филантропии» Федоров противопоставлял религиозные понятия братской христианской помощи, милосердия и милостыни, которые должны быть движимы стремлением увидеть в каждом униженном человеке «образ и подобие Божие», чаянием всеобщего спасения и обожения. Более того, по убеждению мыслителя, единичная, частная благотворительность, зачастую сводящаяся лишь к денежным пожертвованиям, не способна действительно бороться со злом и несовершенством в мире, — для этого необходим соединенный общий труд. Не случайно так много в сочинениях Федорова говорится о «братских помочах и толоках» и даже всеобщее дело регуляции и воскрешения иногда называется им «общей помощью и толокою».

Отметим еще один «промах» в рассказе Некрасовой, вызванный непониманием самых дорогих идей превозносимого ею «библиографа-энциклопедиста». Говоря о его службе в Музеях, писательница мимоходом бросает фразу об «отупляющем каталожном деле», от которой сам Федоров пришел бы в ужас и негодование: достаточно вспомнить его суждения о «карточке, приложенной к книге», этой матрице памяти о почившем авторе; о библиографии как «ключе знания» прошедшего; о библиотеках и

музеях как очагах воспитания, неотделимого от любви к отцам и предкам, как центрах познания и исследования, одушевляемого любовью. Недаром философ и богослов В. Н. Ильин в пока неопубликованной книге о нем называет мыслителя «библиологом» и «библиософом», служителем христианского духа «вечной памяти», несущей в себе обетование личностного запечатления и воскресения (Личный архив В. Н. Ильина. Собрание В. Н. Ильиной. Подробнее о философии книги в трудах Федорова см.: *Кожевников, 3–11; Семенова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни*. М., 1990. С. 64–71; *Панфилов М. М. Книжная культурология: хроника необъявленной войны // Библиотекосведение*. 1999. № 3. С. 108–117.)

Характерно, что Н. П. Петерсон, ближайший ученик Н. Ф. Федорова, в одном из писем В. А. Кожевникову негативно отозвался о некрологах, помещенных в «Русских ведомостях» и «Историческом вестнике»: статьи «Шенрока и Некрасовой мне далеко не понравились; впрочем о Шенроке Н<иколай> Ф<едоров>ч отзывался всегда как о человеке очень тупом; о Некрасовой я не слышал от Н<иколая> Ф<едорови>ча» (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 29. Л. 72 об.–73).

Несоответствие «определений», даваемых Федорову в некрологах, с коренными его убеждениями было отмечено — и не без колкости — в небольшой памятной заметке, появившейся в первом, программном номере журнала «Вesy» за 1904 г., автором которой был Н. Н. Черногубов, достаточно хорошо знакомый с учением всеобщего дела. Позднее А. К. Горский, автор биографического очерка о философе, предостерегал от соблазна судить о Федорове только на основе его жизненного поведения: «...учение Федорова гласило о полноте жизни, он вооружался против аскетизма, настойчиво подчеркивая его недостаточность, односторонность, бессилие; равным образом говорил о тщете частной и денежной благотворительности» (*Федоров и современность*. Вып. 1. С. 18–19). Для объяснения своеобразного «противоречия» писаний и жизни мыслителя, для «понимания постоянного настроения Федорова» (Там же. С. 19), исследователь приводил высказывание Ю. П. Бартенева, сравнивавшего внутреннее состояние Федорова с состоянием «матери, у которой опасно болен ребенок» и которая направляет все свои силы на спасение любимого существа. Аскетический образ жизни для философа воскрешения не был самоцелью — он просто не мог жить иначе, не был для него высшей ценностью и альтруизм, а потому определения «альтруист», «идеалист», «аскет», не будучи сопряжены с параллельной характеристикой учения всеобщего дела («сборность», «активное христианство», «положительное целомудрие»), неизбежно были обречены на поверхностность.

Итак, в тех случаях, когда авторы некрологов воспринимали Федорова лишь как библиотекаря, библиографа и высоконравственного человека, его образ неизбежно в той или иной степени подвергался искажению (или в лучшем случае страдал неполнотой). Когда же воспоминание об отшедшем являлось не только рассказом о его личности и жизни, но и исповеданием его веры, тогда оно было гораздо ближе к тому, чтобы постигнуть феномен Федорова. Ведь некоторые определяющие черты его личности и поведения, которые так поражали современников, обретали истинное свое значение лишь будучи пропущены сквозь призму его идей.

К примеру, практически все мемуаристы отмечали колоссальные познания Федорова, удивительную его память, способность давать глубокие

и исчерпывающие ответы на самые сложные запросы читателей. «Это была прямо живая энциклопедия в самом лучшем смысле этого слова», — писал Георгиевский. Но ведь дело заключалось не просто в феноменальной, так сказать, механической памяти Федорова. Мыслителю было дано какое-то удивительное восчувствие культуры как живого организма в морфологической целесообразности и взаимосвязанности ее частей и отраслей — поэтому каждый раз его рекомендация и совет обнаруживали не верхнюю, назывательную популярно-энциклопедическую осведомленность, а знание истинное, глубинное, исследовательское. Впоследствии об этом хорошо скажет А. Л. Волинский: «В нем всю жизнь память стояла каким-то пылающим светом, который он из своего рефлектора направлял всюду, куда оказывалось нужным в данную минуту. <...> Это был не архивариус, а живой сын минувших времен и поколений <...> в могучей диалектике этого человека, кроме стальной логики, прошлое и будущее смешивались вместе, спаянные историческим и моральным цементом. Светосные отражения прошлого создавали какой-то иконописный ореол вокруг того общего дела жизни, который он называл проектом будущего» (*Волинский А. Л. Воскрешение мертвых // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 2; опубликовано в наст. Антологии*).

Именно такой способ рассказа о личности Федорова — с опорой на его идеи, с параллельным изложением учения, впервые опробованный в некрологах, лег затем как в основу книги В. А. Кожевникова «Николай Федорович Федоров», так и в основу публикуемых ниже воспоминаний Н. П. Петерсона.

Н. П. Петерсон

<Из воспоминаний о Федорове>

Печатается по беловому автографу (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 5. Ед. хр. 7) с учетом черновиков (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 5. Ед. хр. 8, 12).

Николай Павлович Петерсон (1844–1919) — публицист, педагог, юрист; друг и ученик Н. Ф. Федорова, издатель его сочинений.

Н. П. Петерсон — уроженец Пензенской губ. (родился в д. Барановка Краснослободского уезда). В 1861 г., по окончании Пензенского дворянского института, был принят без экзаменов в Московский университет на историко-филологический факультет, однако по стесненным материальным обстоятельствам был вынужден отозвать свои документы. В 1862 г. Петерсон — учитель яснополянских школ Л. Н. Толстого, сотрудник журнала «Ясная Поляна». В 1863 г. он снова подает документы в университет и начинает заниматься на медицинском факультете. Тогда же сблизается с кружком «ишутинцев», членами которого были его товарищи по Пензенскому дворянскому институту. И весной 1864 г. уезжает в г. Богородск, заняв место преподавателя арифметики и геометрии тамошнего уездного училища, с тайной целью вести среди местной интеллигенции революционную пропаганду.

Именно в Богородске 15 марта 1864 г. происходит знакомство Петерсона с Федоровым, учителем истории и географии Богородского уездного училища, под влиянием которого во взглядах молодого человека происхо-

дит коренной перелом: «Не разрушение и смерть, а жизнь бесконечную проповедовал Николай Федорович, и я отвернулся от прежней своей деятельности» (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 11. Ед. хр. 5. Л. 8). Н. П. Петерсон навсегда оставляет революционную пропаганду, становится преданным учеником и последователем мыслителя.

Увлеченный педагогическими идеями Федорова, Петерсон собирался осуществить некоторые из них в г. Бронницы, куда он был переведен весной 1865 г.: начал организацию при уездном училище музея с различными коллекциями на основе местного материала (археологической, исторической, геологической, энтомологической и др.), чтобы дать возможность учащимся всесторонне изучать историю, природу, культуру родного края, самим участвовать в собирании необходимых сведений. Петерсон планировал создание школьного огорода, аквариума и скотного двора, на котором трудились бы сами ребята, собирался организовать метеорологические наблюдения. Надо сказать, что его инициатива была всецело подержана как образованными жителями Бронниц, так и местной властью — об организации музея было сообщено в губернских ведомостях, в совет музея вошли губернский предводитель дворянства, председатель земской уездной управы, все учителя уездного училища, а также исправник с помощником, являвшимся членом Губернского статистического комитета, коллекционером древностей, который намеревался пожертвовать свои коллекции создаваемому музею (см.: ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 63–65 об.). К сожалению, довести свой замысел до конца Н. П. Петерсон не смог: 28 апреля 1866 г. его арестовали в связи с делом Д. В. Каракозова.

Спустя несколько месяцев после своего освобождения (Петерсон был приговорен к шестимесячному заключению в Петропавловской крепости, с учетом времени, проведенного под следствием), в конце лета 1867 г., ученик Федорова получает место помощника библиотекаря Чертковской библиотеки в Москве. Здесь он много общается с П. И. Бартеневым, переписывает документы для журнала «Русский архив», держит корректуры «Войны и мира» Л. Н. Толстого. А в 1869 г., передав свое место в библиотеке Н. Ф. Федорову, начинает служить по судебной части: сначала в г. Спасске Тамбовской губ. — секретарем съезда мировых судей, затем в Пензенской губ.: с 1870 по 1891 г. в г. Керенске в той же должности; с 1891 по 1894 г. — в г. Мокшане, городским судьей; в 1894–1899 — в Воронеже, городским судьей 3-го участка, и, наконец, членом асхабадского (1899–1904), верненского (1904–1912), зарайского (1912–1918) окружного суда.

Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в течение почти сорока лет связывала глубокая дружба (лишь в 1900–1902 гг. их отношения осложнились, что в конечном итоге привело к разрыву учителя и ученика — о причинах этого разрыва см.: *Федоров. Доп.*, 409–414), крепившаяся во многом тем, что они были единомышленниками. В 1860-е гг. философ последовательно вводил Петерсона в совокупность уже сложившегося учения, раскрывая перед ним результаты многолетней душевной и интеллектуальной работы. То же самое продолжалось и в Керенске, причем Петерсон начал записывать то, что до тех пор «слышал от Николая Федоровича лишь на словах». А с 1878 г., когда было предпринято письменное изложение учения о воскрешении, активно помогал Федорову в работе над

рукописями, писал под его диктовку, переписывал черновики и исправленные варианты. Неоднократно пытался подвинуть философа к обнаружению его идей. Именно через Петерсона с идеями Федорова познакомился Ф. М. Достоевский. От Петерсона впервые услышал о Федорове и Л. Н. Толстой.

В своей общественной и публицистической деятельности Петерсон широко руководствовался взглядами Федорова на задачи отечествоведения и педагогики. Он много сделал для изучения истории тех мест, где оказывался по службе. Собирал сведения о Керенском крае, участвовал в работе Воронежского губернского музея, был одним из инициаторов организации в Асхабаде Закаспийского кружка любителей археологии. Периодически выступал в печати (часто — совместно с Федоровым) по вопросам образования, просвещения, народных школ, рассматривая их с позиций учения «всеобщего дела» (подробнее см.: *Федоров*. III, 582–587).

После смерти Федорова Н. П. Петерсон вместе с В. А. Кожевниковым подготовил к печати два тома сочинений мыслителя, работал над материалами к III тому, написал книгу: «Н. Ф. Федоров и его книга “Философия общего дела” в противоположность учению Л. Н. Толстого “о непротивлении” и другим идеям нашего времени» (Верный, 1912). В 1913–1916 гг. полемизировал в печати по поводу учения Федорова с Е. Н. Трубецким и С. А. Голованенко.

Одной из главных тем публицистических выступлений Петерсона в 1900–1910-е гг. являлся вопрос о роли христианства и Церкви в мире. В статьях, опубликованных на страницах провинциальной и столичной печати, прямо следуя Федорову, он развивал представление об истории как богочеловеческой «работе спасения», о неразрывности личного духовного подвига и общественного дела. Много внимания уделял проблеме государственного и социального устройства России, подчеркивая религиозное значение царской власти, писал о необходимости воплощения в жизни общества начал соборности (Туркестанские епархиальные ведомости. 1910. 15 апр.). В марте 1918 г. обратился к патриарху Тихону и Собору Русской Православной церкви с запиской «Что такое православие?» (см. II том Антологии). Подробнее о Н. П. Петерсоне: Библиография. 1995. № 2. С. 114–125.

Над воспоминаниями о Федорове Петерсон работал в последние годы жизни. В его личном фонде в НИОР РГБ хранится первоначальный набросок воспоминаний (Ф. 657. К. 5. Ед. хр. 12) и черновой и белой автографы (К. 5. Ед. хр. 8; К. 5. Ед. хр. 7). Черновой автограф содержит дату: «12 февраля 1916 г.» и подпись: «Петрасын (Петерсон)» (Ф. 657. К. 5. Ед. хр. 8. Л. 108). Наиболее интересна первая часть воспоминаний, касающаяся истории знакомства Петерсона с Федоровым и керенского периода их общения. В дальнейшем Петерсон от воспоминаний переходит к изложению идей Федорова с приведением пространственных цитат.

¹ В Богородском уездном училище Н. Ф. Федоров служил учителем истории и географии с 30 октября 1858 г. по 22 июня 1864 г. (Румянцевский аттестат [Н. Ф. Федорова] // Начала. 1993. № 1. С. 148).

² О том, что у Федорова были голубые глаза, пишет в своих воспоминаниях не И. Л. Толстой, а И. А. Линниченко (см. текст в наст. Антологии).

³ В своих показаниях по делу Каракозова Н. П. Петерсон так рассказывал о своей первой встрече с Федоровым: «В марте <...> я отправился в Богородск, исправляющим должность уездного учителя. Моею обязанностью было там: приобрести как можно большее знакомство для выбора людей, пригодных для нашего дела; стараться преимущественно привлекать к этому делу людей богатых, которые могли бы много жертвовать; и потом вообще я обязан был пропагандировать. В первый же вечер я отправился к учителю истории и географии Федорову и почти первыми моими словами были: “Выписываете ли Вы какие-нибудь журналы, например „Современник“?” “Современника“ не выписываем” — ответил. Я предложил было выписать сообщца, но он сказал, что незачем, и доказал мне всю пустоту этого журнала и несостоятельность его идей. Доказал мне он все это на том самом произведении, которое считалось нами лучшим во всем “Современнике”, а именно на романе Чернышевского “Что делать?”. Его ум, знания, перед которыми мои были ничто, да и не мои одни, но всех моих товарищей, меня поразили и я ему сознался во всем. Ему не слишком трудно было доказать мне, что революционные действия ведут только общество к порче, потому что эти действия и могут только держаться подобными средствами, как те, которые высказываются в польском катехизисе; что делая подлости для достижения какой-нибудь общей цели, человек невольно делается подлецом во всех отношениях; да и наконец, что дурными средствами нельзя достигнуть никакой другой цели, кроме дурной. На Пасху я отправился в Москву совершенно увлеченный мыслями Федорова. Когда я приехал к своим товарищам, то начал говорить против их затей. Они, конечно, удивились неприятно, ожидая меня совсем не с такими вестями» (ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 55 об.—56 об.).

⁴ В. А. Кожевников в книге о Федорове уточняет: особая ветхость костюма Федорова в день посещения Богородского училища инспектором М. А. Малиновским была связана с тем, что мыслитель был вынужден продать свой вицмундир, желая выручить семью одного из учащихся, которой не на что было похоронить отца (*Кожевников*, 30).

⁵ Официальный перевод Федорова в Угличское уездное училище состоялся 23 июня 1864 г. (Румянцевский аттестат [Н. Ф. Федорова] // *Начала*. 1993. № 1. С. 149; публикация В. С. Борисова).

⁶ *Митрополит Московский и Коломенский Филарет* (Дроздов; 1782–1867) — выдающийся церковный деятель, проповедник и богослов; покровительствовал развитию наук и искусств, был членом Российской Академии наук, Общества истории и древностей российских и др. Канонизирован Русской Православной церковью в 1994 г.

⁷ Корнелий Иванович *Полтавцев* (1823–1865), актер Малого театра, был женат на младшей сестре Н. Ф. Федорова Елизавете Павловне *Макаровой* (по предположению О. Б. Муратовой, свою фамилию сестра Федорова, также незаконнорожденная, получила от их общей матери Елизаветы Ивановны Макаровой).

⁸ Павел Иванович *Гагарин* (1898–1872?) — один из представителей рода князей Гагариных, старший сын И. А. Гагарина, крупного сановника, государственного деятеля эпохи Павла I и Александра I. Федоров был его вторым сыном от гражданского брака с «дворянской девицей Елизаветой Ивановой» (<Свидетельство о крещении Н. Ф. Федорова> // *Общее дело*. Сборник докладов, представленных на I Всесоюзные Федоровские

чтения. М., 1990. С. 234; публикация В. С. Борисова). По предположению О. Б. Муратовой, Елизавета Ивановна носила фамилию «Макарова» и была представительницей обедневшего дворянского рода Макаровых, ранее имевших, как и Гагарины, земли в Тамбовской губернии (гипотеза находится в стадии разработки).

⁹ Н. Ф. Федоров окончил Тамбовскую гимназию в 1849 г. 29 сентября 1849 г. Указом Правительствующего Сената он был исключен из купеческого звания, получив право на дворянство, и поступил «для дальнейшего образования» «в Ришельевский лицей Камерального отделения, откуда не окончив курса, выбыл 1852 года марта 19-го» (Румянцевский аттестат [Н. Ф. Федорова] // Начала. 1993. № 1. С. 148).

¹⁰ П. И. Гагарин переехал в Одессу в конце 1839 г., перевезя с собой труппу крепостных актеров и музыкантов, организованную им в его поместье. В 1845 г. в городе был открыт первый постоянный драматический театр, созданный П. И. Гагариным и построенный на его средства. К участию в театре были привлечены молодые воспитанники московской театральной школы, в том числе К. И. Полтавцев, впоследствии, как было указано выше, женившийся на одной из сестер Федорова Е. П. Макаровой, а затем труппа И. Л. Мочалова. Однако в 1846 г., после первого сезона, П. И. Гагарин вместе со своим театром переехал в Кишинев, так что ко времени поступления Федорова в Ришельевский лицей его отец уже не жил в этом городе.

¹¹ В Угличском уездном училище Федоров служил с 23 июня по 8 декабря 1864 г., после чего «по прошению» был уволен от службы (Румянцевский аттестат [Н. Ф. Федорова] // Начала. 1993. № 1. С. 149).

¹² Перевод Н. П. Петерсона в Бронницы состоялся 10 марта 1865 г. (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 5. Ед. хр. 27. Л. 1 об.).

¹³ Как сообщал Н. П. Петерсон следственной комиссии по делу Каракозова, он надеялся через Федорова повлиять на ишутинцев и убедить их «отстать от своих заблуждений и приняться за действительное дело» (ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 57). Так, он познакомил с мыслителем трех активных членов кружка — Д. А. Юрасова, М. Н. Загибалова и П. Д. Ермолова. Сам Загибалов свидетельствовал о встрече с Федоровым в своих показаниях следующее: «...весной 1864 года, проездом из Москвы в деревню, я заезжал к нему (Н. П. Петерсону. — *Сост.*) с Юрасовым. Пробыл я у него 2 дня и в это время виделся и познакомился с Учителем Богородского Училища Федоровым, к которому, после прогулки, мы зашли пить чай, причем имели разговор философского содержания: именно: насчет учения идеалистов и материалистов. Разговора же политического содержания не было. Говорили еще об ходе образования в существующих заведениях, так, между прочим, и о их училищах и говорили притом, что хорошо бы было учить мальчиков естественным наукам и некоторым ремеслам» (ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 250–250 об.). Судя по этому скупому свидетельству, Н. Ф. Федоров не стремился прямо переубедить юношей, слишком уверенных в своей правоте, не затрагивал их политических взглядов; он пытался изменить окуляры их видения, дать им более глубокое понимание вещей, направить энергию «русских мальчиков» в мирное, практическое русло, прежде всего на дело школьного образования. Беседа Федорова с другим членом ишутинского кружка, П. Д. Ермо-

ловым, самым младшим из всех ишутинцев (ему на момент следствия не исполнилось еще и двадцати лет) и наиболее увлеченным идеей борьбы за социальную справедливость (по достижении совершеннолетия он собирался пожертвовать все свое довольно большое состояние — около 300 тысяч — на революционное дело), состоялась летом 1865 г. в Бронницах, куда Ермолов приехал погостить. Петерсон сообщал, что, желая познакомиться своего товарища с Федоровым, он специально ездил за философом в Москву, где тот «проживал тогда <...> у своей сестры Полтавцевой» (ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 58 об.). «...Я был приглашен Петерсоном в Бронницы провести несколько времени и поличиться, — показывал на следствии Ермолов. — У него я познакомился с Федоровым. У меня был с ним спор. Он высказывал ту мысль, что не действовать революционным путем и что социализм еще не может повести к благу, так как не доказано, чтобы он был самой лучшей организацией общества и что нужно людям заниматься наукой для отыскания настоящей истины. Я оспаривал его и защищал социализм и революцию. Петерсон был на стороне Федорова» (ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 160; см. также: Красный архив. 1926. Т. 4. С. 117). Как видим, с Ермоловым Федоров разговаривал уже напрямую (как в свое время с Петерсоном), указывая прежде всего на изъяны того идеала, на алтарь которого юноша мечтал принести все свое имение и даже жизнь. Но переубедить Ермолова мыслителю не удалось. Интересно, что во время пребывания Ермолова в Бронницах туда на один день заезжал и Д. В. Каракозов (ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 17), однако с ним Федоров уже никаких разговоров не вел.

¹⁴ Федоров, краткое время прослуживший до этого в Одоевском уездном училище (с 30 сентября по 25 ноября 1865 г.), был переведен в уездное училище г. Богородицка 26 ноября 1865 г. (служил там до 16 сентября 1866 г., когда был «уволен от службы согласно прошению, по болезни» — Румянцевский аттестат [Н. Ф. Федорова] // Начала. 1993. № 1. С. 149).

¹⁵ В «Деле Московской следственной комиссии об учителе Бронницкого уездного училища Николае Петерсоне» хранится письмо штатного смотрителя Бронницкого уездного училища Василия Калайдовича на имя директора училищ Московской губ. А. Н. Соколова от 27 апреля 1866 г., в котором, сообщая о своих беседах с Петерсоном, он пишет следующее: «Прежде, говорил он (Петерсон. — *Сост.*), его убеждения были чем-то дурны. Эти (неизвестные нам) неправильные убеждения, по его словам, остались, однако, и теперь в его товарищах по Пензенскому институту и частью по Московскому университету; с подобными товарищами он видался и даже один из них, Ермолов, гостил у него в Бронницах, а Каракозов приезжал за Ермоловым. <...> Когда же событие 4 апреля сделалось известным, г. Петерсон первый сказал мне об этом с видимой печалью, выразивши подозрение в этом ужасном поступке людей, подобных его бывшим товарищам, причем объяснил, что если его подозрения скольнибудь справедливы, то с людьми такого свойства он прекращает всякое сношение, а когда в следующем за тем № газет была объявлена фамилия преступника, то у него как бы невольно вырвались сожаление к Каракозову и слова: “за что погибает человек?” Но Законоучитель попросил его не продолжать далее. Молва о сожалении г. Петерсона к преступнику носитя по городу» (ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–4 об.). Это письмо, пере-

данное А. Н. Соколовым попечителю Московского учебного округа Д. Левшину, а им в свою очередь направленное кн. В. А. Долгорукову, и стало основанием для ареста Петерсона, последовавшего уже на следующий день — 28 апреля 1866 г.

¹⁶ Во время ареста Федоров содержался в Пречистенском частном доме (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 57. Д. 143. Л. 5). В указанном деле, хранящемся в ЦИАМ, имеются и краткие «Показания учителя Богородицкого уездного училища Тульской губ. Титулярного советника Николая Федорова сына Федорова в Высочайше утвержденной следственной комиссии», данные 2 и 19 июля 1866 г. (Там же. Л. 10–11, 18–24). Сообщено А. Н. Масловым.

¹⁷ Ишутинцев, в частности, обвиняли в связях с участниками Польского восстания 1863 г. В связи с этим Н. Ф. Федоров, защищая Н. П. Петерсона, показывал следствию, что Петерсон уже в первом их разговоре, когда речь зашла о польском деле, «согласился» с его мнением «и о несправедливости польских притязаний и вообще о безнравственности всякой революции» (Там же. Л. 18).

¹⁸ В Подольское уездное училище Федоров был определен учителем истории и географии 11 июля 1867 г. 23 апреля 1868 г. он уволился из училища «по болезни» (Румянцевский аттестат [Н. Ф. Федорова] // Начала. 1993. № 1. С. 149) и больше уже не служил в уездных училищах.

¹⁹ *Чертковская библиотека*, носившая имя своего собирателя Александра Дмитриевича *Черткова* (1789–1858), была открыта при его особняке на Мясницкой улице (ныне — Мясницкая, 7) в специальной пристройке со стороны Фуркасовского переулка в 1863 г. сыном собирателя Г. А. Чертковым. Ее библиотекарем стал Петр Иванович *Бартенев* (1829–1912), историк, археограф, основатель журнала «Русский архив» (первоначально выходил при Чертковской библиотеке, затем перешел в собственность редактора).

²⁰ Федоров прослужил в Чертковской библиотеке до ее передачи в конце 1872 г. Москве и временного перевода в 1873 г. в здание Московского Публичного и Румянцевского музеев.

²¹ «Оба мы были допрашиваемы Комиссиею, учрежденною тогда в Москве под председательством генерал-губернатора В. А. Долгорукова, — писал Н. П. Петерсон В. А. Кожевникову 13 марта 1905 г. — Николай Федорович возбудил в членах Комиссии глубокое к себе почтение, что отразилось в благожелательстве и ко мне, и это до такой степени, что на другой год по окончании этого дела я и Николай Федорович давали уроки детям одного из членов Комиссии Михайловского» (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 25. Л. 15–15 об). В подтверждение этих слов приведем заключительные слова показаний Федорова: «Все, что сказано мною, совершенно справедливо, что убеждения мои всегда были чисты... Я всегда был против известного иезуитского правила, что цель оправдывает средства и горячо противодействовал умствованиям многих, утверждавших противное» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 57. Д. 143. Л. 24).

^{21a} Вероятно, имеется в виду газета «Судебный вестник», выходившая в Санкт-Петербурге в 1866–1877 гг. «Судебная газета» начала выходить лишь с 1882 г.

²² Зинаида Павловна *Гагарина*, в замужестве Тришатная (1838–?) — дочь П. И. Гагарина. Будучи открытым, душевным человеком, поддержи-

вала добрые и близкие отношения со всеми своими сводными братьями и сестрами.

²³ Петерсон допускает здесь две неточности. Н. Ф. Федоров перестал быть библиотекарем Чертковской библиотеки еще в конце 1872 г. В 1873 г. он сотрудничал с журналом «Русский архив», вычитывая корректуры, а возможно исполняя и другую работу по журналу. Ошибка Петерсона вызвана фразой из приводимого им ниже письма Федорова от 17 ноября 1874 г.: «Бартенева я оставил», между тем как речь здесь идет не об оставлении Чертковской библиотеки, а об оставлении работы в «Русском архиве». В библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев Федоров был определен не в 1875 г., а в конце ноября 1874 г.

²⁴ Библиотека Федора Васильевича *Чижова* (1811–1877), ученого, общественного деятеля-славянофила, включала свыше 4000 томов: «книг и брошюр артистического, исторического, экономического, статистического и технического содержания» (*Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя. Ч. 2. СПб., 1912. С. 70–71; Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1876–1878 гг. М., 1879. С. 119). Интересен факт, установленный Л. М. Коваль: когда в 1878 г. библиотека по завещанию владельца была передана в Московский публичный и Румянцевский музеи, для приемки и разбора этой библиотеки были командированы библиотекарь Музеев Е. Ф. Корш и Н. Ф. Федоров (*Коваль Л. М.* Страница истории. Николай Федорович Федоров и Московский публичный и Румянцевский музеи // *Философия бессмертия и воскрешения. По материалам VII Федоровских чтений. 8–10 декабря 1995. Вып. 1. М., 1996. С. 237*). Возможно, свою роль здесь сыграл и тот факт, что Н. Ф. Федоров в ноябре 1874 г., непосредственно перед поступлением на службу в библиотеку Музеев, занимался упорядочением и каталогизацией собрания *Чижова* по просьбе последнего.

²⁵ Это и последующие письма Федорова, приводимые Н. П. Петерсоном в своих воспоминаниях, опубликованы в: *Федоров. IV*, 197–198, 200, 204–206 и др.

²⁶ Цитата из стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1835).

²⁷ Речь идет о книге историка и археографа Ивана Платоновича *Барсукова* (1841–1906) «Иннокентий митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников» (М., 1883).

²⁸ Александр Платонович *Барсуков* (1844–1914) — историк, археограф, составитель пятитомного труда «Род Шереметьевых» (СПб., 1881–1888). Николай Платонович *Барсуков* (1838–1906) — историк литературы и общественной мысли, археограф, библиограф, издатель. Речь идет о его многотомном труде «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Т. 1–22, СПб., 1888–1910).

²⁹ О краеведческой деятельности Федорова и Петерсона в Керенске см.: *Федоров. Доп.*, 233–234, 236–239.

³⁰ Комментарий к данному сюжету см.: Там же. С. 239–240.

³¹ Комментарий к этим письмам и изложенным в них сюжетах см.: Там же. С. 239–241.

³² *Петерсон Г. П.* Исторический очерк Керенского края // Пензенские губернские ведомости. 1882. № 144–148, 150, 152–154, 158, 159, 163–168, 172, 173, 177–179 (начало — 9 июля, окончание — 21 августа). Отд. от-

тиск: Пенза, 1882. Подробнее об этом издании и о краеведческой деятельности Г. П. Петерсона см.: *Федоров. Доп.*, 236–239.

³³ Николай Павлович *Загоскин* (1851–1912) — историк, публицист, в 1880–1899 гг. ординарный профессор (позднее — заслуженный профессор и, наконец, ректор) Казанского университета. Автор ряда работ об истории Казани и Казанского края, член-основатель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1878–1884 гг. был секретарем Общества и редактором выходящих при нем «Известий...».

Рукописи, посланные Н. П. Петерсоном к Н. П. Загоскину, пополнили собрание рукописей и актов, имевшееся при казанском Обществе археологии, истории и этнографии (в «Отчете о деятельности и составе Общества... за пятый (1882–1883) год его существования», составленном Н. П. Загоскиным, сообщается о «весьма значительном приращении, более чем на 200 №» этого собрания).

³⁴ Николай Христофорович *Логвинов* (?–1909) — керенский помещик, отставной штаб-ротмистр, предводитель дворянства Керенского уезда, депутат губернского земского собрания. Н. Х. Логвинов служил председателем Керенского съезда мировых судей и был непосредственным начальником Н. П. Петерсона, секретаря съезда. До того как документы о с. Шеино были посланы Петерсоном Загоскину, его брат Г. П. Петерсон составил на их основе очерк «Село Шеино и его владельцы», который с подзаголовком «Из Шеинского архива Н. Х. Логвинова» был опубликован в «Пензенских губернских ведомостях» в 1882 г. (№ 215–221).

³⁵ Н. П. Петерсон начал заведовать Керенской публичной библиотекой, созданной в 1865 г., в начале 1870-х годов. Н. Ф. Федоров активно помогал ему в этом деле. Весной 1874 г. мыслитель организовал при библиотеке Керенское хранилище исторических документов, по мере возможностей присылал книги для библиотеки или просил это сделать самих авторов.

³⁶ Петерсон цитирует письмо к нему Федорова, датируемое временем не позднее 10 февраля 1876 г. (*Федоров. IV*, 204–205).

³⁷ *Залуговский М. С.* Руководство по уходу за больными, беременными, родильницами, новорожденными детьми и первая помощь до прибытия врача. Изд. 2-е, дополненное. М., 1877.

³⁸ Петерсон цитирует письмо Федорова от 10 февраля 1876 г. (*Федоров. IV*, 206).

³⁹ Тетрадка содержала текст статьи Н. П. Петерсона «Чем должна быть народная школа?».

⁴⁰ Речь идет о главном сочинении Н. Ф. Федорова «Вопрос о братстве...». В I томе «Философии общего дела» (Верный, 1906) оно было напечатано на с. 1–352.

⁴¹ Сохранившуюся переписку Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона по поводу обращения последнего к Ф. М. Достоевскому и составления ответа на письмо Достоевского от 24 марта 1878 г. см.: *Федоров. IV*, 576–579. Комментарий к ней см.: *Федоров. Доп.*, 246–250, 481–482.

⁴² Петерсон ошибается. Толстой пришел в Румянцевский музей знакомиться с Федоровым осенью 1881 г., после своего приезда в Москву. Дневниковая запись Толстого, передающая впечатления от встречи с мыслителем, датирована 5 октября 1881 г. Что же касается встречи Петерсона и

Толстого в вагоне, то она действительно имела место в августе 1878-го. Н. П. Петерсон пишет о ней в статье «Из записок бывшего учителя»; там же приводит и слова, с которыми обратился Толстой к Федорову при первой встрече: «А я знаю Петерсона!» (О Толстом: Международный толстовский альманах. М., 1909. С. 262, 265–266).

⁴³ Ниже в рукописи зачеркнуто: «Я писал Ф<едору> М<ихайлови>чу что-то незначительное с обещанием обстоятельного ответа, но этот обстоятельный ответ Достоевский так и не увидал» (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 5. Ед. хр. 7. Л. 15). Комментарий к этой записи, равно как и ко всему сюжету «Петерсон — Достоевский — Федоров» см. в наст. Антологии в статье «Новые материалы к истории знакомства Достоевского с идеями Федорова».

⁴⁴ Об этом споре, а также об обстоятельствах знакомства Соловьева с рукописью Федорова см. в наст. Антологии статью «В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений».

К. Э. Циолковский

Черты из моей жизни

Печатается по: *Циолковский К. Э. Черты из моей жизни.* Тула, 1983. С. 60–61.

Краткие воспоминания о Федорове родоначальника космонавтики Константина Эдуардовича *Циолковского* (1857–1935) являются частью его автобиографии «Черты из моей жизни», написанной в январе 1935 г.

Позднее, уже в 1960-е гг., К. Н. Алтайский включил в свою беллетризованную биографию К. Э. Циолковского главу «Необыкновенный библиотекарь», написанную в форме беседы с Константином Эдуардовичем о его встречах с Федоровым, однако характер повествования и «прямых речей» собеседников, в котором явно угадываются литературные источники (книга В. А. Кожевникова о Федорове, I том «Философии общего дела»), не дает возможности считать этот текст особенно надежным свидетельством.

¹ К. Э. Циолковский называет «Чертковской библиотекой» библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев. Эта неточность вызвана тем, что в 1873–1876 гг., когда Константин Эдуардович жил в Москве, книги Чертковской библиотеки, помещавшейся до 1873 г. в особняке Чертковых на Мясницкой, были переданы на временное хранение в Московский публичный и Румянцевский музеи. Под собрание Черткова было отведено помещение на втором этаже дома Пашкова, а библиотекарем созданных на его основе русского и славянского отделений назначен Е. В. Барсов. Когда Н. Ф. Федоров поступил на службу в библиотеку Музеев, Циолковский был ее читателем уже почти год.

² В годы, когда Циолковский встречался с Федоровым, последний еще не был знаком с Л. Н. Толстым. Биографические сведения о Федорове, которые приводит здесь Циолковский, даны им, по всей видимости, с опорой на источники 1900–1910-х гг. (книгу Кожевникова, «Философию общего дела», статьи в русской прессе).

³ Н. Ф. Федоров служил учителем истории и географии Боровского уездного училища с 25 ноября 1866 по 29 апреля 1867 г. (Румянцевский аттестат [Н. Ф. Федорова] // Начала. 1993. № 1. С. 149). В том же училище с 1880 по 1892 г. преподавал арифметику и геометрию К. Э. Циолковский.

⁴ Версия о том, что матерью мыслителя была крепостная кн. П. И. Гагарина (по другим данным — пленная черкешенка), писавшими о Федорове повторялась вплоть до конца 1980-х гг., когда В. С. Борисовым было найдено свидетельство о крещении Федорова (см.: *Борисов В. С. Кто же мать Н. Ф. Федорова?* // Общее дело. Сборник докладов, представленных на I Всесоюзные Федоровские чтения. С. 233–234). См. также примеч. 8 к «Воспоминаниям» Н. П. Петерсона.

Г. П. Георгиевский

Из воспоминаний о Николае Федоровиче
(К 40 дню кончины)

Воспоминания о Н. Ф. Федорове его сослуживца по библиотеке Музея, историка Г. П. Георгиевского (см. выше примеч. к написанному им некрологу о Федорове), появились в газете «Московские ведомости» 23–26 января 1904 г. (№ 23–26, псевд.: П. Я. Покровский). Н. Ф. Федоров скончался 15 декабря 1903 г. по старому стилю — таким образом, 23 января были его сороковины.

Еще в кратком некрологе, написанном Г. П. Георгиевским в самый день смерти мыслителя, выражалось пожелание, чтобы лица, близко знавшие покойного, увековечили его память «хотя бы воспоминаниями», говорилось и о собственном намерении Георгиевского рассказать о «незабвенном Николае Федоровиче» подробно (Московские ведомости. 1903. № 341. 16 дек.). Опубликованные «к 40 дню кончины» воспоминания как раз и стали реализацией этого намерения.

Воспоминания Г. П. Георгиевского — первые воспоминания о Н. Ф. Федорове, появившиеся в печати после декабрьских некрологов. И в них мемуарист стремился, насколько ему позволяло ограниченное пространство газетной статьи, пусть и растянутой на четыре номера, как можно полнее и многограннее представить жизненный и духовный облик мыслителя, коснуться и его образа жизни, и служения в Музеях, показать значение Федорова как выдающегося библиотекаря и библиографа и в то же время донести до читателя его идеи.

При составлении поминальной статьи Г. П. Георгиевский опирался не только на собственные воспоминания, но и на рассказы сослуживцев Н. Ф. Федорова по Музеям, а также на свои беседы с мыслителем. Биографические данные о мыслителе были им получены из «Личного дела» Федорова, хранившегося в канцелярии Музеев. С философскими идеями Федорова он был знаком как в устном изложении, так и по некоторым рукописным статьям. Кроме того, на момент написания воспоминаний в распоряжении Георгиевского имелась составленная Федоровым программа статьи, фрагменты которой он воспроизвел в конце своего текста.

Статья «Из воспоминаний о Николае Федоровиче» впоследствии была использована Георгиевским для составления очерка «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний» (см. в Антологии ниже).

Текст статьи «Из воспоминаний о Николае Федоровиче» печатается по публикации в «Московских ведомостях».

¹ В черновом автографе воспоминаний о Федорове Н. П. Петерсон, разбирая статью Г. П. Георгиевского, делает к этим словам такое примечание: «Замечу от себя, что Веневитинов, Воронежский Губернский предводитель дворянства, впоследствии директор Румянцевского Музея, рассказывал мне, что ему надо было навести справку о том, когда в русские войска были введены рейтара; и по этому, казалось бы, ничтожному вопросу Н. Ф-ч указал ему такую массу печатного материала, что Веневитинов был изумлен, — указал не сразу, а чрез некоторое время после заданного вопроса. Ко мнениям Н. Ф-ча прислушивались такие специалисты, как Ф. И. Буслаяв, как Ровинский, сенатор, известный собиратель лубочных картин. Ровинский, бывая в Москве, никога не упускал случая побывать в Румянцевском Музее, чтобы побеседовать с Н. Ф-чем по предмету своей специальности» (Ф. 657. К. 5. Ед. хр. 8. Л. 106).

² Василий Львович *Величко* (1860–1903) — поэт, в творчестве которого большое место занимали темы и мотивы восточной поэзии (сб. «Восточные мотивы», СПб., 1890, «Из кавказских напевов», СПб., 1895), переводчик, публицист. В 1896–1899 гг. — редактор-издатель тифлисской газеты «Кавказ». *Черномор* (*Черноморец*) — Владимир Николаевич *Семенкович* (1861 — после 1913), историк, археолог, профессор Московского археологического института. Под псевдонимом *Черноморец* В. Н. Семенкович в 1890–1900-х гг. печатался в газете «Московские ведомости»; в 1894 г. под этим же псевдонимом в журнале «Русское обозрение» вышла серия его очерков «Север России в военно-морском и коммерческом отношениях. (Морские письма)».

³ Все мое ношу с собой (*лат.*).

⁴ В очерке «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров» Г. П. Георгиевский уточнял, что этот эпизод относится к 1896–1897 гг.

⁵ В очерке «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний» находим зачеркнутый фрагмент, прямо перекликающийся с данным сюжетом:

«[начало не сохранилось] и за книжными шкапами, — и Дашков спокойно переносил свое разочарование. Однажды Дашков безошибочно узнал, по шуршанию в книгах, близкое присутствие Николая Федоровича, который действительно был на галерее, над самой головой Дашкова. Дашков несколько раз и громко звал:

— Николай Федорович!.. Николай Федорович!..

Николай Федорович присел на месте и замер. Ответа не последовало» (НИОР РГБ. Ф. 217. К. 1. Ед. хр. 47. Л. 18).

⁶ В «Личном деле» Н. Ф. Федорова хранится запрос Керенского полицейского управления от 10 мая 1882 г. (Н. Ф. Федоров, получивший в середине апреля внеочередной отпуск, находивший в это время в Керенске у Н. П. Петерсона): «...было ли выдаваемо свидетельство от 17-го Апреля сего года за № 154 Коллежскому Ассессору Николаю Федоровичу Федорову, если было, то на какой срок», и соответствующее подтверждение Канцелярии Музеев (Архив РГБ. Оп. 126. Д. 53. Л. 41–42).

⁷ В 1901–1903 гг. Н. Ф. Федоров служил вольноотрядящимся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел.

⁸ Г. П. Георгиевский «прибавил» мыслителю почти 10 лет (Н. Ф. Федорову было 74 года, когда он скончался).

⁹ Речь идет о Н. И. Боборыкине (см. примеч. 3 к некрологу Федорова, написанному Е. В. Барсовым).

¹⁰ Повод к войне (*лат.*).

¹¹ Речь идет о первом прошении об отставке, поданном Н. Ф. Федоровым 31 марта 1880 г. (см.: Личное дело Н. Ф. Федорова // Архив РГБ. Оп. 126. Д. 53. Л. 32).

¹² Цитируемая Г. П. Георгиевским резолюция В. А. Дашкова сделана 12 апреля 1880 г. на прошении Н. Ф. Федорова о двухмесячном отпуске «по домашним обстоятельствам» (Там же. Л. 33).

¹³ В более развернутом виде этот эпизод разрыва Федорова с Толстым, произошедшего в 1892 г. в связи с толстовской статьей «О голоде», Г. П. Георгиевский, непосредственный его свидетель, привел позднее в очерке «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров» (см. ниже)

¹⁴ Г. П. Георгиевский имеет в виду статью «Разоружение» и другие связанные с ней статьи и заметки (см. раздел «Статьи о разоружении и умиротворении» в: *Федоров*. II, 267–334).

¹⁵ Г. П. Георгиевский опирается здесь на письмо Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. (летом 1903 г. оно было передано в рукописное отделение Музеев, которым заведовал Григорий Петрович), однако допускает некоторые неточности: Ф. М. Достоевский не читал «писаний Николая Федоровича», он познакомился лишь с изложением его идей, присланных в декабре 1877 г. Н. П. Петерсоном.

¹⁶ Речь идет об обращении России к иностранным державам с предложением созвать конференцию по вопросу о разоружении (обращение последовало 12 августа 1898 г.). Результатом этого обращения стала Гагская мирная конференция 1899 г., на которой был обсужден вопрос о сокращении морских и сухопутных вооружений и выработан ряд международных конвенций и деклараций — о правилах ведения войны, о международном посредничестве и т. д.

¹⁷ Н. Ф. Федоров предлагал поместить портрет Николая II в так называемом Румянцевском зале Музеев, где находились портреты основателя Румянцевского музея канцлера Н. П. Румянцева, его деда А. И. Румянцева, статуя «Мир» работы А. Кановы, а также скульптурный портрет отца Н. П. Румянцева фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Портреты Н. П. и А. И. Румянцевых располагались на одной стене зала, у противоположной стены находилась статуя Н. П. Румянцева, а статуя «Мир» помещалась на гранитном пьедестале в центре зала.

¹⁸ Программа статьи, из которой Г. П. Георгиевский приводит следующие ниже выдержки, в настоящее время неизвестна, однако сами выдержки имеют ряд совпадений и переключек с текстом статьи Н. Ф. Федорова «Без заглавия» (*Федоров*. III, 120–121). Возможно, написать особую статью на основе упомянутой программы Н. Ф. Федоров склонял самого Георгиевского, в то же время используя мысли, в ней изложенные, для составления собственной статьи.

¹⁹ не только оружием (*лат.*) — девиз рода Румянцевых.

²⁰ Т. е. Константинополем.

²¹ Н. Ф. Федоров ссылается на статью Е. Ф. Корша «Опыт нравственной характеристики Румянцева», в которой, в частности, шла речь о дея-

тельности Н. П. Румянцева на посту канцлера и его усилиях к решению «восточного вопроса». Е. Ф. Корш подчеркивал, что для Н. П. Румянцева «направление восточной нашей политики, сверх государственного его значения, было еще, можно сказать, кровным, личным, задушевным делом» (Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. М., 1882. С. 32), имея в виду прежде всего военные заслуги его отца, героя Русско-турецкой войны 1768–1774 г., фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского.

²² На реках *Ларге* и *Кагуле* во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в июле 1770 г. 1-я русская армия под командованием П. А. Румянцева-Задунайского разбила войска в первом случае — крымского хана Каплан-гирея, во втором — великого визиря Хамиль-паши.

²³ Речь идет о приезде царской семьи в Москву на Пасху 1903 г. Царская семья приехала в Москву в Лазареву субботу (29 марта), а уехала 16 апреля, на Фоминой неделе. Государь и императрица не пропустили ни одной службы Страстной седмицы, а в промежутках между службами посещали московские монастыри. Н. Ф. Федоров придавал встрече царем Пасхи, светлого праздника Воскресения Христова, в Москве и Кремле, большое значение, трактуя это событие в духе того понимания смысла царской власти, назначения России и места в ней Москвы, которое ранее было выражено им в работе «Самодержавие».

²⁴ *Московский главный архив Министерства иностранных дел* (до 1832 г. — Московский архив Коллегии иностранных дел) — первый исторический архив России. Образован в 1724 г. при Петре Великом.

Московский главный архив Министерства иностранных дел и Московский Румянцевский музей Федоров считал взаимосвязанными учреждениями. Для обоих, подчеркивал он, много сделал канцлер Н. П. Румянцев: в 1811 г. будущий основатель музея ходатайствовал об устройстве при архиве комиссии печатания грамот и договоров и сам пожертвовал на это 25 тысяч рублей, благодаря чему было предпринято пятнадцатитомное издание «Собрания государственных актов и договоров». Топографически музей и архив (с 1876 г. помещавшийся на Воздвиженке) располагались рядом (архив стоял на месте нынешнего нового здания Российской государственной библиотеки), к тому же находились по соседству с Кремлем, что для Федорова было глубоко символично. Как указывал В. А. Кожевников, мыслитель неоднократно говорил «о необходимости сближения деятельности обоих учреждений на пользу общего дела» (Кожевников, 21). Этой теме был посвящен ряд статей, ныне, к сожалению, утраченных. Кожевников резюмировал их содержание в своей книге о Федорове (см. в наст. Антологии).

²⁵ Мелхиседек — праведный древнееврейский царь Салима (будущего Иерусалима) и одновременно первосвященник «не по закону» (не принадлежал к священнической касте потомков Аарона, сокрытым было и его происхождение), а по благодати.

²⁶ Эти данные Г. П. Георгиевский почерпнул из Личного дела Н. Ф. Федорова, в котором хранились Аттестат, выданный Подольским уездным училищем в апреле 1868 г., несколько формулярных списков по службе в Музеях и копия Аттестата, выданного канцелярией Музеев 17 сентября 1898 г. (Архив РГБ. Оп. 126. Д. 53. Л. 6–7, 99–102 об., 124–134, 145–157).

²⁷ Неверно. В Чертковскую библиотеку Н. Ф. Федоров поступил в мае 1869 г.

²⁸ С XVII в. представители княжеского рода Гагариных обосновались в Москве (в XIX в. Староконюшенная улица, на которой проживали Гагарины и на которой находился дом И. А. Гагарина, деда Н. Ф. Федорова, была переименована в Гагаринский переулок).

Г. П. Георгиевский

Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров

Из личных воспоминаний

Впервые: Новый журнал. 1981. № 142. С. 91–109 (с незначительными сокращениями и разночтениями с оригиналом). Опубликовано по рукописи: Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 46–64.

Очерк «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний» был написан Г. П. Георгиевским в 1911–1912 гг. Г. И. Довгалло в предисловии к его публикации указывает, что поводом к написанию очерка могло послужить обращение к Георгию Петровичу С. С. Раецкого, редактора газеты «Утро России», имевшее место в 1911 г. Раецкий писал: «...публицист Пругавин на днях выступил в печати со своими воспоминаниями о Толстом, уделив там несколько строк Н. Ф. Федорову, бывшему библиотекарю Румянцевского Музея. Желая почтить память этого удивительного человека, которого Вы, без сомнения, знали лучше, чем кто бы то ни было, мы просим Вас поделиться теми фактическими сведениями, какие имеются у Вас о жизни и деятельности покойного Н. Ф. и об отношениях с Л. Н. Толстым» (Цит. по: Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. С. 31).

В личном фонде Г. П. Георгиевского в ОР РГБ сохранился автограф очерка на 38 листах и машинопись (Ф. 217. К. 1. Ед. хр. 47). В автографе каждая часть, обозначенная затем в машинописи цифрами, носит подзаголовки: «Н. Ф. Федоров и его образ жизни», «Служба его и отношение к нему современников», «Дружба и разрыв с Л. Н. Толстым». По справедливому предположению Г. И. Довгалло, по всей видимости, эти части предполагалось печатать каждую отдельно, о чем свидетельствует «и подпись в конце каждой из них» (Там же).

В работе над очерками Георгиевский частично использовал текст поминальной статьи «Из воспоминаний о Николае Федоровиче. К 40 дню кончины» (см. его выше). Фрагменты его были прямо включены в текст второй подглавки. В круг источников, на которые опирался Георгиевский (см. преамбулу комментария к указ. статье), вошли также книга В. А. Кожевникова о Федорове, и I том «Философии общего дела», подаренный ему Н. П. Петерсоном в 1907 г. (этот экземпляр ныне хранится в коллекции Музея истории РГБ). Уточнил мемуарист и ряд биографических данных, прежде всего относительно происхождения Н. Ф. Федорова.

Следует отметить, что, рисуя историю взаимоотношений Н. Ф. Федорова с Л. Н. Толстым, как в статье «Из воспоминаний о Николае Федоровиче», так и в очерке «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров», Георгиевский опи-

рался не только на личные воспоминания, но и на сообщения других лиц. Ведь общение Г. П. Георгиевского с Н. Ф. Федоровым реально началось с осени 1890 г., когда Григорий Петрович поступил на службу в Музеи, и он не мог быть непосредственным свидетелем контактов Федорова и Толстого в 1880-е гг. Те эпизоды взаимоотношений писателя и мыслителя, которые имели место ранее 1890 г., он явно воспроизводил с чужих слов. Можно предположить, что одним из источников информации стали беседы мемуариста с самим Федоровым. Так, еще в декабре 1890 г. в одном из писем О. А. Новиковой Георгиевский сообщал: «Мой ближайший сослуживец Николай Федорович, тот старичок, которого Вы видели в Музее, к сожалению заболел, и я езжу навещать его. Он мне много рассказывает про Толстого, с которым был когда-то дружен» (Цит. по: Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. С. 30–31).

В личном фонде Георгиевского в НИОР РГБ сохранился план его воспоминаний о своей жизни и работе в библиотеке. В этом плане есть и такие пункты: «Вечера у Н. Ф. Федорова» и «Портрет Пастернака “Н. Ф. Федоров”» (НИОР РГБ. Ф. 217. К. 1. Ед. хр. 46. Л. 1).

Текст очерка «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров» печатается по автографу с учетом машинописи. Места, совпадающие с текстом статьи Георгиевского «Из воспоминаний о Николае Федоровиче», сокращены.

¹ В 1890 г., когда Г. П. Георгиевский начал работать в библиотеке Московского публичного и Румянцевского музеев, Н. Ф. Федорову исполнился 61 год. Самому Георгиевскому было тогда 24 года.

² Речь идет о Дмитрие Дмитриевиче Языкове (1850–1918) — историке литературы, библиографе, авторе и составителе серии библиографических указателей «Русские писатели и писательницы, умершие в ... году».

³ По всей вероятности, этот факт биографии Федорова следует отнести к 1868 или 1869 г.: до весны 1868 г. мыслитель служил в уездных училищах и хотя регулярно бывал в Москве, но до 1869 г., когда началась его служба в Чертковской библиотеке, поселиться там окончательно не намеревался.

⁴ Упоминаемая Георгиевским поездка Федорова в Петербург на похороны старшего брата Александра Федоровича Федорова (1828–1897) имела место 24–27 февраля 1897 г. (см.: *Федоров. Доп.*, 533).

⁵ У Федорова были две родные сестры — Елизавета Павловна Макарова (в замужестве Полтавцева) и Юлия Павловна Макарова (в замужестве Евстафьева). О какой из двух сестер идет речь у Георгиевского, установить не удалось.

⁶ Первоначально в автографе фамилия отца Федорова была дана полностью и лишь потом зачеркнута и сокращена до одной буквы.

⁷ В автографе первоначально было написано «одной московской гимназии». Затем слово одной было зачеркнуто и вверху простым карандашом вписано: «первой». Источником этих сведений о матери Федорова был П. И. Бартенев, он-то и передал данные сведения своему сыну Ю. П. Бартеву, от которого их и узнал Георгиевский. Нечто близкое П. И. Бартеву сообщил В. А. Кожевникову, который и сам предпринял некоторые разыскания. В архиве П. А. Флоренского хранится запись к биографии

Федорова, сделанная со слов последнего: «Он был сын кн. *Павла Гагарина*. Но кто такой этот Павел Гагарин, выяснить не удалось. Мать Федорова имела от него 4-х детей — 2-х сыновей и 2 дочери. Сначала думали, что она крестьянка, но потом оказалось, что она дочь мелкого чиновника — что-то вроде коллежского регистратора.

<...> Мать Федорова впоследствии вышла за Попова, директора одной из московских гимназий» (Вопросы философии. 1991. № 6. С. 124–125). Последняя версия в настоящее время проверяется О. Б. Муратовой.

⁸ См. примеч. 6 к статье Георгиевского «Из воспоминаний о Николае Федоровиче».

⁹ Рисунок посмертной маски Федорова, сделанный Л. О. Пастернаком, был напечатан в первом номере журнала «Весы» за 1904 г. Под *портретным рисунком* имеется в виду один из набросков, сделанных Пастернаком в 1890-е гг. (см. в наст. Антологии воспоминания художника и примеч. 6 к ним). Этот набросок также был опубликован в журнале «Весы» (1904. № 2) вместе со статьей Федорова «Астрономия и архитектура». Первоначально в автографе воспоминаний вместо фразы «Есть еще портретный ~ весьма удачный» было написано: «Там же напечатана была вся фигура его на вышке Румянцевского музея, но в напечатанной фигуре весьма трудно признать портрет Николая Федоровича» (НИОР РГБ. Ф. 217. К. 1. Ед. хр. 47. Л. 10). Упомянутый в зачеркнутом фрагменте рисунок М. И. Шестеркина «Н. Ф. Федоров на балконе Румянцевского музея» появился в № 1 журнала «Весы» за 1904 г., предвзято публикуя фрагмент «О письменах» из I части «Вопроса о братстве...».

¹⁰ По указанному Г. П. Георгиевским адресу («Молочный переулок, д. 9 Иванова») Федоров проживал в 1890–1898 гг.

¹¹ Из рассказа Георгиевского может сложиться впечатление, что Федоров раздаривал большинство своих рукописей. Но это далеко не так. Он действительно периодически передавал наброски тех или иных статей лицам из своего окружения (В. А. Кожевникову, Ю. П. Бартеневу, И. А. Борису, Е. В. Барсову, С. С. Слуцкому, наконец, самому Георгиевскому), настаивая на том, чтобы они воспользовались этими набросками для составления собственной статьи на тему, которую Федоров хотел бы видеть поднятой в печати (все эти случаи отмечены в комментариях к современному Собранию сочинений философа). Однако это вовсе не было системой. Рукописи и рукописные копии основных произведений Федорова хранились у него самого, а также у его учеников Кожевникова и Петерсона и никому не передавались.

¹² Н. П. Барсуков не служил в Чертковской библиотеке, но являлся постоянным сотрудником выходившего при библиотеке с 1863 г. журнала «Русский архив».

¹³ Как следует из «Воспоминаний» Петерсона, Федоров получил место в Чертковской библиотеке «по наследству» от своего ученика.

¹⁴ См. примеч. 13 к статье В. И. Шенрока «Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова».

¹⁵ Версия ухода Федорова из Румянцевского музея, изложенная Георгиевским, вряд ли достоверна. Главным мотивом ухода мыслителя было стремление отдать последние годы жизни приведению в порядок своих рукописей и написанию новых статей, о чем он неоднократно говорил в письмах В. А. Кожевникову и Н. П. Петерсону 1894–1898 гг.

¹⁶ Утверждение Г. П. Георгиевского о том, что Толстой не пережил ко- ренной ломки своего миросозерцания, не соответствует действительности. Достаточно вспомнить «Исповедь» (1879–1882).

¹⁷ Эта и предыдущая цитаты — из дневника Л. Н. Толстого от 5 октября 1881 г.

¹⁸ Цитата из письма Л. Н. Толстого В. И. Алексею от 15–30 ноября 1881 г.

¹⁹ Цитата из письма А. А. Фета Н. Ф. Федорову от 6 декабря 1887 г.

²⁰ По всей видимости, это одно из нарочитых, *эпатирующих* заяв- лений Толстого, которые он не раз позволял себе в разговорах с Федоровым. Из того же ряда высказываний: «Динамитцу-бы» — при посещении про- мышленно-художественной выставки 1882 г., «Сжечь бы все эти кни- ги!» — в библиотеке Румянцевского музея, «Люблю эту курноску!» — в одном из разговоров с Федоровым. Толстой знал, как ценил Федоров Ко- перника («славянин Коперник произвел переворот в астрономии, кото- рый должен послужить исходным пунктом нового направления всего зна- ния», призванного перейти «к действительному управлению движением земли» (*Федоров*. I, 231), к космической регуляции) и, вероятно, не мог отказать себе в удовольствии подразнить мыслителя своим «неученым» вопросом.

²¹ Цитата из I части «Вопроса о братстве...» (*Философия общего дела*. I, 9).

²² Цитата из II части «Вопроса о братстве...» (Там же. С. 119).

²³ Цитата из работы «Супраморализм» (Там же. С. 437).

²⁴ См. примеч. 13 к статье В. И. Шенрока «Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова».

²⁵ Этот эпизод имел место в 1883 году (см.: *Бирюков П. Н.* Биография Л. Н. Толстого. Т. 2. Л., 1923. С. 213; *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и твор- чества Л. Н. Толстого. М.; Л., 1936. С. 298).

²⁶ Эта цитата, как и цитаты следующих двух абзацев, взята из рабо- ты «Супраморализм» (*Философия общего дела*. I, 434, 435, 436, 438).

²⁷ Речь идет о статье Л. Н. Толстого «О голоде», опубликованной в лон- донской газете «Daily Telegraph» 14 января 1892 г. Газета «Московские ведомости», перепечатавшая 22 января 1892 г. выдержки из этой статьи в обратном переводе, так комментировала их: «Письма графа Толстого <...> являются открытою пропагандой к ниспровержению всего существующе- го во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, пе- ред которым бледнеет даже подпольная пропаганда».

²⁸ В автографе стояло: «Times». «Daily Telegraph» было вставлено про- стым карандашом в машинописном экземпляре воспоминаний.

И. Л. Толстой

Мои воспоминания

Впервые: *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. М., 1914. С. 179. Пе- чатается по: *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. М., 1969. С. 189.

Илья Львович Толстой (1866–1933) — сын Л. Н. Толстого. В 1813– 1914 г. — сотрудник газеты «Русское слово». Автор сценария и фильма на

основе рассказа Толстого «Чем люди живы?» (1916). В 1910-е гг. много ездил по России с лекцией об отце, с этой же лекцией, переведенной на английский язык, уехал в США. После революции на короткое время приезжал в Россию, затем опять вернулся в Америку, вначале занимался активной журналистской и общественной деятельностью, затем выступал с лекциями о творчестве и мировоззрении Толстого, перевел на английский язык ряд его произведений.

«Мои воспоминания», публиковавшиеся с октября 1913 г. на страницах «Русского слова», вышли в свет отдельным изданием в 1914 г. В 1920-е гг. в Америке И. Л. Толстой существенно дополнил и переработал эти воспоминания. Второе издание вышло в России в 1933 г. Фрагмент о Федорове остался в этом издании без изменений, за исключением начальной фразы: в издании 1914 г. было: «В эту же зиму отец познакомился...», в издании 1933 г. — «Еще в 1881 году отец познакомился».

¹ См. примеч. 4 к воспоминаниям И. М. Ивакина.

² По всей видимости, эта фраза — реакция на не раз возникавшие в мемуарной литературе свидетельства о спорах Федорова с Толстым.

С. Л. Толстой

Очерки былого

Впервые: *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1968. С. 134–135.

Сергей Львович Толстой (1863–1947) — старший сын Л. Н. Толстого, композитор, автор ряда работ о Толстом, в том числе «Музыка в жизни Толстого» (1911), «Толстой о поэзии Тютчева» (1912), «Музыкальные произведения, любимые Л. Н. Толстым» (1912), сотрудник Полного собрания сочинений Толстого в 90 томах, составитель первого путеводителя по Ясной Поляне (1914).

¹ См. преамбулу комментария к «Воспоминаниям» Н. П. Петерсона.

И. М. Ивакин

Воспоминания (фрагменты)

Часть фрагментов впервые опубликована: Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. М., 1961. С. 21–124. Полная публикация фрагментов «Воспоминаний»: *Федоров. IV*, 519–550.

Иван Михайлович Ивакин (1855–1910) — филолог, педагог.

По окончании историко-филологического факультета Московского университета и после защиты кандидатской диссертации И. М. Ивакин в сентябре 1880 г. стал домашним учителем сыновей Л. Н. Толстого Сергея, Ильи и Льва, готовя их по греческому и латинскому языкам. Вместе с семьей Толстых почти год он провел в Ясной Поляне. Это было время напряженных духовных исканий Толстого. И. М. Ивакин, поначалу относившийся к писателю «как демократ к аристократу» («Вот они, графы-то!»),

«был поражен новым для него подходом Толстого к жизни, науке, литературе и религии» (*Толстой С. Л.* Вступительная статья к публикации «Толстой в 1880-е годы. Записки И. М. Ивакина» // Литературное наследство. Т. 69. Кн. II. М., 1961. С. 24): «Я хоть и далеко не всегда соглашался с ним, но каждому его слову внимал чуть не с благоговением. Ни один обед, ни один чай, ни одна беседа для меня даром не проходила. Он каждый раз высказывал что-нибудь новое, интересное, или даже не известное умел взглянуть иногда с такой точки зрения, о которой я и не подозревал. Право, он, сам того не замечая, точно открывал передо мной новый удивительный мир... Хорошего было здесь то, что я принялся учиться, как редко учился» (Цит. по: Там же).

После того как семья Толстых осенью 1881 г. переехала в Москву, И. М. Ивакин также вернулся в Первопрестольную и поступил преподавателем русского языка в 3-ю Московскую классическую гимназию. Общение с Толстыми не прерывалось. И. М. Ивакин поддерживал дружеские отношения с С. Л. Толстым, бывшим своим учеником, а лето 1882 г. провел в Ясной Поляне, давая уроки его младшим братьям. С самим Львом Николаевичем И. М. Ивакин также регулярно встречался и беседовал в Москве, а летом 1885–1886 гг. навещал Толстых в Ясной Поляне. Летом 1885 г. он вел дневник, занося в него впечатления от увиденного и услышанного тогда в доме Толстых, а в последующие годы также делал заметки о своих встречах с писателем. Параллельно в архиве Ивакина накапливались заметки о его беседах с Н. Ф. Федоровым, часто затрагивавших личность и идеи Толстого.

Познакомиться с Федоровым Ивакин в принципе мог и до своей встречи с Толстым, еще во время учебы в Московском университете — через библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев, где регулярно занимались студенты университета. Но всего вероятнее, знакомство с Федоровым произошло в 1881 — начале 1882 г. Это время интенсивного общения Толстого и Федорова: они встречаются в библиотеке, обмениваются идеями, Федоров бывает в доме Толстых — здесь Лев Николаевич и мог представить ему Ивакина (так же как и привести его с собой в каталожную — до этого, даже регулярно занимаясь в читальном зале на правах рядового читателя, Ивакин мог и не знать Федорова лично, поскольку каталожная была отделена от читального зала и свободный доступ в нее имели не все).

Итак, параллельно контактам с Толстым, развивается и крепнет в 1880-е гг. общение Ивакина с Федоровым. Иван Михайлович — среди тех, кто знаком с учением мыслителя и, по всей вероятности, им искренне заинтересован. Судя по публикуемым «Воспоминаниям», во второй половине 1880-х гг. отношения Федорова и Ивакина — доверительные и сердечные. Встречаются они не в доме Толстого — в это время Федоров там вряд ли бывает (за исключением одного случая, зафиксированного Ивакиным, когда Николай Федорович посетил Толстых, чтобы уладить передачу рукописей писателя в Румянцевский музей), — а в библиотеке. Религиозно-этическое учение Толстого — постоянный предмет их разговоров. Под влиянием Федорова Ивакин постепенно меняет свое отношение к Толстому: оно становится более критическим, что особенно заметно по тем фрагментам воспоминаний, где говорится о беседах повествователя

с В. Ф. Орловым, В. И. Алексеевым, когда уже он сам, от себя лично оценивает Толстого-проповедника. Нараставшее от года к году сочувствие Ивакина православию, о котором говорит в рассказе о своем друге и учителе С. Л. Толстой (Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. С. 24), вероятно, также укреплялось общением с Н. Ф. Федоровым, его трактовкой православного христианства (ср. в «Воспоминаниях»: «Мы думаем, что православие — только риза да деревянное масло, а вдруг в нем есть нечто другое»).

Влияние Н. Ф. Федорова на И. М. Ивакина не иссякало и после 1889 г. — этим годом обрывается текст «Воспоминаний». По настоянию Федорова в октябре 1891 г. Ивакин обратился к Толстому с пространном письмом, в котором излагались идеи мыслителя об атмосферической регуляции и франко-русском книгообмене (Федоров. IV, 655–658). Кроме того, в 1890-е гг. Иван Михайлович время от времени помогал Федорову в переписке его рукописей, возможно, что-то писал и под его диктовку.

Свои «Воспоминания», представляющие ряд ценных материалов к истории идейных и творческих взаимоотношений Л. Н. Толстого и Н. Ф. Федорова, И. М. Ивакин, по всей видимости, составлял в конце 1900-х гг.: частью «по памяти», главным же образом на основе записей, сделанных в разные годы, непосредственно «по следам» его встреч и бесед с Толстым и Федоровым (см.: Толстой С. Л. Вступительная статья к публикации «Толстой в 1880-е годы. Записки И. М. Ивакина» // Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. С. 25). «При общей обработке воспоминаний эти записи были автором объединены, поставлены в хронологическую связь между собой и в некоторых местах дополнены» (Там же).

В настоящем издании представлены те фрагменты воспоминаний И. М. Ивакина (как опубликованные, так и неопубликованные), которые имеют отношение к Н. Ф. Федорову.

¹ Татьяна Андреевна Кузминская, рожд. Берс (1846–1925) — сестра С. А. Толстой.

² Сергей Николаевич Толстой (1826–1904) — брат Л. Н. Толстого. Окончил Казанский университет (математическое отделение философского факультета), служил в канцелярии московского гражданского губернатора. В 1881–1885 гг. — Крапивенский уездный предводитель дворянства.

³ «Учение двенадцати апостолов» — один из древнейших памятников христианской письменности, открытый в 1883 г. греческим митрополитом Филофеем Вриеннием. На русском языке был издан в «Трудах Киевской духовной академии» за 1884 г., а также в журнале «Православное обозрение» (М., 1886. № 7. С. 497–516) в переводе В. С. Соловьева.

⁴ Владимир Федорович Орлов (1843–1898) — учитель из Иваново-Вознесенска, участник революционного движения 1860–1870-х гг., привлекался по делу С. Г. Нечаева. Познакомился с Толстым в 1881 г. Толстой считал встречу с ним большим событием в своей жизни (см. письмо В. И. Алексееву от 15–30 ноября 1881 г. — Толстой. 63, 80), называл Орлова своим единомышленником. Однако сам В. Ф. Орлов со второй половины 1880-х гг., так же как и И. М. Ивакин, начинает относиться к Толстому противоречиво. И. М. Ивакин в «Воспоминаниях» фиксирует его негативные впечатления от пребывания летом 1886 г. в Ясной Поляне

(часть их приведена в данной публикации). Николай Николаевич Ге (1831–1894) — художник, автор ряда картин на евангельские сюжеты. Глубокое влияние на его позднее творчество оказало учение Л. Н. Толстого, с которым Ге сблизился еще в 1862 г., а в последние годы жизни постоянно советовался относительно своих работ и всецело следовал советам писателя дать в своих картинах «простое, понятное и нужное людям христианство». Николай Николаевич Ге (1857–1940) — старший сын Н. Н. Ге. Одно время являлся последователем учения Л. Н. Толстого и жил земледельческим трудом. Затем был сотрудником С. А. Толстой по изданию сочинений писателя. В 1890-х гг. переселился в Швейцарию и принял французское подданство.

⁵ Александр Степанович *Пругавин* (1850–1920) — этнограф и исследователь старообрядчества и сектантства, знакомый Толстого с 1881 г.; автор ряда статей о Толстом.

⁶ «Наука и искусство» — главы 29–31 и 33–38 трактата «Так что же нам делать?».

⁷ «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье и о старом дьяволе и трех чертенятах» написана Толстым в 1885 г. (*Толстой. 25, 115–138*).

⁸ Толстой обычно подолгу вынашивал творческий замысел, прежде чем приняться за его осуществление. Процесс обдумывания часто был для Толстого очень трудным. «...Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять. Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения <...> ужасно трудно», — писал Толстой А. А. Фету в 1870 г. (*Толстой. 61, 240*). Набросав вчерне новое произведение, Толстой отдавал его в переписку, обычно поручая это самому ближайшему в этот момент человеку. Переписанный набросок Толстой начинал исправлять и дополнять. Манеру многократного исправления и переработки написанного Толстой усвоил с самого начала своей литературной деятельности. Когда Толстой втягивался в работу, он совершенно отдавался ей, проводя за письменным столом 7–8 часов ежедневно.

⁹ Имеется в виду следующее место из XXXIV главы трактата Толстого «Так что же нам делать?»: «Дело науки — служить людям. Мы выдумали телеграфы, телефоны, фонографы, а в жизни, в труде народном, что мы продвинули? Ботаники нашли и клеточку, и в клеточках-то протоплазму, и в протоплазме еще что-то. Занятия эти, очевидно, долго не кончатся, потому что им, очевидно, и конца быть не может, и потому ученым некогда заниматься тем, что нужно людям. И потому опять со времен египетской древности и еврейской, когда уже были выведены пшеница и чечевица, до нашего времени не прибавилось для пищи народа ни одного растения, кроме картофеля, и то приобретенного не наукой» (*Толстой. 25, 357*).

¹⁰ Толстой всегда очень любил всякое ремесло. Особенно сильно он увлекался сапожным делом, проводя в середине 1880-х годов за этим занятием большую часть свободного времени. Две пары обуви: ботинки для А. А. Фета и сапоги для М. С. Сухотина, будущего мужа старшей дочери Толстого Татьяны, можно увидеть в экспозиции московского Дома-усадь-

бы Л. Н. Толстого (ул. Льва Толстого, д. 21). В рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого хранится любопытный документ — свидетельство Фета в получении исполненного заказа:

«Сие дано 1885-го года января 15-го дня, в том, что настоящая пара ботинок на толстых подошвах, невысоких каблуках и с округлыми носками, сшита по заказу моему для меня же автором “Войны и мира” графом Львом Николаевичем Толстым, каковую он и принес мне вечером 8-го января сего года и получил за нее с меня 6 рублей. В доказательство полной целесообразности работы я начал носить эти ботинки со следующего дня. Действительность всего сказанного удостоверяю подписью моей с приложением герба моей печати. А. Шеншин» (ОР ГМТ).

¹¹ В своих статьях и заметках о Толстом Федоров не раз упоминал эти два его высказывания. Первое из них («Динамитцу бы!») было сделано во время посещения писателем и философом в 1882 г. Всероссийской промышленно-художественной выставки. Сцена, сопровождавшая второе высказывание, в разных вариантах передавалась мемуаристами и исследователями, писавшими о взаимоотношениях Толстого и Федорова. А. С. Пругавин вспоминал о ней так: «Библиотечные залы Румянцевского Музея, в Москве. Длинные ряды высоких, громадных шкафов, сверху до низу унизанных книгами всевозможных форматов, в различных переплетках. <...>

Через залы проходит высокий, бодрый господин лет 55-ти, с глубоко сидящими глазами, которые вспыхивают, как огоньки, и сверлят, как буравчики. Его провожает старик лет 60, бедно одетый, в старом потертом, наглухо застегнутом не то длинном пиджаке, не то в коротком пальто <...>

Высокий господин окинул глазами бесконечные ряды полок с книгами и затем, заглянув в лицо своего спутника, проговорил:

— Ах, если б все это... сжечь!

Как гром в ясный день, эти слова поразили старика. Точно ужаленный, он схватился за голову и закричал: — Боже мой!.. Что вы говорите!.. Какой ужас!..

Этот старик был Николай Федорович Федоров, библиотекарь и библиограф Румянцевского музея, которого знала и высоко ценила вся интеллигентная Москва. А высокий господин, как, наверное, уже догадался читатель, — Лев Николаевич Толстой.

Это было в начале 80-х годов <...> Я видел Николая Федоровича несколько дней спустя после только что описанной сцены. Всегда спокойный, добродушный, приветливый, — на этот раз он весь горел, кипел и негодовал.

— Нет, послушайте, — обращаясь ко мне, говорил он с глубоким волнением, — каков Лев-то Николаевич! Что он мне сказал! Ведь вы только подумайте!.. <...>

— Толстой просто пошутил, это совершенно ясно, — с убеждением сказал один из библиотекарей, присутствовавший при этом разговоре.

Но замечание это только подлило масла в огонь.

— Да разве *этим* можно шутить?! — с горечью и укоризной воскликнул Николай Федорович.

— Ему просто вздумалось поразить вас, поугатать... У него есть эта печоринская черточка, — говорил тот же библиотекарь.

Николай Федорович махнул рукой и принялся рыться в карточном указателе.

— Печоринская черточка, — бормотал старик, — но ведь он, слава Богу, не Печорин, а *Лев Толстой*.

— Ведь вы же всегда любили Толстого, — заметил я Николаю Федоровичу.

— Да я и сейчас его люблю, — отвечал старик тоном, в котором слышалась глубокая искренность. — Я совершенно уверен, что Лев Николаевич никогда ни одной книги не сожжет... Об этом, разумеется, и речи не может быть. Только уж очень он поразил меня своими словами».

Далее в своих воспоминаниях А. С. Пругавин приводил комментарий на вышеописанный эпизод одного из толстовцев, который не только не счел слова Толстого эпатажем, но указал, что в них, пусть и в резкой форме, пусть и «от противного», высказана излюбленная мысль писателя о «едином на потребу» («зачем все эти книги, зачем все эти библиотеки, когда есть Евангелие, в котором так полно изложено все то, что нужно для жизни и счастья людей?») и о губительности ложно направленной, часто поверхностной и растлевающей культуры (*Пругавин А. С. О парадоксах Л. Н. Толстого // Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом. М., 1911. С. 6–9*).

Федорова возмущал выразившийся в этой сцене культурный «нигилизм» Толстого. Сам философ, так же как и Толстой, критиковал секуляризованную культуру и литературу Нового времени, так же как и Толстой, порицал ложные ориентиры современной цивилизации, но при этом призывал не к разрушению цивилизации и культуры («Сжечь бы все эти книги!»), а к их христианизации, направлению на благое, божеское дело. Кроме того, к книге и библиотеке мыслитель относился особым образом: «книга была для него святыней, надгробным памятником, отпечатком жизни умершего автора, который должен быть со временем восстановлен, воскрешен и воссоздан» (*Горностаев А. К. [Горский А. К.]. Перед лицом смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Харбин, 1928. С. 7*). Отсюда — восприятие фразы Толстого как святотатства.

¹² Вероятно, имеется в виду следующее место из первого послания ап. Иоанна: «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец, ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?» (1 Ин. 4: 20).

¹³ Приведенные здесь и ниже высказывания Федорова о Толстом находят себе соответствия в статьях, заметках и письмах философа, посвященных критике религиозно-нравственного учения писателя: *Федоров. I, 415–418; II, 337–370; IV, 15–48, 261–263, 274–276*.

¹⁴ «Насмешку» над спектральным анализом Федоров мог усмотреть в XXXIV главе трактата «Так что же нам делать?»: «Все ученые заняты своими жреческими занятиями, из которых выходят исследования о протоплазме, спектральные анализы звезд и т. п.» (*Толстой. 25, 357*).

¹⁵ «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк. 3: 14).

¹⁶ Дилемма, обозначенная здесь И. М. Ивакиным, отчасти восходит к полемике Ф. М. Достоевского с Л. Н. Толстым по вопросу о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Толстой в «Анне Карениной» проводил мысль о

том, что война за освобождение славянства искусственно навязана народу, что «непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть», а главное, что эта война, как, впрочем, и все вообще войны, сопряжена с убийством: «Но ведь не жертвовать только, а убивать турок. <...> Народ жертвует и готов жертвовать для своей души, а не для убийства». Разбирая эти тезисы на страницах «Дневника писателя», Достоевский вскрывал фальшь подобной постановки вопроса, особенно в свете тех зверств, которые творили турецкие войска над мирным населением Сербии и Болгарии:

«Представим себе такую сцену: стоит Левин уже на месте, там, с ружьем и со штыком, а в двух шагах от него турок сладострастно готовится выколоть иглой глазки ребенку, который уже у него в руках. <...> И вот Левин стоит в раздумье и колеблется. <...> Нет, серьезно, что бы он сделал, после всего того, что нам высказал? Ну, как бы не освободить ребенка? Неужели дать замучить его, неужели не вырвать сейчас же из рук злодея турка?

— Да, вырвать, но ведь, пожалуй, придется больно толкнуть турка?

— Ну и толкни!

— Толкни! А как он не захочет отдать ребенка и выхватит саблю?

Ведь придется, может быть, убить турку?

— Ну и убей!

— Нет, как можно убить! Нет, нельзя убить турку. Нет. Уж пусть он лучше выколлет глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити» (*Достоевский. 25, 220*).

¹⁷ Толстой в X главе трактата «В чем моя вера?», основываясь на словах Христа «Трудящийся достоин пропитания» (Мф. 10: 10), говорит: «По учению Христа, работа — труд есть необходимое условие жизни человека, а пропитание есть неизбежное последствие его... Как бы зол ни был хозяин, он будет кормить работника так же, как будет кормить ту лошадь, которая работает на него, будет кормить так, чтобы работник мог сработать как можно больше, т. е. будет содействовать тому самому, что составляет благо человека» (*Толстой. 23, 428*).

¹⁸ Этот факт, приведенный Н. Ф. Федоровым, И. М. Ивакин, будучи в Ясной Поляне летом 1886 г., передал Л. Н. Толстому во время общей беседы, на которой обсуждался вопрос о том, возможно ли человеку, в том числе женщине, имеющей детей, самому обеспечить себе пропитание. Л. Н. Толстой утверждал, что это вполне реально, и можно, в конце концов, просить милостыню: «Лев Николаевич говорил, что он доставал и доставляет себе нужное, могла бы и она надеть сумку — ступай побираться. У нас восемьдесят миллионов так живут, нечего смотреть, что какая-нибудь маленькая часть живет иначе. <...>

Я сказал, что ходить с сумой — не всегда выходишь себе кусок хлеба и не везде, привел слышанные мною от Николая Федоровича рассказы о китайцах — в Китае рабочие на коленях молят о работе, и ее нет, и они мрут...

— Ну и что же? — сказал Л. Н. — Пришла смерть, и умер человек. Лучше умереть, живя по-Божьи, а не как-нибудь иначе... Да ведь о Китае это пишут, и кто говорит, сам хорошо не знает, что там в Китае, а в России, я знаю, живут так люди» (*Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. С. 86–87*).

¹⁹ Толстой в трактате «Так что же нам делать?» назвал Р. Мальтуса «весьма плохим английским публицистом, сочинения которого все забыты и признаны ничтожными из ничтожных...», а выводы, прямо вытекающие из его теории, бездоказательными, неправильными и совершенно произвольными (*Толстой. 25, 333*).

²⁰ Рассказ Толстого «Девчонки умнее стариков» (1885) был выпущен в свет как текст к картине К. А. Савицкого, исполненной в красках в хромофотографии И. Д. Сытина (Москва, открытый лист, 1885).

Мораль этого рассказа проста: старые люди должны брать пример с малых детей. Две девочки поссорились во время игры, но, скоро помирившись, принялись опять весело играть, а их родные хотели из-за этой ссоры драться между собой.

²¹ «Исповедь» в рукописи, отданной в печать в журнал «Русская мысль», была озаглавлена «Что я?». В № 5 «Русской мысли» за 1882 г., изъятый цензурой, статья была напечатана под названием «Вступление к ненапечатанному сочинению». Название «Исповедь графа Л. Н. Толстого» впервые появилось в издании М. К. Элпидина в Женеве в 1884 г.

²² В мае 1883 г. Л. Н. Толстой выдал своей жене С. А. Толстой доверенность, дававшую ей право распоряжаться всем без исключения его имуществом, изданием и продажей его произведений. Автоматически С. А. Толстая стала владелицей черновых рукописей художественных произведений Толстого, многочисленных писем к нему. Позже, в 1891 г., Толстой ограничил права С. А. Толстой: за ней оставалось исключительное право издания произведений, написанных Толстым до 1 января 1881 г. Все остальные произведения Толстой разрешал издавать, переиздавать, переводить, ставить на сцене всем желающим безвозмездно. Рукописи произведений, написанных после 1 января 1881 г., за небольшим исключением, стали сосредотачиваться в руках В. Г. Черткова, друга и единомышленника Толстого.

²³ Вероятно, имеется в виду книга Г. Ольденберга (не Ольденбурга) «*Buddha, sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde*» (Berlin, 1881; рус. пер.: *Ольденберг Г.* Будда. Его жизнь, учение и община. Пер. со 2-го исправленного издания П. Николаева. М., 1885). Эту книгу знал и Толстой. Он пользовался ею в конце 1885 или в начале 1886 г., когда собирал материалы о Будде, мечтая написать о нем. Очерк «Сиддарта, прозванный Буддой» был написан Толстым впоследствии в 1905 г. для сборника «Круг чтения».

²⁴ Мф. 28: 20.

²⁵ Этот эпизод в несколько иной редакции (второй раз женщина приходит к Будде и сообщает, что ребенок ее умер) Н. Ф. Федоров привел в примеч. 12 к III части своего главного сочинения «Вопрос о братстве...» (*Федоров. I, 205*).

²⁶ Под заглавием «В чем счастье» в № 1 «Русского богатства» за 1886 г. была перепечатана часть X главы трактата Толстого «В чем моя вера?».

²⁷ Близкую оценку зороастризма Федоров дал в статье «Санитарный вопрос» (*Федоров. II, 310–312*).

²⁸ По всей видимости, здесь И. М. Ивакин неточно передает мысль Федорова. *Агуромазда* (Ахура Мазда, Ормузд) — верховный бог зороастрийского пантеона, являющийся воплощением мирового Добра, не может «искать опоры» у своего антагониста, Злого Духа *Аримана* (Ангро Май-

ню). Точно так же невозможно сочетание «Ариман Иеша», поскольку под *Иеша* скорее всего имеется в виду пророк Саошьянт, Спаситель, центральная фигура зороастрийской эсхатологии: он должен родиться перед концом мира, проповедовать людям, обращая их ко благу, и содействовать Ормузду в деле окончательной победы над злом, низвержении Аримана, воскрешении умерших и преобразении земли. Поскольку в фигуре Саошьянта присутствуют черты, роднящие его с Иисусом Христом, а эсхатология зороастризма имеет целый ряд переключек с христианской, Федоров мог провести параллель между двумя Спасителями, зороастрийским и христианским.

²⁹ Возможно, Федоров имел в виду М. С. Громеку, автора книги «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого» (М., 1884), покончившего жизнь самоубийством в 1883 г.

³⁰ Алексей Петрович Залюбовский в 1884 г. первым из последователей Толстого отказался от присяги и военной службы. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая много хлопотали об облегчении положения Залюбовского, сосланного в дисциплинарный батальон. В 1887 г. Залюбовский был освобожден от военной службы.

³¹ Речь идет о Д. П. Лебедеве.

³² «Церковь и государство» — компиляция из черновых набросков трактата Л. Н. Толстого «Исследование догматического богословия», составленная в 1881 г. переписчиком А. П. Ивановым (см. ниже примеч. 118). Статья была одобрена писателем и стала распространяться в рукописных копиях и гектографированных изданиях.

³³ Имеется в виду 5-е издание полного собрания сочинений Толстого в 12 частях (томах), выпущенное С. А. Толстой в 1885–1886 гг. Летом 1885 г. в Ясной Поляне И. М. Ивакин помогал С. А. Толстой править корректуры романа «Война и мир» для этого издания.

³⁴ Здесь Федоров говорит о народных рассказах Толстого, занявших существенное место в творчестве писателя 1880-х гг., особенно после того, как в 1884 г. было основано народное книгоиздательство «Посредник».

³⁵ Рассказ «*Кающийся грешник*» опубликован в 12-й части «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», вышедшей в апреле 1886 г. В рассказе говорится о том, как раскаявшийся в последний час перед смертью грешник просился в рай. Апостол Петр и царь и пророк Давид по очереди перечислили «все худые дела грешника, и не называли добрых дел никаких». Но грешник не терял надежды, прося Петра и Давида вспомнить «слабость человеческую и милость Божию», повторяя, что он грешен в том же, в чем были грешны и они сами, и так же как и они, он раскаивается во всем содеянном. Обличители затихали. Наконец, в третий раз грешник услышал голос Иоанна Богослова, любимого ученика Христа, и сказал ему: «Теперь нельзя не впустить меня: Петр и Давид впустят меня за то, что они знают слабость человеческую и милость Божию. А ты вступишь меня потому, что в тебе любви много. Не ты ли, Иоанн Богослов, написал в книге своей, что Бог есть любовь и что кто не любит, тот не знает Бога? Не ты ли при старости говорил людям одно слово: „Братья, любите друг друга!“ Как же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись от того, что сказал ты сам, или полюби меня ипусти в царство небесное». И отворились врата райские, и обнял Иоанн кающегося грешника ипусти его в царство небесное» (Толстой. 25, 79–81).

³⁶ Федоров говорит о повести «Смерть Ивана Ильича», впервые опубликованной в изд.: Сочинения гр. Л. Н. Толстого. Ч. 12: Произведения последних годов. М., 1886.

³⁷ Речь идет о книге Н. П. Барсукова «Жизнь и труды П. М. Строева» (СПб., 1878). Письмо Н. П. Барсукова к Толстому в архиве Толстого не числится.

³⁸ Речь идет об историке Сергее Михайловиче *Соловьеве* (1820–1879), авторе многотомного труда «История России с древнейших времен» (1851–1879. Т. 1–29).

³⁹ Л. Н. Толстой работал над «Соединением и переводом четырех Евангелий» в 1880–1881 гг. Впервые напечатано в Женеве в издании М. К. Элпидина в трех томах в 1892–1894 гг. И. М. Ивакин впоследствии исполнил просьбу Федорова и в начале своих воспоминаний посвятил целый ряд страниц своим впечатлениям от работы Толстого над переводом Евангелия.

⁴⁰ В. С. Соловьев.

⁴¹ Федоров отсылает к Первосвященнической молитве Спасителя за оставляемых учеников (Ин. 17: 1–26).

⁴² Ин. 10: 16.

⁴³ *Симсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историей. М., 1880.

⁴⁴ *Писцовые книги* в Московском государстве XV–XVII вв. служили основанием для податного обложения и имели юридическое значение для владельцев как крепостные документы. С середины XVII в., когда была проведена большая перепись, книги составлялись периодически.

⁴⁵ Вильям *Фрей* (Владимир Константинович Гейнс; 1839–1888) — бывший офицер Генерального штаба, писатель и общественный деятель. В 1868 г. эмигрировал в Америку, принял американское гражданство и стал называться Вильям Фрей. Познакомился с Толстым в октябре 1885 г. Книга «Письма Фрея к Л. Н. Толстому» была издана М. К. Элпидиным в Женеве в 1887 г.

⁴⁶ Павел Иванович *Бирюков* (1860–1931) — друг и биограф Л. Н. Толстого.

⁴⁷ *Даниил Ачинский* (Даниил Корнильев Делиенко; 1784–1843) — крестьянин Полтавской губернии, в 1807 г. взят в солдаты, участвовал в Бородинской битве, в 1813–1815 гг. находился в русских войсках в Париже. В 1823 г. отдан под суд за решение оставить военную службу ради пустынножительства. На суде он заявил, что лучше примет смерть, чем откажется от своего намерения. Был исключен из воинского звания и сослан в Нерчинские рудники. По отбытии каторги жил отшельником в Ачинске.

Книга о Данииле Ачинском: «Сказание о жизни и подвигах в Бозе почившего старца, подвизавшегося в Сибирской стране в Енисейской губ. в пределах г. Ачинска» (М., 1885). Толстой собирался изложить жизнь Даниила Ачинского для издания в «Посреднике», однако это намерение не было осуществлено.

⁴⁸ «*Ян Гус*» (1849) — историческая драма чешского писателя Йозефа Каэтана Тыла (1808–1856). В переводе на русский язык, выполненном И. М. Ивакиным и И. И. Гиляком, драма Тыла была издана в 1899 г.

⁴⁹ Комедия «*Первый винокур*» является авторской переделкой для народной сцены рассказа «Как чертенок краюшку выкупал». Работа над ко-

медией была начата в конце февраля 1886 г., и уже 3 марта комедия была передана «балаганщику», как сообщала дочь Толстого Мария Львовна в письме к сестре Татьяне (ГМТ). В начале июля 1886 г. комедия поставлена в селе Александровском под Петербургом на сцене народного театра Фарфорового завода.

⁵⁰ Речь идет о рассказе Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» (1886), вошедшем в «Четвертую русскую книгу для чтения». Его герой, мужик Пахом, мечтавший о хорошем земельном наделе («будь земли вволю, так я никого, и самого черта, не боюсь»), погибает, стремясь завладеть большим участком земли, который он, по уговору, должен обойти до заката солнца. Надорвавшегося Пахома хоронит его работник — роет ему «могилу, ровно насколько он от ног до головы захватил — три аршина» (Толстой. 25, 68, 78).

⁵¹ Ранее в тексте воспоминаний И. М. Ивакин приводил такой эпизод: «...разговор в это время коснулся жгучего для Ясной Поляны вопроса об отношении мужа и жены. По крайней мере Л. Н., когда я подошел, сравнивал жену с дровами: в ком есть искра, тот может эти дрова зажечь или по крайней мере высушить... Файнерман с своей стороны заявил, что всякий должен исполнять волю Божию, а воля Божия в том, чтобы распространять род человеческий — для исполнения этой воли Божией у нас есть и орган» (РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 127; Литературное наследство. Т. 69. Ч. 2. С. 89; конец фразы в опубликованном тексте опущен).

⁵² Эсфирь Борисовна *Файнерман*, жена И. Б. Файнермана. С помощью С. А. Толстой сдала экзамены на звание акушерки. С. А. Толстая и ее сестра Т. А. Кузминская, жившая почти каждое лето со своей семьей в Ясной Поляне, очень сочувствовали Э. Файнерман, страдавшей от фанатизма мужа-толстовца, жалели ее маленького ребенка и много помогали ей.

⁵³ В связи со смертью Л. Д. Урусова, бывшего тульского вице-губернатора, хорошего знакомого Толстого, В. Г. Чертков писал Толстому 4 октября 1885 г.: «Думая о вас, вспоминаю смерть Урусова. Я знаю, как он был для вас дорог. И между тем мне представляется, что смерть его не может на вас слишком сильно отразиться. Ну — жил, следовательно, и умер, как все мы живем и, следовательно, умрем. Если ваша жизнь мне дорога, и я отчасти живу в ней и ею, то эта наша общая жизнь не может прекратиться для меня вашей смертью» (ОР ГМТ, БЛ 118/13).

⁵⁴ Константин Михайлович *Сибиряков* — сын богатого сибирского золотопромышленника, был в молодости связан с народниками, в 1878–1881 гг. издавал журнал «Слово». В 1885 г. вступил в переписку с Толстым и лично познакомился с ним. На принадлежавшей Сибирякову земле на Кавказе (в Уч-Дере под Сочи) в 1886 г. была основана первая толстовская колония, существовавшая около пяти месяцев.

⁵⁵ Виктор Васильевич *Еропкин* (1849–1909) — математик по образованию, педагог и изобретатель в области механики, один из организаторов земледельческих артелей 1880-х гг., в частности интеллигентской артели «Криница».

⁵⁶ Обвинения митр. *Филарета* (Дроздова) (см. примеч. 6 к воспоминаниям Н. П. Петерсона) в «протестантском» уклоне выдвигались при его жизни со стороны консервативно настроенных членов Синода, подозре-

тельно относившихся к его деятельности в Библейском обществе и выступавших против идеи перевода Библии на русский язык, которая активно проводилась и поддерживалась митр. Филаретом. Одним из наиболее непримиримых противников Филарета в вопросе о русской Библии был *Киевский митрополит Филарет*, в миру Федор Георгиевич Амфитеатров (1779–1857).

⁵⁷ Ср. заметку Федорова «Неопределенность мыслей славянофилов об единении» (*Федоров*. II, 193).

⁵⁸ Федоров ссылается на книгу немецкого философа, одного из родоначальников мифологической школы протестантского богословия Давида *Штрауса* (1808–1874) «Жизнь Иисуса, критически переработанная» (1835–1836).

⁵⁹ Речь идет о богословских работах А. С. Хомякова — трактате «Церковь одна» (впервые: Православное обозрение. 1864. Кн. 3), а также трех его полемических брошюр, написанных на французском языке и объединенных общим названием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (1853, 1855, 1858; на рус. яз. см.: *Хомяков А. С.* Соч. Т. 2. Прага, 1867). В следующей фразе Федоров говорит о «неопределенности, мистичности» понимания Хомяковым Троицы, по всей видимости, имея в виду третью брошюру философа: «Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры». Здесь Хомяков попытался изложить сущность Троичности Божества на языке философии, говоря о «трех вечных фазисах Божией мысли»: «Каждый логический момент мысли несовершенной еще более несовершен, чем она сама. Никогда первомысль не может перейти сполна в фазис своей объективности; никогда мысль-объект не переходит сполна в фазис определенного познания. Иначе в Божестве. Оно есть совершенство бытия, и потому в нем все законы мысли осуществляются в их безусловном совершенстве. Все, что есть в первомысли, есть непременно от вечности и в ее Слове; все, что есть в Слове, есть непременно от вечности в определенном Познании. Итак, Божество всецело пребывает в каждом из своих фазисов, удерживая при этом отличительную особенность этого фазиса и отношений его к другим» (*Хомяков А. С.* Соч.: В 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994. С. 189).

⁶⁰ О символике Московского Кремля (крепость, сторожащая прах предков) и его значении в русской истории см.: *Федоров*. III, 77–106.

⁶¹ *Царственная книга* — иллюстрированная рукопись, копия части Лицевого летописного свода Никоновской летописи (XVI в.) охватывающая собой время княжения и царствования Иоанна IV. *Степенная книга* — рукописный свод XVI в., составленный по летописям и хронографам. В нем была установлена великокняжеская генеалогия, впервые систематически представлена русская история по 17 родословным степеням (от Владимира Святого до Иоанна IV включительно).

⁶² Август Людвиг *Шлёйцер* (1735–1809) — немецкий историк, филолог. Автор трудов по всеобщей истории, источниковедению, истории русского летописания.

⁶³ Федоров имеет в виду легенду о регалиях, знаках царского достоинства (венце и бармах), будто бы присланных византийским императором

Константином Мономахом своему внуку Владимиру Мономаху. Сложилась на Руси в конце XV — начале XVI в. в правление великого князя Ивана III, окончательно же закрепились после венчания на царство Иоанна Грозного для подтверждения прав московских государей на царский титул.

⁶⁴ Якоб Филипп *Фальмерайер* (1790–1861) — немецкий историк и ориенталист; путешественник. Автор сочинений «Abhandlung über die Entstehung des Neugriechen», 1835 («О происхождении современных греков») и «Fragmente aus dem Orient», 1845 («Фрагменты о Востоке»).

⁶⁵ Виктор *Дюрю* (Duru) (1811–1894) — французский историк и государственный деятель, автор трехтомной «Истории греков» («Histoire de Grecs», 1885–1891).

⁶⁶ Близкие мысли были высказаны Федоровым в статье «“Фауст” Гете и народная поэма о Фаусте» и заметках о «Фаусте» Гете (см.: *Федоров*, III, 489–507).

⁶⁷ Ср. критику рекламного жанра в статье Федорова «Музей, его смысл и назначение» (*Федоров*, II, 423–424).

⁶⁸ Эта же формула дана в первой статье брошюры Н. Ф. Федорова «К делу умиротворения, возбуждаемому нотой 12-го августа 1898 года» (*Федоров*, III, 193).

⁶⁹ Ср. *Федоров*, III, 393–394.

⁷⁰ Упомянутый перевод неизвестен.

⁷¹ Речь идет о В. И. Алексееве (см. примеч. 1 к дневниковым записям и письмам Толстого о Федорове). О нем много рассказывается в части «Записок» И. М. Ивакина, опубликованной в сб.: Неизвестный Толстой. Из архивов России и США. М., 1994. С. 92–130. В письме к Л. Н. Толстому от 4 октября 1887 г. Алексеев писал о смерти трехлетней дочери Нади: «...Она составляла радость моей жизни. <...> Какая бы невзгода ни случилась со мною, — как бы мне грустно ни было, — она своим тонким чувством поймет это <...> и станет мне так легко на душе, что забудешь и про тоску <...> утешься тем, что еще не все пропало для меня, еще есть в жизни теплое сердце, которое может отвлечь меня от тоски и дать отдохнуть мне, измученному, в своей бестолковой жизни...» В ответном письме Толстой писал: «...Мне очень больно за вас, но милый друг, не сердитесь на меня, не о том болею, что вы потеряли дочь, а о том, что ваша любовная душа сошлась вся на такой маленькой, незаконной по своей исключительности любви. Любить Бога и ближнего, не любя никого определенно и всею силою души, есть обман, но еще больший обман — любить одно существо более чем Бога и ближнего» (*Толстой*, 63, 432–433).

⁷² Речь может идти об одной из следующих работ S. Beal'a: «Outline of Bouddhism from Chinese sources» (London, 1870; «Очерк буддизма по китайским источникам»), «The Buddhist Tripitaka as is known in China and Japan» (London, 1876; «Буддийская Трипитака как она известна в Китае и Японии») и «The romantic legend of Sakia Bouddha from the chinese — sanscrit» (London, 1875; «Романтическая легенда о Сакья Будде на китайском и санскрите»).

⁷³ В начале августа 1886 г. Толстой ушиб ногу о грядку телеги во время работ в поле, началось рожистое воспаление, продолжавшееся до октября. 25 октября 1886 г. С. А. Толстая писала в Дневнике: «Последние

два месяца — болезнь Льва Николаевича — было последнее мое (странно сказать), с одной стороны, мучительное, а с другой — счастливое время. Я день и ночь ходила за ним, у меня было такое счастливое, несомненное дело — единственное, которое я могу делать хорошо — это личное самоотвержение для человека, которого любишь. Чем мне было труднее, тем я была счастливее. Теперь он ходит, он почти здоров» (*Толстая С. А. Дневники*. Т. I. М., 1978. С. 111).

Судя по записям в дневнике, по письмам к А. К. и В. Г. Чертковым, во время болезни Толстой напряженно размышлял о жизни и смерти. Эти размышления были воплощены в трактате «О жизни».

⁷⁴ Михаил Васильевич *Лентовский* (1843–1906) — актер и антрепренер, основатель народного театра «Скоморох» в Москве.

⁷⁵ Речь идет о Николае Николаевиче *Страхове* (1828–1896), публицисте, критике, философе.

⁷⁶ В ходе работы над трактатом по мере развития общей концепции Толстой пришел к убеждению, что для человека, познавшего смысл жизни в исполнении высшего блага — служения нравственной истине, смерти не существует. Человека освобождает от смерти духовное рождение, и потому Толстой вычеркнул слово «смерть» из названия трактата.

⁷⁷ В 1888 г., 31 марта, у С. А. Толстой родился последний, 13-й по счету ребенок, сын Иван (умер 23 февраля 1895 г.). Месяцем раньше у Т. А. Кузминской родился сын Дмитрий.

⁷⁸ *Джалаледдин Руми* (1207–1273) — персоязычный поэт, философ-суфий. Автор религиозно-философской поэмы в 6 книгах «Месневи-и-манави», суфийско-философских трактатов.

⁷⁹ Ср. работу Федорова «Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь» (*Федоров*. II, 249–257).

⁸⁰ Английская книга, о которой идет речь, вероятно «Christ's christianity» («Христианство Христа» (1885)), где были опубликованы переводы сочинений Толстого: «Исповедь», «В чем моя вера?» (под заглавием: «What I believe») и «Краткое изложение Евангелия».

⁸¹ Охрана в Румянцевском музее.

⁸² По всей видимости, разговор продолжался во дворе Московского публичного и Румянцевского музеев, у церкви свт. Николая, что на Старом Ваганькове.

⁸³ Мф. 5: 5, 12.

⁸⁴ Это упоминание И. М. Ивакина, очевидно, связано с новым оформлением передачи рукописей Л. Н. Толстого, которое состоялось 30 марта и 14 мая 1894 г. Свое собрание рукописей Толстого С. А. Толстая забрала из Румянцевского музея в 1904 г. в связи с ремонтом в музее и поместила в Исторический музей. В 1915 г. Толстая вновь передала рукописи Толстого в Румянцевский музей, где они хранились до 1939 г. В 1939 г. все рукописи Толстого из всех архивов были переданы в Государственный музей Л. Н. Толстого, который и является единственным хранилищем всех рукописей писателя.

⁸⁵ В 1887 г. вышла книга В. И. Шенрока «Ученические годы Гоголя».

⁸⁶ Знание и прогресс (*итал.*).

⁸⁷ Анатолий Иванович *Леман* (1859–1913) — по профессии зубной врач, приобрел известность как скрипичный мастер, автор нескольких повестей и рассказов. В 1887–1889 гг. неоднократно бывал у Толстого.

⁸⁸ Речь идет об издании: *Пругавин А. С.* Раскол — сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа. Вып. 1. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887.

⁸⁹ Григорий Антонович *Захарьин* (1829–1897) — знаменитый врач-терапевт, профессор Московского университета.

⁹⁰ Общество трезвости, основанное Толстым в 1887 г., называлось «Согласие против пьянства». В него входили люди, подписавшиеся под обещанием не пить вина и не угощать вином. В списке членов «Согласия против пьянства», напечатанном в 1911 г. в № 3–5 «Известий Общества Толстовского музея», была 741 фамилия.

⁹¹ А. А. Фет проводил зимы в Москве в собственном доме на Плющихе. И. М. Ивакин помогал Фету в его работе над переводами римского поэта Проперция. См. об этом в части «Записок» Ивакина, опубликованной в журнале «Октябрь» (1996. № 9).

⁹² Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось.

⁹³ Федоров имеет в виду свое письмо Н. П. Петерсону от 19 января 1888 г. (*Федоров. IV*, 220–221).

⁹⁴ Годовой оклад Н. Ф. Федорова составлял 491 руб. 70 коп. (см.: Архив РГБ. Оп. 126. Д. 53. Л. 124 об., 130 об.).

⁹⁵ Речь идет о непосредственном начальнике Н. П. Петерсона Н. Х. Логвинове (см. примеч. 34 к «Воспоминаниям» Н. П. Петерсона). В конечном итоге Н. П. Петерсон принял денежную помощь именно от него.

⁹⁶ См. выше примеч. 71.

⁹⁷ Факт, когда Толстой был посаженным отцом на «одной аристократической свадьбе», не зафиксирован биографами Толстого. В огромной мемуарной литературе о Толстом удалось найти лишь одно упоминание об этом: в 1883 г. Толстой был посаженным отцом на свадьбе Екатерины Владимировны Краснокутской, внучки Е. Д. Загоскиной, начальницы Родионова женского института в Казани, с семьей которой Толстого, его братьев и сестру связывала тесная дружба (см.: *Летописи Государственного литературного музея. Кн. 12. Л. Н. Толстой. Том II. С. 227–231*).

⁹⁸ Как сообщал И. М. Ивакин в своих воспоминаниях, *техник* — молодой человек, ученик Московского технического училища, обратился к Толстому, чтобы «решить вопрос, как соединить неимение собственности с семейной жизнью. На вопрос его, покинуть ему училище или нет, Л. Н. ч не отвечал ни да ни нет, но он решил училище покинуть, года три, а если надо будет, то четыре или пять, поучиться ремеслам и земледелию» (РГАЛИ. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 135).

⁹⁹ Елизавета Александровна *Маликова*, дочь А. К. Маликова (см. примеч. 100).

¹⁰⁰ Александр Капитонович *Маликов* (1839–1904) — из семьи крестьян Владимирской губ. Окончил курс в Московском университете, служил судебным следователем. В 1866 г. привлекался по делу Каракозова и был подвергнут административной ссылке. В 1873 г. начал развивать религиозно-этическое учение о «богочеловечестве», бравшее в христианстве лишь нравственную проповедь Спасителя и отвергавшее его мистическую и догматическую сторону. Проповедуя самосовершенствование человека на евангельских путях, Маликов пришел к отрицанию насильственных приемов борьбы со злом (в этом отношении он был предшественником Толстого). Учение Маликова привлекло к себе целый ряд сочувствующих лиц, в

числе которых были Н. В. Чайковский, В. И. Алексеев, А. А. Бибииков, С. А. Клячко, К. С. Пругавина и др. В 1875 г. часть «богочеловеков» во главе с самим Маликовым, переехав в Америку, в Канзас, основала земледельческую общину, распавшуюся через два года. Вернувшись в Россию, Маликов в 1878 г. познакомился с Л. Н. Толстым. Об их взаимоотношениях и интересе Толстого к учению Маликова см.: *Пругавин А. С. Лев Толстой и «богочеловеки» // Пругавин А. С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1911. С. 161–176.* После внезапной трагической смерти в 1881 г. своей второй жены К. С. Пругавиной, пройдя через глубокий внутренний кризис, А. К. Маликов вернулся к православию. Александр Герасимович *Орфано* (1834–1902) — отставной поручик гвардии. В 1866 г., как и Маликов, привлекался по делу Каракозова, но осужден не был за отсутствием состава преступления. С Толстым знаком с 1880-х гг. Автор разбора религиозных воззрений Толстого под заглавием «В чем должна заключаться истинная вера каждого человека?» («Чтения в обществе любителей духовного просвещения», 1887).

¹⁰¹ Мф. 11: 28.

¹⁰² В январе 1888 г. Толстой работал над статьей о Гоголе, которую намеревался поместить в качестве предисловия к книге А. И. Орлова «Николай Васильевич Гоголь как учитель жизни». Статья не была закончена, так как Толстому «не хотелось вступать в полемику с Белинским» (см.: *Опультская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979. С. 114*).

¹⁰³ Речь идет об издании: *Сочинения графа Л. Н. Толстого. Ч. 13. М., 1888.* Из-за помещенного в этом томе трактата «О жизни» книга была запрещена духовной цензурой, а тираж ее уничтожен. Два сохранившихся экземпляра этого издания хранятся в ГМТ.

¹⁰⁴ Речь идет о Михаиле Дмитриевиче *Скобелеве* (1843–1882), генерале от инфантерии, герое Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., участнике завоевания Средней Азии (1873, 1880–1881).

¹⁰⁵ В Проточном переулке, близ Смоленской площади, находился «Ржанов дом, или Ржановская крепость». Во время переписи 1882 г. Толстой, бывший одним из ее участников, слышал про это место «как про притон самой страшной нищеты и разврата, и потому просил учредителей переписи назначить» его «в этот участок». Желание Толстого было исполнено. Описание жизни в Ржановом доме Толстой дал в IV–XI главах трактата «Так что же нам делать?»

¹⁰⁶ Господин, с которым спорил Федоров, — по всей видимости, А. И. Орлов, автор книги «Николай Васильевич Гоголь как учитель жизни», вышедшей в 1888 г. в издательстве «Посредник».

¹⁰⁷ Речь идет о статье Н. И. Кареева «Историческая философия в романе гр. Л. Н. Толстого “Война и мир”» (Вестник Европы. 1887. № 7).

¹⁰⁸ Доклад ученого-этнографа Н. Н. Миклухо-Маклая о его пребывании на Новой Гвинее, о жизни и нравах тамошнего коренного населения, состоялся в публичном собрании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Политехническом музее 15 (27) октября 1882 г. Федоров приводит это высказывание Толстого и в заметке «Мне пришлось быть очевидцем» (IV, 47).

¹⁰⁹ В № 12 и 13 газеты «Русское дело» за 1888 г. под заглавием «Трудолюбие, или Торжество земледельца» было напечатано в сокращении со-

чинение Т. М. Бондарева с одноименным предисловием Л. Н. Толстого. Летом 1888 г. Н. Ф. Федоров начал работать над статьей, разбиравшей эту публикацию (вошла в состав работы «“Не-делание” ли или же отеческое и братское дело?»).

¹¹⁰ 5 февраля 1887 г. Н. Я. Грот на заседании Московского психологического общества прочел реферат «О свободе воли». Л. Н. Толстой присутствовал на этом заседании и принял участие в прениях.

¹¹¹ Иоганн Гаспар *Лафатер* (1741–1801) — швейцарский священник и проповедник.

¹¹² Имеется в виду так называемая теория кровавого искупления, разработанная в католическом богословии Ансельмом Кентерберийским (XI в.). Согласно этой теории неповинная и добровольная смерть Сына Божия становится своеобразным выкупом Богу Отцу за человечество, оскорбившее его своим грехом, после чего людям возвращается Божие благоволение, прощение и оправдание. Православные полемисты не раз указывали на то, что подобная трактовка спасения делает его внешним, посторонним человеку фактом и строится на низменном понятии о Боге, на представлении всеблагого, вселюбящего Отца мстящим человеку из чувства собственного достоинства и требующим выкупа за нанесенное ему оскорбление.

¹¹³ Картина И. Е. Репина «Крестный ход в Курской губернии» (1880–1883). Ср. о ней: *Федоров*. II, 368.

¹¹⁴ Выдержки из записок скульптора Марка Матвеевича *Антокольского* (1843–1902) под заглавием «Из автобиографии» были напечатаны в № 9–10 журнала «Вестник Европы» за 1887 г.

¹¹⁵ Лермонтовский музей был открыт 18 декабря 1883 г. при Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге (бывшая Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где учился М. Ю. Лермонтов). Музей ставил своей задачей собрать все, что было написано самим Лермонтовым и о нем.

¹¹⁶ Портрет Толстого работы И. Н. Крамского (1873).

¹¹⁷ Михаил Сергеевич *Корелин* (1855–1899) — историк, соученик И. М. Ивакина по историко-филологическому факультету Московского университета. С 1889 г. — приват-доцент, затем профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории.

¹¹⁸ Александр Петрович *Иванов* (1836–1912) — отставной подпоручик. С 1880 г. был переписчиком у Толстого. Толстой упоминает о нем в трактате «Так что же нам делать?» (*Толстой*. 25, 299).

¹¹⁹ Александр Александрович *Стахович* (1830–1913) — орловский помещик, шталмейстер, выдающийся чтец, старинный знакомый Толстого.

¹²⁰ Несколько ранее в своих воспоминаниях И. М. Ивакин передавал рассказ А. П. Иванова о том, что в Татьянин день (12 января 1889 г.), когда в «Русских ведомостях» вышла статья Толстого «Праздник просвещения 12-го января», неодобрительно отзывавшаяся о пьянстве и дебошах, устраивавшихся по случаю университетского праздника в студенческой среде, «у Толстых был Фет — было угощение, омары...

— Вы вот только студентам запрещаете праздновать да есть омары — сказал будто бы переписчик Толстому, с которым у него были своеобразные отношения, — а если у вас самих едят омары — так это ничего!

Толстой будто бы покраснел, стал ссылаться на семью» (Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. С. 98–99).

¹²¹ Семен Осипович *Долгов* (1857–1925) — помощник хранителя отделения рукописей и славянских старопечатных книг, Георгий Дмитриевич *Филимонов* (1829–1898) — хранитель отделения христианских и русских древностей, Иван Григорьевич *Успенский* — младший чиновник для письма.

¹²² Лев Львович *Толстой* (1869–1945) — третий сын Толстого, писатель.

¹²³ 24 декабря 1888 г. родилась старшая дочь И. Л. Толстого Анна Ильинична Толстая-Попова (ум. в 1954 г.).

¹²⁴ С. Л. Толстой после окончания Московского университета некоторое время служил в Петербурге в Крестьянском банке.

¹²⁵ Георгий Семенович *Анненков* (1848–1885) — историк-славист; автор ряда работ по истории протестантизма в Польше и Чехии.

¹²⁶ Петр *Хельчицкий* (ок. 1390 – ок. 1460) — чешский писатель, автор сочинения «Сеть веры», обличающего современный общественный строй с точки зрения христианства. Л. Н. Толстой ценил Хельчицкого и считал его книгу «одной из редких, уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство» (*Толстой*. 28, 18).

¹²⁷ Н. И. Стороженко — см. примеч. 14 к очерку Георгиевского «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров». Иван Иванович *Янжул* (1846–1914) — экономист, статистик, историк.

¹²⁸ Неточность. Джон *Рёскин* (1819–1900) — английский писатель.

¹²⁹ См.: *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 304–309; *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. 2-е изд. СПб., 1881. Т. II. С. 880–887.

¹³⁰ «*Orbis sensualium pictus*» («Мир чувственных вещей в картинках») — философско-педагогическое сочинение Яна Амоса *Коменского* (1592–1670), чешского мыслителя-гуманиста и педагога, относится к 1658 г. В русском переводе было издано впервые в 1768 г.; 2-е изд. — 1788.

¹³¹ Это посещение библиотеки Румянцевского музея и Н. Ф. Федорова отмечено в дневнике Толстого от 22 апреля 1889 г. (*Толстой*. 50, 72). Толстой взял в библиотеке биографию Сен-Симона, составленную Г. Гюбаром: *Hubbard G. S.-Simon, sa vie et ses travaux*. Paris, 1857 («Сен-Симон, его жизнь и труды»).

¹³² Запись об этой беседе, состоявшейся 12 апреля 1889 г., см. в дневнике Толстого (*Толстой*. 50, 65).

И. А. Линниченко

Мои встречи с Львом Толстым

Впервые: *Линниченко И. А.* Речи и поминки. Сборник статей по истории русской литературы и биографических воспоминаний. Одесса, 1914. С. 311–319. Печатается фрагмент воспоминаний, связанных с историей взаимоотношений Толстого и Федорова.

Иван Андреевич Линниченко (1854–1926) — историк, литературовед, в 1890-х гг. был приват-доцентом Московского университета. Автор сочи-

нений по русской истории, археологии, а также по русской литературе. С Н. Ф. Федоровым был знаком по библиотеке Румянцевского музея.

¹ В начале XX в. в русской печати появился ряд статей и изданий, посвященных личности и жизни таинственного старца Федора Кузьмича. Старец появился в Сибири осенью 1836 г., жил в разных деревнях, сначала в домах жителей, затем в маленьких келейках, которые ему рубили крестьяне. Обходя деревни, учил детей грамоте, знакомил со Священным Писанием, историей и географией. Принимал всех приходивших к нему за помощью, давал советы, духовно окормлял нуждающихся, был прозорливцем, имел дар исцеления. Умер 20 января 1864 г. в Томске. Поскольку старец никогда не говорил о себе и всячески скрывал свое прошлое, а по образованности и манерам явно принадлежал к высшему классу, начала складываться, а затем и утвердилось легенда о том, что Федор Кузьмич не кто иной, как император Александр I, который якобы не умер в Таганроге, а ушел странствовать и подвизаться, взыскуя праведной жизни. См.: *Василич Г.* Император Александр I и старец Феодор Кузьмич. По воспоминаниям современников и документам. М., 1909; Таинственный старец Феодор Козьмич и Император Александр I. Харьков, 1912.

² с листа (фр.).

³ О Н. И. Стороженко см. примеч. 13 к статье В. И. Шенрока «Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова».

Л. Л. Сабанеев

Мои встречи с Ник. Фед. Федоровым

Впервые: Новое русское слово. 1958. № 16 635. 5 окт.

Леонид Леонидович *Сабанеев* (1881–1968) — музыковед, музыкальный критик, композитор. Окончил Московскую консерваторию и два факультета Московского университета (математический и факультет естествознания). С 1909 г. выступал как музыкальный критик. Печатался во многих органах русской и зарубежной периодической печати. В 1926 г. эмигрировал. Жил во Франции, Великобритании, США. Автор книг о А. Н. Скрябине (1916) и С. И. Танееве (Париж, 1930).

Печатается часть воспоминаний Л. Л. Сабанеева, передающая личные впечатления мемуариста о Федорове (опущенная часть представляет собой очень приблизительное и неточное изложение идей мыслителя).

¹ Л. Л. Сабанеев неточно передает здесь мысль Федорова, неоднократно звучавшую у философа в 1900 г. (к этому времени и относятся его беседы с автором мемуаров — см. примеч. 2), который он называл «XIX-ти вековым юбилеем Рождества Христова». Федоров говорил, что поблекший, стершийся в сердцах людей образ Христа должен «вновь родиться в нас», одушевляя благие пути человека в мире (см.: *Федоров*. III, 393–394).

² Судя по этому указанию, встречи Сабанеева и Федорова имели место в 1900 г.

³ Федоров был моложе Толстого на один год.

Л. О. Пастернак

Н. Ф. Федоров

Впервые: *Пастернак Л. О.* Записи разных лет. М., 1975. С. 143–145.

Леонид Осипович *Пастернак* (1862–1945) — художник, в 1894–1921 — преподаватель Училища живописи, ваяния и зодчества, с 1905 академик живописи, член-учредитель «Общества 36-ти» (1901–1902) и Союза русских художников (1903–1921). Знал Н. Ф. Федорова по библиотеке Румянцевского музея. Автор картины «Три философа (Толстой, Соловьев и Федоров)» (1903) и портрета Н. Ф. Федорова (1919).

Воспоминания были написаны Л. О. Пастернаком в эмиграции, по нашему предположению, во второй половине 1930-х гг. В собрании *Fedoroviana Pragensia* хранятся шесть его писем философу Н. А. Сетницкому за 1928–1934 гг. Последний регулярно посылал художнику свои харбинские издания: отгиски работы Горского «Федоров и современность» (1928–1933), выпуски переиздания «Философии общего дела» (1928–1930), собственные работы — «СССР, Китай и Япония (начальные пути регуляции)» (1933) и «О конечном идеале» (1932). Л. О. Пастернак неизменно откликнулся благодарственными письмами и открытками на эти посылки. «Удивительные вещи про Николая Федоровича вычитываешь — что за гениальный ум», — писал он в одном из писем Сетницкому (от 3 июня 1933). Тот же Н. А. Сетницкий в 1933 г., в год тридцатилетия со дня смерти Н. Ф. Федорова, обратился к художнику с просьбой написать воспоминания о мыслителе. Л. О. Пастернак так откликнулся на эту просьбу: «30 лет уж прошло, как умер Ник. Фед. Федоров!!! И как будто недавно и как будто очень давно и как будто этого не было!

Ваше предложение написать свои воспоминания о Федорове вполне совпадают с моими давнейшими желаниями и еще недавно кто-то мне о том же говорил. — Но беда в том, что некогда, все откладываешь — я ведь ежели время есть, то пишу скорее кистью... Но я все же обязательно это должен сделать — по крайней мере зафиксировать то, что я еще помню и знал» (Л. О. Пастернак — Н. А. Сетницкому, 2 февраля 1934 // *FP. I.3.29*). Спустя три с половиной месяца, получив от Н. А. Сетницкого посвященный Федорову сборник «Вселенское Дело» (Вып. 2. 1934) с репродукцией своей картины «Три философа (Толстой, Соловьев и Федоров)», он вновь уверяет харбинского корреспондента: «Еще не потерял надежды что-нибудь написать о Федорове — уж-отко сообщу Вам» (Л. О. Пастернак — Н. А. Сетницкому, 14 мая 1934 // Там же). Как видим, свое обещание художник исполнил, несмотря на то что было ему к тому времени уже больше семидесяти...

Впрочем, к образу Федорова Л. О. Пастернак обращался словом и ранее, хотя и признавался Сетницкому, что главное его орудие все-таки кисть. В 1928 г. он писал сыну, поэту Б. Л. Пастернаку: «...Я о Николае Федоровиче Федорове по-немецки написал статейку, немцам он мало знаком и не интересен, а потому в “*Erochische Zeit*” не напечатали. Но я ее помещу. Имеешь ли ты о Федорове понятие? Слышал, должно быть. Я тебе писал о нем, хотел даже брошюрку о нем послать (из Китая, Харбина

прислали мне), да ты как-то не обмолвился» (Леонид Осипович Пастернак. 1862–1945. Каталог выставки. Москва, 1979). Судьба этой, по всей видимости, небольшой статьи, неизвестна.

¹ Л. О. Пастернак будет еще не раз иллюстрировать произведения Л. Н. Толстого, с которым он был лично знаком и о котором оставил воспоминания (*Пастернак Л. О. Встречи с Л. Толстым // Пастернак Л. О. Записи разных лет. С. 169–212*). Наиболее значительной стала его серия иллюстраций к роману «Воскресение» (1898–1899).

² Алексей Данилович *Кившенко* (1851–1895) — художник, академик живописи, руководил батальной мастерской в Академии художеств. С 1880 г. жил и работал в Дюссельдорфе, Мюнхене, Париже. Николай Николаевич *Каразин* (1842–1908) — художник, прозаик, журналист. Много работал в области иллюстрации. Василий Васильевич *Верещагин* (1842–1904) — художник. Так же, как и Пастернак, был знаком с Федоровым по библиотеке Румянцевского музея.

³ Л. О. Пастернак называет Федорова заведующим, а ниже — директором библиотеки Московского публичного и Румянцевского музеев — ошибка, свидетельствующая о той фактической роли, которую играл в главном московском книгохранилище «дежурный чиновник при читальном зале» (именно такова была официальная должность Федорова на протяжении всех 25 лет его службы).

⁴ Федоров скончался 15 (28) декабря 1903 г.

⁵ Сохранился ряд эскизов Л. О. Пастернака к картине «Три философа (Толстой, Соловьев и Федоров)», переданной художником в 1928 г. Государственному музею Л. Н. Толстого в Москве, где она и находится ныне. Первый эскиз, сделанный еще при жизни Федорова в 1902 г., хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, другие, выполненные итальянским карандашом на бумаге и углем на картоне, — в собрании семьи художника в Оксфорде (там же хранится и точная копия с картины, сделанная Л. О. Пастернаком). Подробнее см.: *Коваль Л. М. Страница истории. Николай Федорович Федоров и Московский публичный и Румянцевский музеи // Философия бессмертия и воскрешения. Вып. 1. С. 241*.

⁶ Фотографии с этих набросков, сделанных Л. О. Пастернаком в 1892–1893 гг. с натуры, хранятся в собрании *Fedoroviana Pragensia*. В 1919 г. на их основе художник написал портрет Н. Ф. Федорова по заказу Ученой коллегии Румянцевского музея (подробнее см.: *Коваль Л. М. Указ. соч. С. 241–242*).

⁷ См. примеч. 6.

⁸ В финале своих воспоминаний об историке В. О. Ключевском Л. О. Пастернак писал: «Заканчивая воспоминания о Ключевском, я, естественно, вспоминаю Москву тех времен и вижу перед собою трех оригинальнейших стариков — Толстого, Федорова, Ключевского. Как благодарен я судьбе, давшей мне возможность с каждым из них встречаться в моей жизни» (*Пастернак Л. О. Записи разных лет. С. 158*).

Н. Н. Черногубов

Н. Ф. Федоров

Впервые: *Федоров. Доп.* С. 428–429. Автограф воспоминаний хранится: НИОР РГБ. Ф. 328. К. 3. Ед. хр. 8.

О Н. Н. Черногубове см. преамбулу комментария к его заметке, помещенной в журнале «Весы».

¹ Н. Н. Черногубов, знавший Федорова лишь в последние несколько лет его жизни, весьма неполно характеризует принцип работы мыслителя над своими сочинениями. Та форма работы, о которой говорит Черногубов, применялась Федоровым как правило тогда, когда он просил кого-то из учеников или близких лиц выступить в печати с развитием некоторых его идей, обыкновенно по частным вопросам: о библиотеках, музеях, обычных храмах и т. д. Тогда действительно данному лицу, будь то В. А. Кожевников, Ю. П. Бартенев, Е. В. Барсов, С. А. Белокуров, И. А. Борисов, передавались наброски Федорова на соответствующую тему, которые и использовались при написании статьи, после чего текст мог согласовываться (а мог и не согласовываться с Федоровым). Статьи и заметки последних лет его жизни отнюдь не были отрывочны и хаотичны, а фрагментарность их зачастую была обусловлена тем, что они не предназначались для печати. Кроме того, именно в последние годы жизни создаются и законченные работы: пишется один из главных трудов Федорова — «Супраморализм», появляется статья «Разоружение» и ряд других, связанных с темой Гаагской мирной конференции, создаются статьи в рамках «Асхабадской полемике», печатаются статьи в газетах «Дон» и «Асхабад»... Что же касается работы над главными и обширными сочинениями 1870 — первой половины 1890-х гг. («Вопрос о братстве...», «Собор», «Самодержавие» и др.), то работа учеников (точнее, ученика — Н. П. Петерсона) сводилась не к соединению частей, а к *переписке* автографов Федорова, после чего мыслитель правил текст и исправленный вариант вновь *переписывался*, а вовсе не дописывался Петерсоном. Федоров тщательно работал над текстами своих главных сочинений — переписка их набело, по воспоминаниям Петерсона, часто шла по многу раз, так как философ делал все новые и новые исправления и вставки.

² А. К. Горский в своей «Биографии» Федорова, составившей первый выпуск его работы «Николай Федорович Федоров и современность», так описывал место его последнего упокоения: «Тело Николая Федоровича было предано погребению на кладбище Скорбященского женского монастыря, в настоящее время подвергшегося сильному разгрому и, как и все кладбища, находящиеся в пределах черты Камер-коллежского вала, предположенного к превращению в увеселительные сады и уже частично застроенного под рабочих городок. Там можно и сейчас разыскать его могилу в самом дальнем углу кладбища. Убогий, деревянный крест, сломанный в 1918–20 гг., в 1923 заменен черным чугуном. Накладное распятие сбито и сброшено. На дощечке помещены имя, отчество и фамилия, даты смерти и рождения (неправильно показан в качестве года рождения 1824). На перекладине креста сделана надпись: “Христос Воскрес”» (*Федоров и современность*. С. 20). Обновление креста, о котором здесь пишет

Горский, было сделано по инициативе его самого и философа-федоровца Н. А. Сетницкого. Средства на изготовление и установку креста дал сибирский кооператор В. В. Куликов, одно время серьезно увлекавшийся учением «всеобщего дела». В архиве А. К. Горского и Н. А. Сетницкого сохранилась фотография могилы Федорова, сделанная в 1925 г. На фотографии у могилы Сетницкий, Горский, В. Н. Миронович-Кузнецова, последовательница идей Н. Ф. Федорова в 1910–1920-е гг., и священник, служивший панихиду на могиле (воспроизведена в *Федоров. Доп.*). В конце 1927 — начале 1928 г. московскими последователями идей Федорова во главе с А. К. Горским был начат сбор пожертвований «на ремонт памятника, окраску креста». «Вместо сорванного распятия, — сообщал А. К. Горский Н. А. Сетницкому, — будет изображение воскресшего Христа, сломанных ворот ада и встающих мертвецов (как на старинных иконах воскресения)» (письмо от 8 марта 1928 // *ФР. I.3.27*). Однако осуществить этот проект, по всей видимости, не удалось: в январе 1929 г. арестовали А. К. Горского, и в том же году кладбище Скорбященского монастыря было снесено (ныне на его месте находится детский парк № 1). В 1937–1938 гг., вернувшись из заключения и ссылки, Горский побуждал О. Н. Сетницкую, старшую дочь Н. А. Сетницкого, разузнать судьбу могилы Федорова. В одном из писем начала 1938 г. она писала ему о своих поисках: «Да, я ездила в Новодевичье кладбище, меня оттуда отправили в крематорий. В крематории сказали, что все кости с ликвидируемых кладбищ сжигали, а пепел сыпали в общую могилу; где общая могила — этого я не добила. Сыпали-то, наверно, просто в землю без гробов. Так что это — там» (Собрание Е. Н. Берковской (Сетницкой)). В настоящее время разысканиями В. С. Борисова и Е. В. Прошечкина место могилы Федорова приблизительно установлено (*Прошечкин Е. В. Поиски могилы Н. Ф. Федорова // Общее дело. Сборник докладов, представленных на I Всесоюзные Федоровские чтения. С. 234–237*).

II

ПЕРВЫЕ ИЗЛОЖЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В настоящем разделе помещен ряд изложений учения Федорова, появившихся в 1900–1910-е гг. В числе этих изложений помимо представленных в Антологии текстов должна быть упомянута книга Н. П. Петерсона «Н. Ф. Федоров и его книга “Философия общего дела” в противоположность учению Л. Н. Толстого “о непротивлении” и другим идеям нашего времени» (Верный, 1912). Учение Федорова раскрывается здесь Петерсоном в полемике с рядом идеологических явлений XIX–XX вв. — толстовством, нигилизмом, «реализмом» П. И. Писарева, идеями свящ. Григория Петрова, позицией раннего Горького... К сожалению, объем Антологии не позволил составителям представить читателю фрагменты этой книги. Частично ее материал (глава «Моя переписка с гр. Л. Н. Толстым») использован во II томе Антологии в разделе «Вокруг Федорова. 1903–1918» (письма Толстого Петерсону и Петерсона Толстому).

В. А. Кожевников

Николай Федорович Федоров

Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам

Впервые: Русский архив. 1904. № 2–5, 9, 10; 1905. № 1, 2, 7; 1906. № 1, 2; отд. изд.: М., 1908.

Работать над книгой о жизни и философском творчестве Федорова В. А. Кожевников начал в 1904 г., вскоре после смерти мыслителя, завещавшего ему свои рукописи. Книга писалась и параллельно печаталась в журнале «Русский архив». В 1904 г. были опубликованы главы «Библиограф и библиотекарь», «Музейский деятель», «Воспитатель и учитель», первые главы очерка «Мыслитель», в 1905–1906 гг. печатание было завершено. При работе над книгой В. А. Кожевников использовал рукописи Федорова, которые параллельно готовил к печати в сотрудничестве с Н. П. Петерсоном. Отдельное издание книги появилось уже после выхода в свет I тома «Философии общего дела» (Верный, 1906). В предисловии к ней Кожевников указал на то, что «вплоть до опубликования остальных трудов и переписки Н. Ф. Федорова» она может «служить как бы введением к изучению смиренно-величавой личности» (*Кожевников*, VI).

В письме П. А. Флоренскому от 21 января 1914 г. Кожевников так пояснял свой подход к работе над книгой о Федорове: «Когда я старался провести его, помаленьку, в наше общественное сознание, я прилагал все усилия, чтобы именно сливаться с ним при изложении его мыслей; и меня даже упрекали в том, что нельзя часто отличить, говорю ли я от лица Ф<едоро>ва или от себя. Но я убежден, что только такое, средственное, созвучное по духу, изложение мыслителя и есть правильное, по крайней мере для начального с ним ознакомления: критике же место в конце» (Вопросы философии. 1990. № 6. С. 117). О том, что Кожевников в своей книге о Федорове так «сумел с ним слиться и заслониться его тению», «что поистине не знаешь, где кончается один и начинается другой», писал С. Н. Булгаков (*Булгаков С. Н. Памяти В. А. Кожевникова // Христианская мысль. 1917. № 11–12. С. 77*). Действительно, изложение Кожевникова — изложение, идущее изнутри текста, от его внутренней логики. Дистанция между излагателем и предметом изложения почти не видна. Ощущение имманентности повествования подкрепляется широкой опорой на тексты самого Федорова. Кожевников не только обильно цитирует, — многие страницы книги представляют собой предельно близкий к тексту пересказ тех или иных фрагментов сочинений мыслителя, то и дело переходящий в прямое или почти прямое цитирование. Так что голос Федорова действительно звучит практически в каждом слове книги Кожевникова.

Значительная часть книги посвящена биографии Федорова. Но это биография, пропущенная сквозь призму его учения. Главы о Федорове-библиотекаре, философе музейного дела, педагоге не только раскрывают вехи деятельности мыслителя на том или ином поприще, но и вводят в круг его музейно-библиотечных, образовательных, краеведческих идей и проектов, в которых неизменно звучит все та же, верховная и главная

воскресительная тема. Подобный подход оправдывал себя еще и тем, что Кожевников знакомил своих современников с учением всеобщего дела *впервые* и прилагал максимум усилий к тому, чтобы ошарашивающая, взрывающая все привычные нормы и ранжиры логика завоевывала их сознание постепенно, сначала через близкие и понятные, *локальные* темы: отечествоведения, музейного дела, христианизации культуры и образования (так, кстати, при жизни поступал и сам Федоров) и лишь потом открыто и прямо. Стремился Кожевников и к тому, чтобы утвердить место Федорова в истории философской мысли, определяя основные черты созданной им *философии дела*, философии активной и проективной, в которой онтология подчиняется деонтологии, гносеология идет рука об руку с практикой.

Принцип *постепенности* раскрытия федоровских идей выдержан на протяжении всей книги Кожевникова. Изложение идет по расширяющейся спирали, центральная тема крепнет на каждом новом витке. Ее вершиной становится последняя глава четвертой главы, в которой, после блестящего экскурса в развитие темы природы в истории мировой мысли, Кожевников утверждает тот радикальный поворот, который был внесен в эту тему Новым Заветом. Активность человека в природе заповедана христианством, регуляция есть нравственный и религиозный долг человека — таков конечный вывод Кожевникова.

Говоря на протяжении всей книги о воскрешении как задаче человека в мире, неоднократно подчеркивая, что эта идея составляет главный нерв федоровского философствования, Кожевников нигде не раскрывал тех практических воскресительных путей, которые намечала прогностическая мысль философа всеобщего дела. Фигура умолчания была настолько последовательной, что даже А. И. Введенский, автор весьма сочувственной, местами даже восторженной рецензии на книгу Кожевникова в газете «Московские ведомости», в финале ее недоумевал, что же именно rozumeeт «философ-самородок» «под этим возвращением жизни, всеобщим воскресением, под этою жизнью вечною», и даже высказывал предположение, что Федоров попросту не раскрыл в своей системе это понятие, коль скоро столь знающий и дотошный биограф ничего определенного по его поводу не говорит (*Басаргин А. [Введенский А. И.]. Мыслитель-самородок // Московские ведомости. 1905. № 8. 8 янв.*).

Однако умолчание о путях регуляции и воскрешения было у Кожевникова совершенно сознательным, и даже Петерсон, обыкновенно склонный к прямым и неприкрытым высказываниям в области федоровского учения, в данном случае поддерживал тактику своего соратника по изданию. «Вы напрасно меня подозреваете, — писал он ему 19 февраля 1905 г., — что в тайниках души своей я Вас осуждаю за то, что Вы так долго не раскрываете учения Н-лая Ф-ча вполне. Слишком велики предрассудки, которые следует побороть, чтобы учение Н-лая Ф-ча явилось не противоречием учению Христа, а лишь полным его раскрытием» (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 25. Л. 9).

Вышедшие в «Русском архиве» главы, равно как и отдельное издание 1908 г., по замыслу Кожевникова, должны были составлять лишь первую часть книги. Однако ее вторая часть, основное место в которой предполагалось отвести исследованию религиозных взглядов Федорова, осталась

ненаписанной. К концу 1910-х гг. интересы Кожевникова прочно смещаются в область христианской апологетики, всюду идет работа над фундаментальным трудом «Буддизм в сравнении с христианством». Главная же проблема состояла в том, что во второй части книги о Федорове на Кожевникова лег бы труд разъяснения вопроса, который сам он не раз ставил в письмах Петерсону и беседах с московскими философами — Булгаковым, Флоренским и др., — вопроса о сочетании в деле регуляции и воскрешения благодатных (Божеских) и человеческих (естественных) средств. Увы, этот вопрос для него самого оставался вопросом и излагать эту сторону воззрений Федорова так же имманентно, как он это делал в первой части книги, Кожевников просто не мог.

Тем не менее даже вышедшая часть книги стала в первые годы после смерти Федорова основным и главным источником для всех, кто так или иначе соприкасался с его учением. Именно через нее состоялось первое знакомство с идеями Федорова большинства русских религиозных философов и богословов начала века. Не потеряла она своего значения и авторитета ни в 1920-е гг., ни позднее, оставаясь и по нынешний день одним из самых серьезных и заслуживающих внимания изложений философии общего дела.

В настоящей Антологии печатаются с небольшими сокращениями три главы книги Кожевникова, а также выдержки из четвертой, наиболее объемной главы «Мыслитель». Полный текст книги в настоящее время готовится к изданию Д. А. и А. Д. Кожевниковыми, которым мы выражаем сердечную благодарность за разрешение на перепечатку ее сокращенного варианта и предоставление для этой публикации электронной версии текста.

При чтении текста книги следует иметь в виду, что, работая над нею, В. А. Кожевников давал собственные названия многим статьям и заметкам Федорова, которые часто вообще никак не были озаглавлены. Ряд этих названий впоследствии был им сохранен (полностью или с некоторыми изменениями) в изданиях I и II томов «Философии общего дела», в материалах к III тому, а некоторые названия так и остались только в его книге, поскольку озаглавленные ими части текста вошли в состав (а возможно, и изначально в нем были) более крупных сочинений мыслителя. Дать комментарий ко всем случаям цитирования Кожевниковым Федорова мы в Антологии не имеем возможности, это будет сделано в отдельном издании книги, которое в настоящее время планируется потомками федоровского биографа.

¹ Эта, как и многие другие цитаты данной книги, имея себе соответствие в письменных текстах Федорова, относится к устным его высказываниям, к тому, что Кожевников назвал «личными беседами».

² Среди известных текстов Федорова статьи под таким названием нет.

³ Речь идет о статьях Н. Ф. Федорова «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам», «Письмо в редакцию “Русского слова”», «Что значит карточка, приложенная к книге» (Федоров. III, 223–230).

⁴ Григорий Аветович Джанишев (1851–1900) — публицист, историк, общественный деятель. Автор работ по истории реформ царствования Александра II (большой резонанс получила его книга «Из эпохи великих

реформ. Историческая справка». М., 1892). В 1890-х гг. много занимался армянским вопросом (кн. «Армянский вопрос в Турции». М., 1893).

⁵ Николай Дмитриевич *Лодыгин* (1842–1885) — историк коннозаводского дела в России. После смерти Н. Д. Лодыгина его книжное собрание было передано в библиотеку Румянцевского музея. О Н. Д. Лодыгине и его пожертвовании библиотеке Н. Ф. Федоров писал в статьях «Долг авторства по отношению к публичным библиотекам» и «Долг авторский и право музея-библиотеки» (*Федоров*. III, 224, 235–236; см. также IV, 237–240).

⁶ Мысль о международном книгообмене с Францией зародилась у Федорова в августе 1891 г. во время французской выставки в Москве, ознаменовавшей заключение русско-французского союза. Первое ее изложение встречаем в письме Н. П. Петерсону от 6 сентября 1891 г. (*Федоров*. IV; 540). По инициативе Федорова вскоре началось печатное обсуждение проекта; оно длилось больше года, с августа 1891 по октябрь 1892 г., и «все органы нашей печати, без различия направлений, высказались за желательность такого обмена», сочтя его «важным для интересов просвещения и международной солидарности» (К вопросу об установлении постоянного правильного научно-литературного обмена между Францией и Россией // *Русские ведомости*. 1892. 9 марта. № 67). Первоначально Федоров предполагал, что обмениваться будут все книги «по части науки и литературы», но затем проект был несколько сужен: Россия доставляла бы по экземпляру всех своих изданий, Франция — только научные книги (Вопрос об обмене изданий между Парижем и Москвой // *Московские ведомости*. 1892. 22 февраля. № 52, без подписи). Основными субъектами обмена должны были стать Парижская национальная библиотека и библиотека Московского публичного и Румянцевского музеев. Подробнее см.: *Федоров*. III, 664–666.

^{6a} Благие намерения (*лат.*).

⁷ В 1891 г. французское правительство возбудило вопрос о возобновлении русско-французской конвенции об охране литературной и художественной собственности (такая конвенция была подписана в 1861 г., а в 1887-м расторгнута по инициативе России). Конвенция должна была урегулировать отношения между французскими и русскими авторами, издателями, переводчиками и постановщиками. На протяжении нескольких лет (1891–1894) вопрос о конвенции активно обсуждался в русской печати. Федоров был решительным противником введения литературной конвенции — см. статьи «Долг авторский и право музея-библиотеки» и «Плата за цитаты, или Великая будущность литературной собственности, литературного товара и авторского права» (*Федоров*. III, 238, 483–486).

⁸ 24 декабря 1893 г. французская газета «*Temps*» опубликовала «Открытое письмо к русским литераторам», принадлежавшее перу Э. Золя. Известный романист горячо приветствовал идею литературной конвенции с Россией и высказывался за скорейшее ее подписание.

⁹ Огюст Луи Жозеф Бертелло, барон *де Бай* (1853–1913) — французский археолог. О проекте франко-русского книгообмена ему по инициативе Федорова сообщил ученик философа С. С. Слуцкий. Барон де Бай назвал этот проект «великой и прекрасной идеей» (*Федоров*. IV, 657).

¹⁰ См. статьи «Музей, его смысл и назначение», «Письмо в редакцию «Русского слова»» и заметки по поводу него, «Университет — не отживающее учреждение, а издыхающее» (*Федоров*. II, 370–436; III, 242–250).

¹¹ Речь идет о работе «Собор» (Федоров. I, 309–369) и статье «Музей, его смысл и назначение» (Федоров. II, 370–436).

¹² Вошли в статью «Музей, его смысл и назначение».

¹³ По инициативе Н. Ф. Федорова на X Археологический съезд, проходивший в 1896 г. в Риге, историками С. А. Белокуровым и С. С. Слущким были посланы запросы об обыденных храмах и о Памире как возможной прародине человечества.

¹⁴ Д. П. Лебедев (см. примеч. 13 к статье В. И. Шенрока), уроженец Рязанской губ., состоял членом Рязанской ученой архивной комиссии.

¹⁵ Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова. Ч. 1. М., 1882; Ч. 2. М., 1884.

¹⁶ О связях Федорова с Воронежем, его приездах в этот город, участии в деятельности Воронежского губернского музея и организации там тематических выставок см.: Акиншин А. Н., Ласунский О. Г. Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901). Статьи, письма, воспоминания, хроника пребывания в Воронеже. Воронеж, 1998. См. также: Федоров. III, 158–203, 585–586, 639–642, 646–654.

¹⁷ О деятельности Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в Асхабаде во время пребывания там мыслителя с конца августа 1899 по апрель 1900 г., их выступлениях на страницах газеты «Асхабад», инициативе по проведению в Туркестане археологического съезда, мыслях об устройстве местного музея и т. д. см.: Федоров. III, 204–211, 586–587, 656–658. О полемике вокруг учения Федорова в этой газете см.: Федоров. Доп., 165–175.

^{17а} Свет с Востока (лат.).

¹⁸ В Сергиевом Посаде Федоров жил с последней трети февраля по начало апреля 1899 г. Однако в этот период о преп. Сергии Радонежском он не писал. Основной массив его заметок и писем о преподобном относится к 1892–1895 гг. (см. Федоров. III, 50–58, 63–66, 69–75; IV, 258–260 и др.).

¹⁹ Федоров провел в Воскресенске, у стен Воскресенского монастыря, лето 1902 и 1903 гг. Впечатления от пребывания там, так же как и мысли о значении «Подмосковной Палестины», выражены им в серии писем В. А. Кожевникову (Федоров. IV, 471–475, 482–484).

²⁰ «Не только оружием!» (лат.).

²¹ Статьи и заметки Федорова о Румянцевском музее см.: Федоров. III, 105–115.

²² Статья под таким названием неизвестна.

²³ Эта статья Н. Ф. Федорова, равно как и статьи, упоминаемые в следующем абзаце, неизвестны.

²⁴ Memento vivere! — помни о жизни (лат.). Memento mori! (лат.) — помни о смерти (лат.).

²⁵ Под заглавиями «К пасхальным вопросам», «Пасхальные вопросы», «Евангельское Дитя и Пасхальные вопросы», «Эпиграфы к Пасхальным вопросам», «Добавления к Пасхальным вопросам», «О двух разумах и двух жизнях», «12-членная схема учения небратского, неродственного, мирного состояния мира» и т. д. у Кожевникова идут статьи, материалы, заметки, относящиеся ко времени работы Федорова над «Супраморализмом». Опубликованы в: Федоров. III, 317–354.

²⁶ «Мыслью, следовательно, существую» (лат.).

²⁷ Этот же эпизод приведен в «Воспоминаниях» Н. П. Петерсона.

²⁸ Эта статья Н. Ф. Федорова не сохранилась.

²⁹ Здесь и далее В. А. Кожевников приводит цитаты из той части работы Федорова «Самодержавие», которая идет под подзаголовком «в) Самодержавие» (см.: *Федоров*. II, 13–38).

³⁰ Эта статья в I томе «Философии общего дела» печаталась как часть статьи «Самодержавие» (в совр. издании см.: *Федоров*. II, 5–13).

³¹ Подробнее о критике Федоровым концепции «преступной толпы», выраженной в работах французского социолога и криминалиста Габриэля Тарда (*La Foule criminelle. Essai de psychologie collective*. Paris, 1892) и итальянского ученого Сципио Сигеле (*La dellinquenza settaria*; рус. пер. — Paris, 1892), см.: *Федоров*. III, 567–577, 610.

³² Вопрос о роли Н. Ф. Федорова в организации движения за соби́рание сведений об обыденных храмах подробно изложен в комментарии к разделу «Отечествоведение» в: *Федоров*. III, 577–579, 606–608.

³³ Эта статья принадлежала историку, археологу С. С. Слущкому (ре-публикована в: *Федоров*. III, 557–559).

³⁴ Сюжет постройки в 1892 г. церковно-приходской школы в с. Мордовский Качим прокомментирован в: *Федоров*. III, 596–601. О значении этого события Федоров писал в статье «О значении обыденных церквей...» (Там же. С. 35–41). Сам В. А. Кожевников пожертвовал на развитие Мордовско-Качимской школы выручку с продажи второго издания своей брошюры «Бесцельный труд, неделание или дело? Разбор взглядов Э. Золя, А. Дюма и гр. Л. Н. Толстого на труд» (М., 1893).

³⁵ Письмо это ныне хранится в ОР РГБ (Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 24. Л. 54 об.).

³⁶ См. примеч. 39.

³⁷ Это воззвание, составленное Н. Ф. Федоровым, было помещено в третьей книге «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских» за 1894 г. и разослано по всем ученым архивным комиссиям России, на заседаниях которых затем обсуждалось, и редакциям епархиальных ведомостей, во многих из которых оно было перепечатано (подробнее см.: *Федоров*. III, 51–52, 578–579, 606–608).

³⁸ Вошла в статью Федорова «О значении обыденных церквей...».

³⁹ Здесь и далее В. А. Кожевников цитирует и разбирает статьи Федорова, написанные в 1901 г. в связи с начавшейся в России реформой средней школы. Статьи эти не сохранились. Комментарий к сюжету см.: *Федоров* *Доп.*, 384–386.

⁴⁰ Ни одна из этих статей не сохранилась.

⁴¹ Фридрих Генрих Якоби (1743–1819) — немецкий философ и писатель, виднейший представитель философии чувства и веры. В. А. Кожевников специально занимался творчеством Якоби, посвятив ему вторую часть своего труда «Философия чувства и веры».

⁴² Опубликовано в: *Федоров*. IV, 161.

⁴³ Во II томе «Философии общего дела» эта цитата, входящая в заметку Федорова «В чем свобода?», звучит так: «Ужели не поймем, что свобода без власти над природою и без управления ею — то же, что освобождение крестьян без земли» (*Философия общего дела*. II, 48).

^{43a} Все цитаты этого и предыдущего абзацев взяты из заметки Федорова «Философия как выражение неродственности и родство» (опубл.: *Федоров*. III, 253–254).

⁴⁴ «Доколе?» (*лат.*) Начало обличительной речи Цицерона против римского претора Катилины, пытавшегося в 66–63 гг. до н. э. захватить власть в Римской империи.

⁴⁵ младшие боги (*лат.*). Переносн. — люди второго сорта. Здесь: мыслители второго ряда.

⁴⁶ «Ошибка! Но благочестие тоже ошибка!» (*лат.*).

⁴⁷ Далее в книге Кожевникова следует опущенный нами разбор взглядов Федорова на историю мировой философии. Статьи и заметки Федорова, на которых построен этот разбор, см.: *Федоров*. II, 77–168; III, 254–280.

⁴⁸ Что выше нас, ничто для нас (*лат.*)

⁴⁹ Стремлюсь к более высокому (*лат.*)

⁵⁰ Статья «В. Н. Каразин и господство над природою» была написана Ю. П. Бартеневым под руководством Н. Ф. Федорова и по его мыслям. Вступительная часть статьи, из которой и взята приводимая Кожевниковым цитата, написана самим Федоровым и только доработана и отредактирована Бартеневым. Кожевников приводит цитату с некоторыми неточностями.

⁵¹ Здесь и далее под заглавиями «Вопрос о причинах неродственного состояния мира», «О средствах восстановления родства», «Вопрос о братстве», «Исторический очерк» фигурирует главное сочинение Федорова «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим)» (*Философия общего дела*. I, 1–352; *Федоров*. I, 35–309).

⁵² Эти статьи Федорова не сохранились.

⁵³ Последняя статья, из которой и взята приводимая цитата, принадлежит не Федорову, а Петерсону (републикована: *Федоров*. IV, 551–553).

⁵⁴ Возможно, речь идет здесь о статье «Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь» (*Федоров*. II, 249–257) или каком-то первоначальном ее варианте.

⁵⁵ «Что естественно, то не стыдно» (*лат.*).

⁵⁶ «Ничто человеческое мне не чуждо» (*лат.*).

⁵⁷ «Человек человеку — волк» (*лат.*).

⁵⁸ *Джагернат* (Джаганнатха) — «владыка мира», в индуистской мифологии — одно из воплощений бога Вишну в виде Кришны. В Индии в г. Пури находится храм Джаганнатхи, место многочисленных паломничеств. Ежегодно в июле здесь проходит праздник Ратхаятра («шествие колесницы»), во время которого статую Джаганнатхи вывозят на огромной колеснице, причем многие верующие в экстазе бросаются под колеса колесницы, считая, что, погибнув таким образом, они обретут вечное блаженство.

^{58a} Семейная часть дома (*англ.*).

^{58b} Письмо, на которое ссылается В. А. Кожевников, принадлежит не Федорову, а Н. П. Петерсону (см.: *Федоров*. IV, 613).

⁵⁹ Далее В. А. Кожевников дает обширный очерк «пассивного отношения к природе» в истории мировой мысли и культуры.

⁶⁰ Здесь В. А. Кожевников ссылается на двухтомную «Динамическую социологию» (1883) Лестера Фрэнка *Уорда* (1841–1913), родоначальника

американской социологии, который в полемике с идеями Спенсера указывал, что социальная эволюция, в отличие от природной, носит активный характер, направляется интеллектом и волей. *Генетическому* прогрессу в природе соответствует *телический* прогресс в человеческом обществе. Именно обладание сознанием, «умом», по мысли Уорда, позволяет человеку и человечеству противостоять действию слепых природных сил, господствующих в низшем животном мире, оказывать сопротивление естественному закону, который преграждает путь человеческому прогрессу, и преобразовывать окружающую среду.

⁶¹ 1 Ин. 2: 15.

⁶² 1 Кор. 15: 50.

⁶³ В приложении к своей книге Кожевников поместил два письма Соловьева Федорову. Строки, процитированные им неточно, относятся к первому письму — от 12 января 1882 г.

⁶⁴ О влиянии федоровских идей на реферат В. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового миросозерцания» (1891) см. в наст. Антологии статью «В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений».

⁶⁵ Речь идет о письме Достоевского Петерсону от 24 марта 1878 г.

⁶⁶ Эта глава должна была войти во вторую, так и не написанную часть книги Кожевникова.

⁶⁷ Здесь и ниже при цитировании работ Федорова, вошедших в I том «Философии общего дела», Кожевников ссылается на это издание и указывает его страницы.

А. С. Панкратов

Философ-праведник

Впервые: Новое слово. 1913. № 8. С. 17–25.

Александр Саввич Панкратов (1871–1922) — журналист, публицист, сотрудник газеты «Русское слово». Автор книг и брошюр «Ищущие Бога. Очерки современных религиозных исканий и настроений» (М., 1911), «Без хлеба. Очерки русского бедствия (Голод 1898 и 1911–1912 гг.)» (М., 1913), «Потомки Ивана Сусанина» (М., 1913), «У великих могил» (М., 1914), «Миллионы в земле. Поездка на реку Ухту» (М., 1914), «Кровавое зарево: очерки войны» (Ярославль, 1915), «Встречные люди. Типы. Портреты» (Ярославль, 1916).

Интерес к идеям Федорова пробудился у А. С. Панкратова в 1911 г. Способствовало этому, по всей вероятности, то, что публицист в конце 1900-х — начале 1910-х гг. активно занимался историей религиозных движений современной России. Именно этому была посвящена выпущенная в 1911 г. книга «Ищущие Бога», в предисловии к которой Панкратов называл «искание Бога» «русским исконным началом», а эпоху начала века — временем особенно напряженных исканий, особенно «сильного биения развивающейся религиозной мысли» (Указ. соч. С. 3, 9). В книге были представлены очерки о сектантах-евангелистах, бессмертниках, о Неплюевском братстве, о свободном христианстве епископа Михаила, об адвентистах и студентах-христианах, даны религиозные портреты «иска-

телей». По всей видимости, Федоров должен был пополнить его коллекцию русских религиозных типов.

Весной 1911 г. Панкратов обратился к Кожевникову, сообщив ему о своем намерении писать о Федорове и прося у него I том «Философии общего дела» (см. письмо В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону от 16 июля 1911 // НИОР РГБ. Ф. 657. К. 6. Ед. хр. 43. Л. 7). Однако ни в 1911, ни в 1912 г. статья так и не появилась. Свое намерение Панкратов осуществил лишь в 1913 г. — в год десятилетия со дня смерти Федорова. «Сегодня, — писал по этому поводу Кожевников Петерсону 27 апреля 1913 г., — более часа сидел у меня главный сотрудник “Русского слова” А. С. Панкратов и беседовал о Н. Ф-че; будет писать о нем фельетон в “Русском слове”. Он, как заметно, читал оба тома и мою книгу; я дал ему еще Вашу; он спрашивал про газетные статьи; я тоже указал» (Там же. Л. 36).

Судя по содержанию очерка «Философ-праведник», он действительно был написан с использованием книги Кожевникова «Николай Федорович Федоров» и книги Петерсона «Н. Ф. Федоров и его книга “Философия общего дела” в противоположность учению Л. Н. Толстого о “непротивлении” и другим идеям нашего времени» (Верный, 1912). Обнаружил Панкратов и знакомство со статьей Г. П. Георгиевского «Из воспоминаний о Николае Федоровиче», в свое время появившейся в «Московских ведомостях». Кроме того, собирая материал о Федорове, он беседовал не только с Кожевниковым, но и с другими людьми, знавшими мыслителя лично (Л. О. Пастернаком, А. А. Астаповым и др.).

На основе статьи «Философ-праведник» А. С. Панкратов написал и более короткую газетную статью «Русский Диоген», которая появилась в газете «Русское слово» 15 (28) декабря 1913 г., в день десятилетия со дня смерти Федорова.

¹ Отзыв из письма Л. Н. Толстого Н. П. Петерсону от 1 февраля 1908 г. (письмо было опубликовано Петерсоном в главе «Моя переписка с гр. Л. Н. Толстым», вошедшей в его книгу о Федорове).

² Панкратов ссылается на главку «Соловьев и Федоров» I тома книги Е. Н. Трубецкого «Мирозерцание Вл. С. Соловьева» (М., 1913).

³ См. примеч. 6 к «Воспоминаниям» Л. О. Пастернака.

⁴ Панкратов цитирует по книге Кожевникова: *Кожевников*, 3, 7.

⁵ С *Ф. И. Буслаевым* (1818–1897) (см. примеч. 12 к статье В. И. Шенрока «Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова») и государственным деятелем, юристом, историком искусства Дмитрием Александровичем *Ровинским* (1824–1895) Федоров был хорошо знаком по библиотеке Румянцевского музея.

⁶ См. примеч. 22 к «Воспоминаниям» И. М. Ивакина.

⁷ Панкратов комбинирует в прямую речь характерные высказывания Федорова о Толстом, которые были ему известны из статей и заметок мыслителя (*Философия общего дела*. I, 434–438; II, 355–398).

⁸ Характеризуя отношение Федорова к философии, Панкратов прямо опирается на книгу Кожевникова: *Кожевников*, 53–54.

⁹ Название «Философия общего дела» применительно к сочинениям Федорова принадлежало не самому мыслителю, а Кожевникову и было дано последним уже после его смерти, в период подготовки I тома.

¹⁰ Панкратов фактически воспроизводит здесь высказывание Петерсона из его книги о Федорове: «“Философия Общего Дела” — вовсе не философия, а *призыв*, обращенный ко всем смертным, призыв к делу всеобщего спасения, — спасения от смерти, — призыв к исполнению заповеди Нашего Спасителя, Господа Иисуса Христа» (*Петерсон Н. П.* Указ. соч. С. V).

¹¹ Мф. 28: 19.

¹² *Трубецкой Е. Н.* Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1. С. 277.

¹³ В данном абзаце Панкратов неточно цитирует фрагменты статьи «Разоружение» (*Философия общего дела*. I, 659, 662). Ниже в своем очерке он также опирается на эту статью.

¹⁴ Берта фон *Сутнер* (1843–1914) — писательница, пацифистка, участница большинства мирных конференций, лауреат Нобелевской премии мира (1905). Особое внимание современников привлек ее роман «*Die Waffen nieder*» («Долой оружие») (Dresden, 1889). Вильям Томас *Стэд* (1849–1912) — английский публицист-пацифист, издатель журнала «*Review of Reviews*».

¹⁵ Панкратов опирается здесь на статью «Смысл и цель всеобщей воинской повинности» и на другие статьи раздела «Статьи о регуляции природы и об умиротворении» II тома «Философии общего дела».

¹⁶ Василий Назарович *Каразин* (1773–1842) — общественный деятель и ученый, занимавшийся вопросами метеорологии. О проектах Каразина Федоров много говорит в своих сочинениях.

¹⁷ Возможно, именно в состоянии такого «молитвенного экстаза» нарисовал Федорова художник С. А. Коровин, автор портрета мыслителя, написанного в 1902 г. Портрет воспроизведен в: *Федоров. Доп.*

¹⁸ Панкратов в данном случае несправедлив: Федоров не зачеркивал основные христианские таинства, а переосмыслял их в активно-христианском духе, не отрицал он и благодати, говоря о *синергии* в общем деле спасения благодати Божией и усилия человеческого.

С. И. Матвеев

Философия общего дела
(Учение Н. Ф. Федорова)

Печатается по: Светоч и дневник писателя. Ежемесячный иллюстрированный литературно-научный журнал для всех. М., 1913. № 1. С. 123–129; № 2. С. 57–65. Расширенный и дополненный текст работы С. И. Матвеева, вышедшей отдельной брошюрой в Харькове в 1912 г.

Работа писалась С. И. Матвеевым на основе I тома «Философии общего дела» и книги В. А. Кожевникова, которую автор активно использовал для изложения как фактов биографии Федорова, так и его основных идей.

¹ Статья «Самодержавие» была опубликована летом 1901 г. в туркестанской газете «Асхабад», однако эта публикация была осуществлена Петерсоном без ведома Федорова (подробнее см.: *Федоров. Доп.*, 168).

² «Необходимое условие» (*лат.*).

³ Является осел во всей своей красе и силе (*лат.*).

⁴ Буквальный перевод цитаты из «Фауста» Гете (слова Маргариты в сцене «Вечер» I части поэмы): «Ведь все на золоте держится и к золоту стремится! Ах, мы бедные!»

⁵ Об идеях Э. Карнеги, выраженных в книге «L'Évangile de la Richesse» (Paris, 1891), Кожевников специально писал в своей работе о Федорове (*Кожевников*, 165–166, 171). Высказывания Федорова о Карнеги (Карнеджи, в огласовке мыслителя), см.: *Федоров*. III, 437, 519; IV, 443, 498).

III

УЧЕНИЕ ФЕДОРОВА В ОЦЕНКАХ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ И БОГОСЛОВОВ

Чтения в покоях Преосвященного Димитрия,
епископа Туркестанского и Ташкентского

Печатается с некоторыми сокращениями свод материалов, появившихся в газете «Семиреченские областные ведомости» и посвященных чтению и обсуждению статей Федорова, которые состоялись в г. Верном (ныне Алматы) 2 и 9 января 1907 г. по инициативе преосв. Димитрия, епископа Туркестанского и Ташкентского и ученика Федорова Н. П. Петерсона. Поводом к Чтениям послужил предстоящий выход в г. Верном, где с весны 1904 г. служил Петерсон, I тома «Философии общего дела».

Несколько слов о преосвященном Димитрии, по инициативе которого начались Чтения. Епископ Димитрий (в миру — Давид Абашидзе), потомок древнего рода грузинских князей, окончил Тифлисскую классическую гимназию, юридический факультет Новороссийского университета, после чего в 1892 г. поступил в Киевскую духовную академию. Пострижен в монашество в Киево-Печерской лавре 16 ноября 1892 г., 21 ноября — возведен в сан иеродьякона, а 9 июня 1896 г. — в сан иеромонаха. Выйдя из стен Академии со степенью кандидата богословия, служил в Тифлисской и Кутаисской духовных семинариях, в 1900 г. был назначен ректором Александровской миссионерской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1902 г. — стал епископом Алавердским, вторым викарием Грузинской епархии и настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в Тифлисе. Возглавлял Грузинский епархиальный училищный совет, Комитет по заведованию Археологическими музеями грузинской епархии. С 1903 г. — епископ Гурийско-мингрельский, с 1905 г. — епископ Балтский.

Епископом Туркестанским и Ташкентским преосв. Димитрий был назначен 20 января 1906 г. В г. Верный он прибыл 23 марта 1906 г. и сразу же активно взялся за обустройство епархии, стремясь поднять духовный и нравственный уровень священнослужителей и мирян. При его деятельном участии с 15 августа 1906 г. начали выходить «Туркестанские епархиальные ведомости», с инициативой издания которых уже не раз выступали верненская общественность и духовенство, не встречавшие, однако, поддержки в прежнем архиепископе.

Н. П. Петерсон познакомился с преосв. Димитрием вскоре после его вдовения на Верненской кафедре. 25 октября 1906 г. он сообщал В. А. Кожевникову, что был у Владыки около пяти раз и беседовал с ним (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 25. Л. 61 об.). Именно во время этих встреч он рассказал архиерею о печатающемся в его епархии I томе «Философии общего дела», описал личность и жизнь своего учителя, возможно, зачитал какие-то куски из его сочинений. Познакомил он преосв. Димитрия и со своим предисловием к выходящему тому, в котором, со ссылками на свидетельства современников, была представлена подвижническая жизнь Федорова, «человека необыкновенного», «в высшей степени замечательного», самоотверженно служившего людям. Здесь же говорилось коротко и о значении его писаний, в которых, по словам Петерсона, «разрешается вопрос о смысле и цели существования, определяется ценность жизни», «поднимается вопрос об отечестве и братстве», «заключается призыв к общему всех людей делу». «В предлагаемых общему вниманию произведениях, — подчеркивал он, — заключается, по глубокому нашему убеждению, то новое слово, которое Россия призвана сказать миру, заключается указание на то дело, которое Россия призвана внести в мир, в них заключается оправдание Москвы, признавшей себя еще на заре своего существования Третьим Римом, <...> раскрывается смысл того самосознания, вернее — неопределенного еще до сих пор чувства русского народа, которое называет Русь святою, самосознания, свойственного великому народу» (*Философия общего дела*. I, V, VI).

По всей видимости, именно эти акценты в представлении Федорова как человека и мыслителя сыграли главную роль в зарождении интереса к его личности и идеям со стороны верненского архиерея. Преосв. Димитрий, несмотря на свое грузинское происхождение, был искренним патриотом России, глубоко верил в ее историческое предназначение — как христианской державы, духовной просветительницы человечества, и слова о «деле, которое сделает Россию, ныне для всех чуждую и даже ненавистную, по выражению Н<ико>лая Ф<едорови>ча, “родною, милою и дорогою”» (Там же. С. V), не могли не запасть ему в душу, как не могло оставить равнодушным и то, что писал Петерсон о жизни философа-правника.

Как бы то ни было, но уже в первый номер «Туркестанских епархиальных ведомостей», «по просьбе» Владыки, Петерсон отдает написанный им текст предисловия, где он печатается отдельной статьей, причем заглавие статьи — «Истинный христианин нашего времени» — «дал сам Преосвященный» (Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову. 26–29 ноября 1906 // НИОР РГБ. Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 15. Л. 67–67 об.). А в конце декабря представителям духовенства и мирянам г. Верного было разослано от имени Владыки приглашение на Чтения, в составлении которого, судя по стилу и содержанию, принимал непосредственное участие и Петерсон.

Первое и второе Чтения состоялись 2 и 9 января. Характерен выбор статей, предложенных к обсуждению в покоях Владыки. Первой из них была статья «Разоружение», в которой выдвигался проект обращения армии от борьбы с себе подобными, на борьбу с природными бедствиями (бездождем, землетрясениями, наводнениями, пожарами и т. д.), в чем Федоров видел первый, предварительный шаг человечества к делу регуля-

ции природы; говорилось о нравственном долге ученых, призванных к всестороннему исследованию причин естественных катаклизмов, угрожающих жизни людей. Еще в предисловии к I тому Петерсон говорил, что Федоров, «следуя Христу, — миссия которого заключалась в том, чтобы объединить всех, объединить иудеев и язычников в общем деле воскресения, — стремится объединить в том же деле даже верующих с неверующими». И указывал именно на статью «Разоружение» и примыкающую к ней статью «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудия спасения», которые, по его упованию, как раз и могли бы обратиться к христианству, и христианству активному, именно неверующих: «Неверующий, начавший чтение с этих статей, если только он не потерял еще способности мыслить, если он сохранил еще способность понимать великое, прочтет и всю книгу» (*Философия общего дела*. I, VII). Вторая статья — «Самодержавие» — по своему содержанию должна была вызывать особенное сочувствие Владыки, убежденного монархиста, не раз подчеркивавшего в своих проповедях значение царской власти в деле строительства государства Российского, говорившего о царе как хранителе единства нации, ответственным перед Богом за судьбы его народа. Петерсон же считал эту статью особенно актуальной ввиду исторического момента, переживаемого Россией в 1905–1907 гг. (Первая русская революция, манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», созыв Первой Государственной думы — события, неуклонно двигавшие страну к крушению монархии).

Уже с 5 января на страницах «Семиреченских областных ведомостей» в рубрике «Местные известия» начали печататься отчеты о собраниях в архиерейских покоях. Составлялись они Н. П. Петерсоном и помещались за подписью «Н. П-н», занимая каждый раз по два газетных номера. Отчеты состояли из двух частей: информационной заметки, сообщавшей о ходе Чтений, и собственно статьи, в которой ученик Федорова разъяснял смысл прочитанного текста, попутно отвечая на часть тех возражений и вопросов, что возникали у присутствующих по ходу Чтений.

О том, что обсуждения прочитанных статей не были гладкими и вокруг них разгорелась полемика, в которой были высказаны мнения о несогласности «учения о “воскрешении предков”» с «православным учением о воскресении мертвых», узнаем из письма, помещенного в тех же «Семиреченских областных ведомостях» 23 января 1907 г. Это письмо — документ весьма симптоматичный и наводящий на размышления. Явно вокруг учения «всеобщего дела» развернулась какая-то борьба, и ряд участников дискуссии высказался против активно-христианского понимания воскресения, но самый главный и интересный вопрос: какую позицию занял в этом споре сам Владыка? Был ли он столь же категорически несогласен с идеями того, кого сам незадолго до этого назвал «истинным христианином нашего времени»?

Примечательный факт: в письме не было указано, что оно *написано* по поручению епископа Димитрия. Здесь говорилось лишь о том, что его *отправитель просил напечатать* это письмо «на первой странице» газеты «по поручению преосвященного». Не раскрывалось и авторство обвинений Федорова в неправославии: «...было высказано православное учение о воскресении мертвых, с которым учение о “воскрешении предков” не

находится в соответствии, насколько можно заключить из прочитанного». Если бы это обвинение принадлежало самому епископу, вряд ли формулировка была бы столь обтекаемой, да еще и смягченной финальным «насколько можно заключить из прочитанного».

Второй примечательный факт: сразу же за публикацией этого письма на страницах газеты следовало редакционное сообщение о продолжении Чтений, и не далее как вечером того же дня. Опять-таки трудно предположить, что преосвященный, коль скоро он пришел к неколебимому выводу о неортодоксальности Федорова, пожелал бы продолжить в собственных покоях чтения отрывков из «сомнительной» книги.

Итак, что же стояло за этим письмом, первоначально помещенным в газете без подписи? Судя по редакционной поправке, появившейся в следующем номере «Семиреченских областных ведомостей», подпись под письмом должна была быть такой — «Секретарь Его Преосвященства, священник С. Аполлов». По всей видимости, именно о. Сергей (Аполлов), назначенный незадолго до этого благочинным Кафедрального собора г. Верного и попечителем всего приезжего духовенства, и был главным оппонентом Петерсона на диспуте в покоях Владыки, равно как инициатором и автором публичного газетного заявления. Он же осуществлял и главное давление на Владыку, вынуждая его сначала согласиться на публикацию письма-опровержения, а затем и на прекращение Чтений. Возможно, к настояниям о. Сергея присоединились и другие лица из окружения Владыки, так что «нажим» в конечном итоге возымел свое действие: объявление о новом заседании, помещенное вслед за письмом С. Аполлова, оказалось последним, исчезло со страниц верненской газеты и обзоры Петерсона.

То, что обсуждение работ Федорова было прервано Владыкой не без внутреннего сопротивления и сам он, в отличие от своего окружения, не говорил учению всеобщего дела однозначного «нет», косвенно подтверждается и другими обстоятельствами. После прекращения Чтений Н. П. Петерсон все также встречался с Владыкой и беседовал с ним, а в апреле 1907 г., после выхода в свет I тома «Философии общего дела» передал преосвященному Димитрию два экземпляра книги, «один для него, а другой для архиепископа Волынского Антония» Храповицкого, которого Владыка весьма почитал. Более того, по собственному указанию преосв. Димитрия, Николай Павлович отправил экземпляры I тома архимандриту Феофану, инспектору Санкт-Петербургской духовной академии (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 28. Л. 9 об., 10). Обо всем этом мы узнаем из письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову от 7 мая 1907 г., в котором Николай Павлович между прочим сообщает и то, что именно преосвященный Димитрий указал ему на брошюру профессора Московской духовной академии А. Д. Беляева «Самодержавие», в которой говорилось о Федорове и приводились обширные выписки из книги Кожевникова (Там же. Л. 10). Вряд ли стоит доказывать, что будь отношение преосвященного к идеям Федорова подобно отношению его собственного секретаря, такое развитие событий не имело бы места.

В 1907–1910 гг. в церковных ведомостях епархии, курируемых лично преосвященным, регулярно появляются статьи Петерсона, в которых он трактует современные общественные и духовные проблемы с позиций учения Федорова (библиографию статей Петерсона в «Туркестанских епархи-

альных ведомостях» см.: Библиография. 1995. № 2. С. 123). И практически ни одна из указанных статей не обходится без прямого упоминания имени философа и утверждения, когда кратко, а когда и развернутого, его религиозных идей — обращения догмата в заповедь, истории как «работы спасения» и, разумеется, имманентного воскрешения.

Более того, на страницах «Туркестанских епархиальных ведомостей» в некотором смысле получает свое продолжение и та полемика вокруг учения Федорова, которая началась в январе 1907 г. в покоях Владыки. В 8 и 10 номерах ведомостей за тот же год была опубликована статья за подписью «М.». «Конечный идеал интеллигенции с точки зрения его осуществления», автор которой, критикуя доклады В. А. Тернавцева и Д. С. Мережковского на Петербургских религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг., отвергал выраженную в них надежду на оптимистический, благой исход истории, противоречащую, по его мнению, христианскому учению, согласно которому *“зло, грех, смерть будут существовать в мире до конца”*, а следовательно, и неосуществима мечта о “царстве всеобщего братства, счастья, любви” (Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 8. 15 апр. С. 161) здесь, на земле, — в земной, скорбной и страдальческой жизни возможно лишь внутреннее духовное совершенствование каждой отдельной личности, но никак не мира в целом. Н. П. Петерсон откликнулся на эту статью статьей «Осуществимо ли на земле Царствие Божие?» (Там же. № 11, 12), в которой опровергал утверждение о том, что идея Царствия Божия на земле не имеет под собой «христианско-догматической почвы». «Отвергнуть надежду на водворение Царствия Божия на земле, — подчеркивал он, — значит обратить все христианство в ничто», обесмыслить историю (Там же. № 10. 15 мая. С. 232). Солидаризируясь с «М.» в его критике секулярного прогресса, адепты которого надеются устроить будущий рай на костях прежде живших поколений и утопически веруют, что смертный человек сможет быть счастлив, он в то же время указывал, что Царствие Божие на земле вовсе не тождественно прогрессистскому земному раю, что оно предполагает всецелое преобразование мира и человека. Более того — уничтожение смерти: «воскресение всех умерших и бессмертие суть необходимые условия Царствия Божия, водворить которое на земле — значит все земное обратить в небесное. Задача наша, заповеданная Христом Спасителем нашим, и заключается в том, чтобы создать Царство Божие сначала на земле, а затем распространить его и на все небесные миры, которые суть такие же земли, как и наша земля» (Там же. № 12. 15 июня. С. 321). Христианин, подчеркивал Петерсон, не может ограничиться только работой над душой, для спасения всецелого и всеобщего этого недостаточно. Развивая тезис Федорова о прямой связи духовного и нравственного несовершенства человека и изъянов его физического смертного естества, он писал: «Одно внутреннее, духовное, не поддержанное внешним, материальным, непрочно и быстро, как мираж исчезает. Проповедь Господа нашего о том, что Царствие Божие внутри нас, не исключает необходимости Царствия Божия и вне нас <...>. Да и внутри нас Царствие Божие будет лишь тогда, когда оно будет и вне нас, то и другое находятся во взаимной зависимости, — и только тогда, когда внутреннее будет поддержано внешним, а внешнее, материальное, будет воодушевлено внутренним, духовным, только тогда невоз-

можно будет состояние, о котором свидетельствует ап. Павел, говоря, что добра, которого хочет, не делает, а зло, которого не хочет, делает». В домостроительстве спасения личное стяжание благодати должно сочетаться с трудом преобразования «самого тела нашего», обожения и окружающего мира, чтобы все внешнее стало «достойным сосудом Царствия Божия» (Там же. С. 321–322, 325).

На первую часть статьи Петерсона появился полемический отклик П. И. Квесита, кандидата богословия, секретаря Туркестанской духовной консистории и редактора официальной части епархиальных ведомостей, — по всей видимости, это был еще один оппонент из тех, что выступили против идей Федорова на Чтениях в покоях Владыки (ср. примечательную фразу из письма П. Я. Циркунова Н. П. Петерсону от 28 июня 1907 г.: «Ваша идея о покорении сил природы для возможности безбедного питания также имеет социальный смысл и если бы была осуществима на почве братского единения, то сослужила бы человечеству как великое благо. Я даже не понимаю, в чем консисторские батюшки нашли ее неправославною» — НИОР РГБ. Ф. 657. К. 6. Ед. хр. 73. Л. 8). «Научитесь, а потом учите!» — называлась его статья, выдержанная в надменном, почти презрительном тоне. П. И. Квесит отвергал выраженную в статье Петерсона надежду на всеобщность спасения (при условии обращения человечества на Божьи пути), обвинял ученика Федорова в «полном непонимании и невнимательном чтении Священного Писания», в «лжемудровании» и желал ему «свои шаткие выводы проверять трудами отечественных богословов» или «хотя бы кратким катехизисом» (Туркестанские епархиальные ведомости. № 11. 1 июня. С. 270, 272). Петерсон не замедлил ответить на эту отповедь. Указав на недопустимость нетерпимости и высокомерия со стороны патентованных богословов в ответе на вопросы, которые смущают не только его лично, но и многих других людей, ищущих веры, но веры не детски-слепой, а совершеннолетней, сознательной, подчеркнув, что оставление без ответа этих вопросов «привело уже к тому, что вся наша интеллигенция стала неверующею», он замечал: «Могу уверить г-на Квесита, что стараюсь читать Священное Писание самым внимательнейшим образом и свои выводы, к которым прихожу при чтении, стараюсь проверять всем для меня доступным, не пренебрегая и кратким катехизисом; но, к несчастью моему, и при помощи г-на Квесита не могу стать на его точку зрения и не могу убедиться, что гибель неизбежна и что она предустановлена Господом. А так как простых людей, не поднявшихся в те выси учености, в которых витает г-н Квесит, огромное большинство и все жаждут спасения и имеют право участвовать в деле спасения, которое не может быть чьею-либо специальностью, то не снизойдет ли до нас г-н Квесит и не разъяснит ли нам простым, всем понятным языком, возможно ли спасение, возможно ли состояние блаженства, если множество наших близких будут преданы вечным мучениям?» (Н. П-н [Петерсон Н. П.]. Научитесь, потом учите // Там же. № 12. 15 июня. С. 316). Этот излюбленный федоровский вопрос, поданный совершенно в его духе — в виде обращения *неученых к ученым*, так и остался без ответа — в помещенной тут же краткой заметке П. Квесита не было ничего, кроме, увы, фарисейского замечания: «Мы приветствуем хотя и слабый поворот почтенного г-на Н. П-на в добрую сторону, помогай ему Бог и

дальше в этом направлении», уверений в том, что церковь вовсе не желает оттолкнуть от себя представителей интеллигенции, и придинок к логике своего оппонента (*Квесит II*. Ответ г. Н. П-ну // Там же. С. 316–318).

В том же духе мелких придинок были выдержаны и редакционные примечания ко второй части статьи Петерсона «Осуществимо ли на земле Царствие Божие?» Но что характерно — статья, по мнению редакции, «явно несогласная с учением о Царстве Божием, которое хранит православная церковь» (Там же. № 11. 1 июня. С. 268, примеч. редакции) — была тем не менее напечатана в епархиальных ведомостях, и напечатана без всякой цензуры. А «лжемудрованиям» публициста не только не был закрыт доступ на страницы этого церковного органа, но, напротив, его статьи, порою весьма объемные, появляются там по нескольку раз в год. Единственное, на что решился, да и то только однажды, редактор неофициальной части ведомостей (именно в этой части печатались статьи Петерсона) священник Михаил (Колобов), — это написать в редакционном примечании к одной из статей: «Редакция почитает необходимым оговориться, что она не во всем согласна с взглядами почтенного автора, а именно с идеей о реальном воскрешении, <...> подробно приведенной в “Философии общего дела” покойного Н. Ф. Федорова», но не сокращает тех мест статьи, где идет речь об этом, не желая «нарушать полноты изложения и из уважения к тому, что г-н Н. П-н <...> горячо отстаивает дорогие сердцу каждого верующего православного человека» мысли о русской церкви как «единственной истинной Христовой церкви, хранительнице апостольского учения» и о самодержавии как «единственной спасительной для России форме правления, основе русской государственной жизни, ее оплоте и утверждении» (Там же. 1908. № 9. 1 мая. С. 313). Но ведь парадокс-то в том, что отстаивал Петерсон эти столь близкие редакции (и, напомним, самому преосв. Димитрию) утверждения, опираясь именно на Федорова, на его *проективное, активно-христианское* понимание и православия, и самодержавия, призванных объединять и водить человечество в общем воскресительном деле...

Кстати, полемические примечания редакции к статьям Петерсона, имевшие место в 1907–1908 гг., совершенно исчезают в последующие два года, на которые приходится наибольшее количество его статей в «Туркестанских епархиальных ведомостях» с многочисленными ссылками на Федорова (в 1910 г., когда редактором неофициальной части газеты стал священник В. Антонов, статьи Петерсона, содержавшие прямую апологию федоровских идей, печатаются даже на заглавной странице ведомостей). Более того, когда в № 5 за 1909 г. появилась статья «Новая школа», представлявшая собой «Доношение» «преосв. Димитрию, епископу Туркестанскому и Ташкентскому» от Н. П. Петерсона, «устроителя церковно-приходской школы грамоты при строящемся храме Введения во храм Пресвятой Богородицы, что на клеверных полях г. Верного», редакция предварила ее не только не полемическими, а напротив, сочувственными и добрыми словами: «Н. П. Петерсон — ближайший ученик покойного нашего философа Н. Ф. Федорова, задался высокой целью создания *новой христианской школы* по мыслям своего великого учителя. От души желаем высокочтимуому Николаю Павловичу успехов в его святом деле <...>», после чего шел текст самого Петерсона, из которого следовало, что и сама шко-

да, замышлявшаяся как школа «не только грамоты», но «молитвы и труда», была создана по благословию и при непосредственном попечении преосв. Димитрия. Сам преосвященный назначил и законоучителя новой школы, иеромонаха Виталия, который — как свидетельствует Петерсон в своих письмах Кожевникову (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 61–62 об.; см. также письмо о. Виталия Петерсону — Там же. Л. 63–66) — глубоко проникся идеями Федорова. Как видим, Владыке оказались близки и идеи Федорова в области народного образования, его проект школы-храма, неразрывно соединяющей обучение с христианским воспитанием, а познание — с исследованием.

Приведем, наконец, еще одно свидетельство внимания преосв. Димитрия к мыслям философа всеобщего дела, относящееся уже к 1912 г. Обсуждая в переписке с В. А. Кожевниковым возможность обратиться с идеями Федорова к Собору Русской православной церкви, коль скоро он будет созван, Петерсон сообщает следующее: «Обратиться к Собору считаю необходимым, если Собор будет представлять из себя что-либо серьезное, если же он будет вроде нашей Думы, то обращаться к нему, конечно, не стоит. <...> Вчера вечером прочитал преосвященному Димитрию статью о Выставке 1889 года и произвел на него большое впечатление. 16 мая он приглашает меня ехать с ним к нему на дачу в 10-ти верстах от Верного, и я обещал ему прочитать там статью “Проект соединения церквей” и из статьи *Собор* о парламенте религий. Преосвященный Димитрий прошлое лето заседал в Синоде и будет, конечно, членом Собора» (Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову. 12 мая 1912 // НИОР РГБ. Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 28. Л. 48, 49 об.).

¹ На обложке I тома «Философии общего дела» стоял 1906 г., однако реально книга вышла в свет в начале 1907 г.

² Статья военного инженера В. Я. Симонова «Военные мысли о штатском деле», автор которой поддерживал идею «использования армии в мирных целях», была напечатана в газете «Новое время» 17 (19) марта 1899 г. Подробнее об этой статье, как и о статье Н. Ф. Федорова «Разрушение» см.: *Федоров*. Т. II. С. 477–478.

С. Н. Булгаков

Загадочный мыслитель
(Н. Ф. Федоров)

Впервые: Московский еженедельник. 5 декабря 1908. № 48. Позднее статья вошла в сборник С. Н. Булгакова «Два града. Исследования о природе общественных идеалов» (М., 1911. С. 260–277). Печатается по: *Булгаков С. Н.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 286–301.

Статья представляет собой рецензию на I том «Философии общего дела» (Верный, 1906) и книгу В. А. Кожевникова о Федорове, вышедшую в свет отдельным изданием в 1908 г.

Интерес к идеям Федорова у С. Н. Булгакова пробудил В. А. Кожевников, с которым философ познакомился в 1907 г. Как вспоминал он позднее, их сближение «скоро перешло в ровную, спокойную, уверенную

дружбу», которая со стороны Булгакова «имела характер <...> почтения младшего к старшему», а со стороны Кожевникова — заботливого внимания «умудренного жизнью, спокойного и трезвого советника к зарывающемуся и нервничающему младшему собрату» (*Булгаков С. Н. Памяти В. А. Кожевникова // Христианская мысль. 1917. № 11–12. С. 77*). «Поистине счастливым и незаслуженно, неблагодарно счастливым, — писал Булгаков, — почитаю себя, что встретил на жизненном пути своим и эту дружбу, и эту любовь! Но он был таков не только к друзьям: делиться своим умственным богатством, отдавать из них каждому нуждающемуся было для него стихией, и при этом самому оставаться в тени неведомым. Это был поистине достойный друг Н. Ф. Федорова, который заповедовал это дружеское братотворение, это бескорыстное отдание своего духовного богатства» (Там же).

На протяжении почти десяти лет, с 1907 по 1917 г., Булгаков регулярно общается с Кожевниковым, и федоровская тема в их разговорах является одной из центральных. «Он так приучил нас к этой своей любовной, внимательной заботе (о наследии Федорова. — А. Г.), что порой переставали мы и замечать ее, как воздух, как семейную атмосферу» (Там же).

В своих письмах Петерсону Кожевников периодически упоминает о встречах и беседах с Булгаковым (см. II книгу Антологии). В одну из таких встреч Булгаков прямо сообщает своему старшему другу, что его «диссертация <...> “Философия хозяйства” <...> навеяна некоторыми мыслями Н. Ф-ча» (В. А. Кожевников — Н. П. Петерсону. 21 марта 1912 // НИОР РГБ. Ф. 657. К. 6. Ед. хр. 43. Л. 24 об.). Действительно, предпринятый Булгаковым опыт *оправдания хозяйства* — как мироустроительной, миропреображающей деятельности человека, осуществляющей библейскую заповедь об обладании землей, находил прямые параллели у Федорова. Булгаков прямо развивал формулу, не раз выражавшуюся философом всеобщего дела: «*Творить мы не можем, а воссоздавать сотворенное* не нами, но разрушенное нами или разрушившееся по нашему неведению или по нашей вине — *мы должны*» (Федоров. II, 77). Человек — труженик на ниве Творца, ведущий этот мир к совершенному, «“райскому” состоянию», борец против хаоса, энтропии, средоточием которой является смерть. «Содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого и натиск на омертвелое. Можно допустить в пределе, что все имеет ожить в результате хозяйственного труда и жизнь будет восстановлена во всей своей мощи, однако и это может быть допущено не в том смысле, чтобы она была создана человеком, но только им воссоздана. Как учил Н. Ф. Федоров, этот мир хотя и не есть еще лучший из возможных миров, но он может и должен стать таковым, ибо он потенциально наилучший» (*Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 162*).

В конце 1900-х — начале 1910-х гг. отношение С. Н. Булгакова к идеям Федорова глубоко и серьезно. Он ссылается на его идеи, вплетает их в свои построения не в одной лишь «Философии хозяйства». В статье «Размышления о национальности» (1910) Булгаков пишет о нации как «живом духовном организме», соединяющем людей не только синхронно, но и диахронно, определяет отечество как «собрание отцов и матерей, поро-

дивших и непрерывно порождающих сыновство», и «величайшую заслугу Федорова» видит в «указании огромного философского значения идеи отцовства и сыновства» (Булгаков С. Н. Соч. Т. 2. С. 437). А в работе «Апокалиптика и социализм» (1910), говоря о возможности истолкования идеи Царства Божия на земле в духе церковного учения, он причисляет к таковым толкователям вместе с Достоевским и ранним Соловьевым еще и Федорова. Чаяние «Царства Божия на земле» оправдывает историю, человечество получает шанс движения *навстречу* Христу, а не от Христа, как в пессимистически-эсхатологическом сценарии того же Леонтьева. Даже в обструганном, секулярном социалистическом хилиазме проблескивают черты высшей правды, какого-то важного и еще не до конца понятого людьми откровения. И критикуя позднего Соловьева, который в письме в редакцию «Вестника Европы» «По поводу последних событий» решительно отверг всякую возможность поступательного совершенствования человечества, заявив, что «всемирная история внутренне кончилась», Булгаков вопрошал: «Не содержится ли в этой поскосторонней, земной социалистической эсхатологии и каких-либо новых религиозных возможностей, которых уже не видел тогда Соловьев, раньше столь близкий и доступный эсхатологическим идеям московского философа Н. Ф. Федорова? Последнее слово здесь еще не сказано...» (Там же. С. 427).

¹ См. примеч. 1 к подборке «Чтения в покоях Преосвященнейшего Димитрия...».

² Кожевников, 85.

³ Цитата из работы Н. Ф. Федорова «О значении обиденных церквей» (*Философия общего дела*. I, 687). С. Н. Булгаков приводит ее по книге В. А. Кожевникова (С. 137).

⁴ Цитата из первой части работы Федорова «Вопрос о братстве...» (*Философия общего дела*. I, 19–20). В книге Кожевникова см. ее на с. 153.

⁵ Цитата из работы Федорова «Проект соединения церквей» (*Философия общего дела*. I, 486–487). У Кожевникова см. на с. 277–278.

⁶ Парадоксально, но именно такое истолкование (разумеется, со знаком минус) даст учению Федорова сам Булгаков спустя десять лет в работе «Свет невечерний». См. в наст. Антологии примеч. 9 к фрагменту этой работы.

⁷ С. Н. Булгаков имеет в виду главку работы Н. Ф. Федорова «Супраморализм» (1902), носящую развернутое название: «Супраморализм, или объединение для воскрешения путем знания и дела, средствами естественными, реальными, а не мистическими, в противоположность мистицизму вообще и мистицизму Достоевского и Соловьева — в особенности». О причинах и характере этой поздней трактовки Федоровым письма Достоевского см. в статье А. Г. Гачевой «Новые материалы к истории знакомства Достоевского с идеями Федорова», помещенной в наст. Антологии.

⁸ С. Н. Булгаков приводит выдержки из работы Н. Ф. Федорова «Проект соединения церквей», одну из частей которой составил разбор реферата В. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового миросозерцания», прочитанного 19 октября 1891 г. на заседании Московского психологического общества. О контактах Федорова и Соловьева во время работы по-

следнего над рефератом и о воздействии идей Федорова на этот текст см. в наст. Антологии статью А. Г. Гачевой «В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений».

⁹ С. Н. Булгаков цитирует упомянутую в примеч. 7 главку из «Супраморализма». Свидетельство Федорова о том, что Соловьев предполагал осуществление долга воскрешения через 25 тысяч лет, содержится и в черновых заметках философа, и в письме к В. А. Кожевникову, датированном концом марта — началом апреля 1902 г. (*Федоров*. IV, 54, 462).

¹⁰ Буквально: «бог из машины» (*лат.*). Неожиданная развязка, которая не вытекает из хода событий, является извне. Исторически восходит к древнегреческой трагедии, где конфликт часто разрешался появлением бога при помощи специального театрального механизма.

¹¹ Цитата из работы В. С. Соловьева «Общий смысл искусства» (1890).

¹² Речь идет о статьях В. С. Соловьева «Народная беда и общественная помощь» (1891), «Идея сверхчеловека» (1899), «Лермонтов» (1899). О влиянии Федорова на религиозно-философские построения Соловьева С. Н. Булгаков будет говорить еще не раз: и в статье «Природа в философии Соловьева» (1910), и в работе «Апокалиптика и социализм», и в «Философии хозяйства» (*Булгаков С. Н. Соч.* Т. 1. С. 40, 277; Т. 2. С. 432).

¹³ Ни В. А. Кожевников, ни С. Н. Булгаков здесь неточны. См. указ. статью о Соловьеве и Федорове в наст. Антологии.

¹⁴ *Философия общего дела*. I, 335.

¹⁵ Там же. С. 284.

¹⁶ Последние слова Гамлета в финале трагедии Шекспира.

С. Н. Булгаков

Свет не вечерний

Из главы «Хозяйство и теургия»

Впервые: *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М., 1917. С. 360–368. Печатается по: *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 309–317.

Разбор оценки, данной Федорову Булгаковым в работе «Свет не вечерний», представлен во вступительной статье к Антологии. Здесь же следует сказать несколько слов о том, под влиянием каких факторов она складывалась.

Во многом на формирование этой оценки повлияли, как это ни странно, беседы Булгакова с Кожевниковым. И если в 1900-е гг. они шли большей частью под знаком «плюс» — Владимир Александрович искренне стремился привлечь молодого философа к идеям своего старого друга и учителя, то в 1910-е гг. он, под влиянием негативно настроенных к Федорову членов Кружка ищущих христианского просвещения (М. А. Новоселова, Ф. Д. Самарина) несколько дистанцируется от учения всеобщего дела, его беспокоят сомнения в согласимости активного христианства Федорова с ортодоксальным, церковным христианством. Он начинает высказывать опасения, что учение Федорова может быть истолковано рационалистически и материалистически и тем в корне извращено. Вероятность подобного истолкования подкреплялась для него еще и тем, что в

1913 г. И. П. Брихничевым и А. К. Горским был издан первый выпуск сборника «Вселенское Дело», посвященного памяти Федорова, в котором значительное место занимали материалы, касающиеся П. А. Бахметьева и его опытов по анабиозу. К такому реально-практическому склонению, огрубляющему, на его взгляд, идеи Федорова, Кожевников отнесся весьма отрицательно, писал об этом Петерсону и не раз высказывал свое отношение в беседе с тем же Булгаковым. (Заметим в скобках: убеждение Кожевникова, что Брихничев и Горский секуляризуют учение всеобщего дела, действительности не соответствовало, хотя первый выпуск «Вселенского Дела», безусловно, был весьма далек от совершенства и страдал эклектичностью.)

В 1913 г., излагая в письмах Флоренскому и Петерсону свои опасения насчет истолкования Федорова «в натуралистически-материалистическом смысле», Кожевников оба раза ссылается и на мнение Булгакова, совпадающее, как он уверяет, с его собственным. «Сергей Ник., — пишет он Флоренскому, — также вполне допускает в будущем “использование” учения Н. Ф-ча неверующими в вышеуказанном смысле» (Вопросы философии. 1991. № 6. С. 115). А в письме Петерсону от 20 августа 1913 г. так передает мысль Булгакова, полностью совпадающую и с его собственной мыслью: неверующие могут использовать «в учении то, что им на руку, т. е. естественные средства устройства рая материального на земле, и отбросят то, что им чуждо: его священный нравственный долг и общий благоговейный, как раз *антиматериалистический* смысл. Это будет, конечно, грубое искажение учения, но возможное и даже, к несчастью, вероятное» (В. А. Кожевников — Н. П. Петерсону. 20 августа 1913 // НИОР РГБ. Ф. 657. К. 6. Ед. хр. 43. Л. 45 об.-46). Думается, Булгаков пришел к той же самой мысли, что и Кожевников, не без прямого влияния последнего — авторитет Кожевникова как знатока и интерпретатора Федорова в религиозно-философских кругах был велик, ему доверяли, и мог ли Булгаков усомниться в верности суждений того, кто знал Федорова почти тридцать лет?

Так что не случайно свой очерк о Федорове в «Свете невечернем» Булгаков начинает с критики именно того самого секуляризованного, материалистического истолкования учения о воскрешении, о котором не раз говорил ему Кожевников и которого не раз отворачивался он сам. Более того, даже перейдя затем к религиозной интерпретации федоровских идей, он то и дело обращается к первой, грубой трактовке, и она своеобразно вторгается в христианскую логику мысли Булгакова. Отсюда *странные* для Булгакова обвинения Федорова в том, что он якобы понимает под бессмертием только «неопределенную продолжительность жизни» и не ищет победы «над смертностью как общим ее качеством», — обвинения опять же не столько в адрес религиозной системы философа, сколько в адрес возможного редуцированного и оскопленного понимания его идей.

Характерно, что если на первом этапе восприятие Булгаковым Федорова было более открытым, почти без идейной дистанции, то в «Свете невечернем» он эту дистанцию не только строго соблюдает, но и демонстративно подчеркивает. Определенное влияние на позицию Булгакова оказала здесь, как ни странно, серия статей С. А. Голованенко в «Богословском вестнике» 1914–1915 гг., посвященных учению Федорова. В одном из пи-

сем Петерсону (от 2 апреля 1915 г.), сообщая о выходе в свет очередной статьи Голованенко и указывая на явные передержки и подтасовки в аргументации автора, Кожевников с горечью замечает, что Булгаков «восхищался» этой статьей (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 6. Ед. хр. 43. Л. 60). И действительно, определенный *голованенковский* налет в системе рассуждений философа весьма ощутим. А о том, что собой представлял критический подход Голованенко, Кожевников исцельвающе высказался в том же самом письме: «...подлог Г-ки состоит в том, что он из молчания Н. Ф-ча кое о чем или из недостаточного раскрытия неких богословских “тайн”, или из уклонения вдаваться в расследование их выводит заключение об отрицании этого всего Н. Ф-чем или о принижении значения оногo. Сделавши такое ложное и научно неоправдываемое предположение, он, при его помощи, остающееся у Н. Ф-ча легко может исказить в то, во что и исказил, и т<аким> о<бразом>, оперируя, хотя и логично, но над фиктивным составом учения, может последовательно привести к тем скверным выводам, до коих он довел предполагаемое, а не действительное учение Н. Ф-ча»; «1) игнорировать то, что сказано положительного по известному пункту, 2) вывести из этого (на самом деле не существующего) отсутствия заключение об отрицании положительного тезиса и 3) наконец, предполагаемому — выдуманному — отрицанию противопоставить якобы свое положительное утверждение, которое, однако, оказывается как раз убеждением критикуемого — это уже венец диалектической, вернее же софистической техники!» (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 6. Ед. хр. 43. Л. 60, 68 об.). Увы, подобная не очень достойная техника ощутима и в разборе Булгаковым системы Федорова в книге «Свет невечерний», достаточно вспомнить прямо восходящий к Голованенко тезис о том, что Федоров якобы «все время думает о воскрешении Лазаря, а не о воскресении Христа, об оживлении трупа, первоначально разложившегося, но вновь воссозданного средствами науки, а не о воскресении тела духовного, прославленного и преображенного».

Впрочем, главная претензия Булгакова к Федорову в 1910-е гг. рождалась из неразрешимости для самого критика вопроса о том, где границы активности человека в истории, может ли и в какой степени может быть человек участником дела преображения твари. В «Свете невечернем», фактически обозначившем момент *сомнений* Булгакова в *самой идее богочеловечества*, этот вопрос стоял именно как вопрос, отсюда внутренний антиномизм всей книги философа. Лишь спустя десятилетие, уже в эмигрантский период, в трилогии «О Богочеловечестве» и в созвучных ей статьях в журналах «Путь» и «Новый Град» Булгаков приходит к твердому *положительному* решению вопроса, соответственно меняется и его отношение к Федорову, возвращаясь — но уже на новом витке — к тому первоначальному, вдумчивому и приемлющему отношению, которое сложилось у философа при первом знакомстве с системой федоровских идей.

Важно и то, что, несмотря на критику, многие взгляды Федорова (и не только этические, эстетические, социальные, но и в ряде аспектов религиозные) и в 1914–1917 гг. оставались Булгакову так же близки, как и в 1908–1911 гг. В статье «Памяти Владимира Александровича Кожевникова» он пишет о Федорове как об «одном из самых вдохновенных и глубоких созерцателей и истолкователей церковного обряда в наши дни», с

симпатией говорит о «православной вере» Кожевникова, «в которой старорусские, федоровские мотивы братотворения были особенно подчеркнуты» (Христианская мысль. 1917. № 11–12. С. 75, 78). А в брошюре «Христианство и социализм» (М., 1917) «ограниченности социалистических мечтаний» о будущем «земном рае» противопоставляет целостно-религиозный проект Федорова («В исполнении <...> долга воскрешения Н. Ф. Федоров видит высшую задачу человечества, с разрешением которой оно станет воистину достойно считаться сынами Божиими, исполнителями Божьего дела»), причем критикует с позиций его учения «поразительное равнодушие потомков к своим умершим предкам», на костях которых и воздвигнется чаемый хрустальный дворец. Правда, и здесь он, как и в «Свете невечернем», задается вопросом, правомерно ли давать в удел человеку то, что является прерогативой Божества, и «возможно ли научно-механическими средствами возратить в тело душу, которая пребывает в неведомом для нас загробном состоянии в руке Божией?» (Булгаков С. Н. Христианский социализм. М., 1991. С. 216, 217).

¹ Экономический человек (*англ.*) — термин классической политэкономии.

² Очерк Булгакова «Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве» был напечатан в книге «История экономической мысли» (Т. 1. Вып. 3. М., 1916. С. 1–52).

³ Предыстория (*нем.*). В предисловии к работе «К критике политической экономии» К. Маркс писал: «...буржуазной формацией завершается предыстория человеческого общества» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 8).

⁴ Доведение до абсурда (*лат.*).

⁵ Сведения об этом Булгаков получил от Кожевникова, который не раз повторял, и эпистолярно, и в личных беседах с московскими философами, что Федоров «словесно и в письмах <...> многократно высказывал, что “ничего так не боится, как того, что “передовые” и неверующие “пожалуют” его в атеисты, от каковой чести он наотрез отказывается»» (Кожевников — Флоренскому. [1913]. Вопросы философии. 1991. № 6. С. 114).

⁶ Переход в другое состояние (*греч.*).

⁷ Речь идет о пометах Н. Ф. Федорова на письме к нему В. С. Соловьева от июня–июля 1882 г.

⁸ Ин. 11: 11.

⁹ С. Н. Булгаков сближает федоровское учение о воскрешении с теорией «ортобиоза» (гармоничной человеческой жизни, основанной на рациональном поведении, правильном питании, оздоровлении организма), изложенной в книге И. И. Мечникова «Этюды о природе человека» (1903). Мечников призывал к научному изучению старости и смерти, к созданию геронтологии и танатологии с целью максимального увеличения продолжительности жизни. По убеждению ученого, при достижении идеала ортобиоза и продления полноценной, насыщенной человеческой жизни до 100–120 лет будет устранена одна из основных дисгармоний нашей природы, заключающаяся в страхе смерти: у стариков возникнет инстинкт естественной смерти, и они станут уходить из жизни без ужаса и страдания, считая смерть как бы «конечной целью человеческого существова-

ния» (см.: Мечников И. Этюды о природе человека // Мечников И. Собр. соч. Т. II. М., 1956. С. 218–222, 230). Сам Федоров критиковал эти воззрения Мечникова (см.: Федоров. III, 359).

¹⁰ Мф. 24: 30.

¹¹ С. Н. Булгаков сравнивает с идеями Федорова теургический проект Александра Николаевича Скрябина (1871/72–1915) — проект создания «Вселенской мистерии», грандиозного художественного действия, призванного, по убеждению композитора, приблизить финал мирового процесса, явить чудо мгновенного изменения бытия и человека, рассотворения, дематериализации мира. Однако, как показал еще А. К. Горский, замысел Скрябина, во многом основанный на «катастрофическом», надрывно-эсхатологическом жизнечувствии, укоренный не столько в христианскую, сколько в восточную, оккультно-магическую и буддийскую традиции, лишь отчасти может быть сопоставлен с активно-христианским, воскресительным проектом Федорова (см. статьи А. К. Горского в журнале «Южный музыкальный вестник»: «Этапы духосознания (Творчество Скрябина)» — 1915. № 4; «Окончательное действие (На смерть А. Н. Скрябина)» — 1916. № 7–8), а также главу «Организация мировоздействия» в работе Федоров и современность).

С. Н. Булгаков

Душа социализма

Впервые: Новый град. 1931. № 1; 1932. № 2; 1933. № 7. Печатается фрагмент работы, связанный с оценкой Федорова.

Оценка, данная Булгаковым Федорову в статье «Душа социализма» (см. ее анализ во вступит. статье к Антологии) и в помещенном далее фрагменте статьи «Святой Грааль», отражает то восприятие учения всеобщего дела, которое сложилось у Булгакова в эмиграции, во второй половине 1920-х гг. Статья обнаруживает знакомство философа с изданиями по Федорову, выпускавшимися Н. А. Сетницким в Харбине (см. вступит. статью).

Другие статьи и высказывания Булгакова о Федорове периода эмиграции см. во II книге Антологии.

¹ Неоднородностью (лат.).

² См. примеч. 3 к «Свету не вечернему».

³ История (нем.).

⁴ Термин, введенный А. К. Горским и Н. А. Сетницким в работе «Смертбожничество» (Харбин, 1926). Под смертбожничеством они понимали утверждение неизбежности, непреодолимости смерти для человека и человечества, т. е. фактическое обоготворение смерти.

⁵ О Н. П. Петерсоне см. примеч. к его воспоминаниям. Под молодыми федоровцами С. Н. Булгаков разумеет А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, В. Н. Муравьева.

⁶ Слова из письма В. С. Соловьева к Н. Ф. Федорову от 12 января 1882 г.

С. Н. Булгаков

Святой Грааль

(Опыт догматической экзегезы Ин. XIX: 34)

Впервые: Путь. 1932. № 32. С. 3–42 (под статьей стоит дата: IX–X. 1930). Републиковано: *Булгаков С. Н.* Первообраз и образ. Соч.: В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 324–343. Печатаются фрагменты статьи.

Работа «Святой Грааль» является одной из определяющих вех движения Булгакова к утверждению идеи «истории как работы спасения», сформулированной в активно-христианской мысли Федорова. Если в работе «Апокалиптика и социализм» (1910), рассуждая о двух противоположных пониманиях истории, «оптимистически-хилиастическом и пессимистически-эсхатологическом», вырастающих изнутри христианства и вместе с тем столь несогласимых между собой, он останавливался на компромиссном признании антиномичности истории и не склонялся ни к одному из указанных вариантов (хотя определенно испытывал большую симпатию к первому), то в статье «Святой Грааль» пророчество о тысячетлетнем царстве мыслится опорой и утверждением упования на благое, спасительное разрешение исторического процесса. Благой исход истории оправдан, по Булгакову, самим фактом Вочеловечения и Воскресения Спасителя, в котором таинственно изменилась сама *человечность*, получив залогом возрасти до *богочеловечности*.

История становится делом преображения, путем *навстречу Христу, полем* соработничества Бога и человека, что позволяет Булгакову оправдать с христианской точки зрения и федоровскую идею «регуляции природы», которую ранее, в «Свете невечернем», он объявлял магизмом и прометеизмом.

¹ Ин. 19: 34.

² По христианскому преданию, легшему в основу западноевропейского цикла легенд о Св. Граале, Иосиф Аримафейский собрал Кровь Спасителя в чашу, которая ранее служила Иисусу и ученикам его во время Тайной Вечери. Согласно легенде, чаша Грааля обладает таинственной целительной силой, но приблизиться к ней может только достойный, непорочный телом и чистый духом человек. Подробнее см.: *Аверинцев С. С.* Грааль // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 317–318; здесь же дана и необходимая библиография.

³ *Киворий* — купол, устрояемый в алтаре храма над престолом, символизирующим место распятия Христа. Однако киворием называли и дарохранительницу, сосуд, в котором хранились Св. Дары, употребившиеся для причащения больных или для литургии Преждеосвященных даров.

⁴ в реальности (*лат.*).

⁵ Откр. 20: 4–6.

⁶ Лекарство для бессмертия (*греч.*). Образное определение Евхаристии. *Афанасий Великий* (293–373) — отец и учитель Церкви.

⁷ Слова из «Акафиста Иисусу Сладчайшему».

Н. А. Бердяев

Религия воскрешения

(«Философия общего дела» Н. Ф. Федорова)

Впервые: Русская мысль. 1915. № 7. С. 75–120. Печатается по: *Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Paris, 1989. С. 242–300.*

Интерес Н. А. Бердяева к идеям Федорова возник в конце 1900-х гг. и был устойчивым на протяжении всего его творчества. Упоминания о философе всеобщего дела содержатся в большинстве его религиозно-философских статей и книг 1910–1940-х гг. — от «Смысла творчества» (М., 1916), «Философии неравенства» (Берлин, 1923), «О назначении человека» (Париж, 1931) до «Опыта эсхатологической метафизики» (Париж, 1947) и «Экзистенциальной диалектики божественного и человеческого» (Париж, 1952). В работе «Самопознание» (Париж, 1949), вспоминая о «русском культурном ренессансе» начала XX в., о религиозных исканиях интеллигенции, Бердяев писал: «В это время был открыт Н. Федоров, которого раньше совсем не знали. Это я считаю очень ценным. Н. Федоров во многом мне очень близок» (*Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 152*).

В 1910-х гг. Бердяев неоднократно беседует о Федорове с Кожевниковым. В письме от 16 июля 1911 г. последний сообщал Петерсону о том, что «Бердяев хочет писать книгу о Н. Ф-че»: «Он долго <...> со мною говорил об этом и я, как сумел, старался разъяснить ему те стороны учения Н. Ф-ча, которые он понимает превратно или не понимает. Он обещал советоваться относительно этого труда со мною. Приступит к работе хотел не раньше осени» (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 6. Ед. хр. 43. Л. 7–7 об.). Задуманная Бердяевым монография предназначалась для религиозно-философского книгоиздательства «Путь» и должна была появиться в серии «Русские мыслители». Однако инициатива Бердяева встретила сопротивление, отчасти ревнивое, со стороны Булгакова. 11 января 1912 г., сообщая В. Ф. Эрну об отъезде Бердяева в Италию, он пишет следующее: «Создалось очень трудное положение относительно Николая Александровича. <...> Уже не говоря о том, что он решил писать монографию о Федорове, захватив с собой в качестве орудия производства лишь первый том «Философии общего дела», причем, когда я написал ему, что по отзыву Кожевникова, до выхода второго тома, время которого совершенно неизвестно, монографии писать нельзя, он написал мне полное упреков, даже угроз, до крайности огорчившее меня письмо» (Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 433).

Взамен монографии Булгаков предложил Бердяеву «написать статью о Федорове для сборника по русской философии» (Там же). Однако проект этого сборника, в который должны были войти статьи о И. В. Киреевском, П. Я. Чаадаеве и др., так и не осуществился: основным его автором должен был стать Бердяев, но последовавший в считанные месяцы разрыв философа с «Путем» положил конец этому замыслу (см. письмо С. Н. Булгакова В. Ф. Эрну от 19 марта (1 апреля) 1912 // Там же. С. 451).

Однако саму статью о Федорове Бердяев все же написал, но опубликовал ее уже не в Москве, а в Петербурге, в журнале «Русская мысль», возглавлявшемся П. Б. Струве.

В 1944 г. статья «Религия воскресения» была несколько подредактирована Бердяевым для задуманного им сборника, посвященного русской и западной религиозной мысли, который должен был выйти на французском языке. Издание не состоялось, но в 1989 г. статья в составе других статей о русских мыслителях была републикована в третьем томе «Собрания сочинений» Бердяева, вышедшем в издательстве «Ymka-press». В этом издании добавления, внесенные Бердяевым в текст статьи в 1944 г., обозначены круглыми скобками, а текст оригинала, выпущенный в 1944 г., заключен в квадратные скобки. В целях избежания путаницы с принятой в данной Антологии системой вставок, мы заключаем добавления, внесенные Бердяевым в 1944 г., в косые скобки, а выпущенный текст — в фигурные.

¹ Высказывание о том, что I том «Философии общего дела» собран «из отдельных отрывков», не соответствует действительности. Напротив, именно первый том включил главные, наиболее объемные сочинения мыслителя — «Вопрос о братстве, или родстве», «Самодержавие», «Собор», «Супраморализм», «Выставка 1889 года», «О значении обыденных церквей...», а также статьи «Проект соединения церквей», «Разоружение», «Роспись наружных стен храма...» и др. Более мелкие статьи и заметки, часто действительно черновые, были помещены во II том, но и в этом томе печатался целый ряд законченных, отработанных Федоровым статей: «Горизонтальное положение и вертикальное...», «Задача конференции мира...», «“Неделание” ли или же отеческое и братское дело?», «Музей, его смысл и назначение» и др. Бердяев в данном случае высказывает мнение, распространенное, увы, до сих пор, что Федоров ничего сам не писал или писал очень отрывочно, а все писали или компоновали по его мыслям Кожевников и Петерсон.

² Книга Н. П. Петерсона вышла в г. Верном в 1912 г., первый выпуск сборника «Вселенское Дело» — в Одессе в 1914 г.

³ В оригинале письма Достоевского — «сбудется», однако в его публикации в книге Кожевникова, действительно, «будет».

⁴ Версия о том, что матерью Федорова была «бедная, далеко неравная ему женщина» и что в раннем возрасте он вместе с братом и двумя сестрами был удален из усадьбы отца дедом И. А. Гагариным, изложена Кожевниковым в его книге о Федорове (Кожевников, 56), перейдя отсюда и в статьи других авторов. В настоящее время гипотеза опровергнута на основе новых материалов; см.: Борисов В. С. Кто же мать Н. Ф. Федорова? // Общее дело. Сборник докладов, представленных на I Всесоюзные Федоровские чтения. С. 233–234; Семенова С. Г. Николай Федоров. Творчество жизни. М., 1990. С. 22–23; Ее же. Философ будущего века: Николай Федоров. М., 2004. С. 13–15.

⁵ Федоровское истолкование самодержавия в «первоначальном его смысле» как инстанции, призванной противостоять всемогущим, стихийным силам природы перекликается с теорией происхождения единоличной власти, развитой Д. Фрезером в известной его книге «Золотая ветвь».

Главной функцией племенного вождя был как раз магический контроль над окружающим миром, несущим беду и смерть (вызывание дождя, изгнание болезни и т. д.). У Федорова идеализированный самодержец призван как бы вернуться — но уже на положительной, реальной стадии — к своему исконно-генетическому, натурально-онтологическому занятию. Не зря мыслитель высоко оценивал магический период в развитии человеческого сознания, призывая превратить его в будущем из воображаемой власти над природой в действительную, основанную на познании и опыте. Для Федорова вполне действителен фрезеровский трехчлен: магия — религия — наука, где наука — прагматическое перевоплощение магии, с той, однако, поправкой, что средний ее член — религия, точнее, христианство — не отбрасывается, а дает тот высший идеал, который и должен направлять пути научного поиска.

⁶ И в публикации в «Русской мысли», и в издании 1989 г. выражение Федорова передано неточно — как «в отцове месте».

⁷ *Философия общего дела*. I, 59.

⁸ «Итак Христос Сам озаглавил Свое учение — новое, от Отца-Бога, — учением о царстве Божиим», — писал В. Хлудов в указанной статье, — и стяжается это Царство *Силою Духа Святого*, что заповедано Христом всякому человеку: «Христос указывает, что нужно смело, не боясь физических и нравственных трудностей, брать то, что дает Отец, *ту силу*, ведущую к Царству *здесь, на земле*. Пусть будет Царство это такое же на земле, как и на небе» (Вселенское Дело. Вып. 1. Одесса, 1914. С. 5, 10–11; 2-я пагинация).

⁹ *Философия общего дела*. I, 282.

¹⁰ Там же. Т. II. С. 247.

¹¹ Там же. Т. I. С. 284.

Н. А. Бердяев

Пророчества Н. Ф. Федорова о войне

Впервые: Биржевые ведомости. 1915. № 15027. 15 августа.

Статья построена на материале следующих статей и заметок Федорова 1898–1899 гг., вошедших во II том «Философии общего дела»: «Черный Пророк и Черный Царь (Философ милитаризма и враг мира)», «Священно-научный милитаризм», «Союз двух Британий (К вопросу об умиротворении)», «Задача конференции мира», а также других статей раздела «Статьи о регуляции природы и об умиротворении».

Н. А. Бердяев не был первым, кто указал на пророческий характер высказываний Федорова, сделанных в 1898–1899 гг., в преддверии Гаагской мирной конференции, об опасности европейскому миру со стороны Германии, о воинственном характере германского милитаризма, о будущей расстановке сил на мировой арене и месте на ней России. Еще в 1914 г. в № 12 журнала «Русская мысль» в рубрике «Материалы по истории русской литературы и культуры» была опубликована небольшая статья А. Моцанского «Мысли и предсказания Н. Ф. Федорова», в которой сказано многое из того, что спустя восемь месяцев прозвучит у Бердяева. Автор подчеркивал, что предвидения Федорова о Первой мировой войне

«сбылись с удивительной точностью», отмечал пронизательность его оценки личности немецкого императора Вильгельма II, «почти пророческое предугадание его роковой, трагической роли в мировой истории», приводя при этом те цитаты, которые затем также появятся у Бердяева. Федоров, утверждает Моцанский, предвидел те зверства, в которые превратили германские войска «и без того жестокое дело войны», он критиковал Ф. Ницше как выразителя гордынного, безжалостного мирозозерцания и был убежден в существовании самой непосредственной связи между культом сверхчеловека «Черного Философа» и милитаристскими притязаниями «Черного Царя». Говорил философ и о необходимости союза России с Францией, Великобританией и Америкой в целях противодействия экспансии германского милитаризма и предотвращения возможной войны (Указ. соч. С. 140–145), что и осуществилось, подчеркивает Моцанский, в 1904–1907 гг. созданием союза Великобритании, России и Франции (так называемой Антанты), противопоставившего себя Тройственному союзу (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и затем в годы Первой мировой войны явившегося основным противником Германии.

¹ Речь идет о письме Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. С Н. Ф. Федоровым Достоевский в переписке не состоял.

² Бердяев здесь неточен. В период своего зрелого творчества — 1860–1870-е гг. — Достоевский отнюдь не был германофилом. Напротив, одним из первых в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. указал на милитаристские тенденции объединенной Германии, на ее стремление к мировому господству и скрытую враждебность к России.

³ В октябре–ноябре 1898 г. германский император Вильгельм II (1859–1941) совершил путешествие по Ближнему Востоку, во время которого неоднократно делал дружеские заявления в адрес турецкого султана. 9 ноября он произнес речь в Дамаске, уверяя «султана и 300 000 000 мусульман, что германский император на все времена останется их другом» (Новое время. 1898. № 8144. 29 октября (10 ноября)). Последовательная протурецкая политика Вильгельма II вызывала активное недовольство России. В октябре 1914 г. Турция вступила в войну на стороне германского блока и активно воевала против России.

⁴ См. примеч. 16 к статье Г. П. Георгиевского «Из воспоминаний о Николае Федоровиче».

⁵ *Двумя Британиями* Федоров называет Великобританию и Северо-Американские соединенные штаты.

⁶ Мысль о возможности сближения и сотрудничества России и Англии на Памире родилась у Федорова после заключения 27 февраля (3 марта) 1895 г. российско-британского соглашения о разграничении сфер влияния этих двух стран в районе Памира (на восток от озера Зор-Куль и до китайской границы).

⁷ Речь идет о проектах фресковых композиций, выполненных немецким художником-монументалистом Петером фон *Корнелиусом* (1783–1867) для галереи (так называемого *Campo Santo*) при усыпальнице членов королевской семьи в Берлине. Большое место среди них занимали фрески на темы Апокалипсиса, в том числе знаменитая композиция «Апокалиптические всадники».

⁸ Речь идет об испано-американской войне 1898 г., в ходе которой Северо-Американские соединенные штаты заняли Филиппины.

⁹ *Тураном* в священной книге зороастризма «Авесте» называлась обширная часть евразийского материка, занятая в основном пустынями и степями и населенная кочевыми тюркскими племенами.

Н. А. Бердяев

Русская идея

Впервые: *Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1946. С. 209–213.*

¹ В книге «Русская идея» Н. А. Бердяев рассматривает лишь эсхатологию позднего Соловьева («Три разговора...») и на этом основании сближает его с К. Н. Леонтьевым и соответственно разводит с Федоровым, между тем как то представление о конечных судьбах мира, которое было дано и в «Кризисе западной философии» (1874), и в «Чтениях о Богочеловечестве» (1878–1881), и в работах теократического периода, и в «Оправдании добра» (1894–1897), напротив, разводят его с первым и сближают с активно-христианским, апокатастасическим видением последнего. Трактовка «Трех разговоров» как своеобразного «срыва» соловьевской эсхатологии в «пассивный, нетворческий эсхатологизм», данная в «Русской идее» Бердяевым, представляется несколько спрямленной. См. в наст. Антологии разбор «Трех разговоров» в статье «В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений».

А. Л. Волынский

Воскрешение мертвых

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 49.

Публикация подготовлена А. Л. Евстигнеевой.

Аким Львович Волынский (1861–1926; настоящие имя и фамилия — Хаим Лейбович Флексер) — литературный и театральный критик, историк и теоретик искусства.

В 1880-е гг. сотрудничал в русско-еврейской печати (газетах «Рассвет», «Русский еврей», журналах «Еврейское обозрение», «Восход» и др.), где публиковал критические и философские статьи, проблемные очерки, библиографические заметки. В 1891–1898 гг. фактический главный редактор и ведущий критик журнала «Северный вестник». Автор книг «Русские критики» (СПб., 1896), «Борьба за идеализм» (СПб., 1900), «Леонардо да Винчи» (СПб., 1900), «Царство Карамазовых» (СПб., 1901), «Достоевский» (СПб., 1906), «Книга великого гнева» (СПб., 1904). В 1910-х гг. — сотрудник газеты «Биржевые ведомости», на страницах которой выступал в качестве балетного критика. С 1918 г. печатался в журнале «Жизнь искусства», где продолжил ту же балетную тематику. В 1920–1926 гг. руководил Школой русского балета. В 1925 г. обобщил свои взгляды на проблему реформы русского балетного искусства в работе «Книга ликований. Азбука классического танца» (Л., 1925).

После революции активно участвовал в культурной жизни Петрограда, работал в издательствах «Всемирная литература» и «Парфенон», был председателем Петроградского отделения Союза писателей, членом правления Дома искусств. В этот период Волынским написан целый ряд работ, которые он не успел закончить или издать.

Интерес к учению Федорова возник у Волынского во второй половине 1910-х гг. В январе 1918 г. Н. П. Петерсон, живший в то время в Зарайске, сообщал сыну Михаилу: «Получил письмо из Петрограда от Северова, в котором он сообщает, что познакомился с Волынским. <...> Волынский готовит большую работу о Н. Ф-че, горит к нему энтузиазмом, говорит, что в прессе все пути и дороги ему открыты и он может найти и средства и издателей для третьего тома; предлагает приступить к печатанию немедленно, и Северов приглашает меня к себе на время печатания, чтобы держать корректуру. Кроме того, Волынский предлагает тотчас по выходе 3-го тома приступить к переизданию всего произведения в нескольких компактных томах, чтобы всякий их мог купить. Я тотчас же отвечал Северову, в видах того, чтобы заручиться от Волынского чем-либо более надежным, чем разговоры. Если бы оказалось что-либо серьезное, я рискнул бы и поехать в Петроград. Северов пишет, что Волынский собирается писать мне. Посмотрим, что из этого выйдет» (ОР РГБ. Ф. 657. К. 5. Ед. хр. 29. Л. 5 об.-6).

О том, насколько сильно Волынский был потрясен идеями Федорова, свидетельствуют его высказывания о мыслителе, приведенные в биографическом очерке Федорова, написанном А. К. Горским:

«Федоров — единственное, необъяснимое и ни с чем не сравнимое явление в умственной жизни человечества...

Рождением и жизнью Федорова оправдано тысячелетнее существование России. Теперь ни у кого на земном шаре язык не повернется упрекнуть нас, что мы не бросили векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда.

В одном Федорове — искупление всех грехов и преступлений русского народа... (А. Л. Волынский)» (*Федоров и современность*. Вып. 1. С. 7).

В фонде Волынского хранится письмо к нему Петерсона от 1 сентября 1918 г., из которого явствует, что Волынский через П. А. Сергеевко просил ученика Федорова написать о нем статью для «Биржевых ведомостей» и вообще «страстно» интересовался «всем, относящимся к личности и учению Н. Ф-ча Федорова» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 707). Статья под заглавием «Вопрос о цели и смысле нашего существования» была прислана Петерсоном Волынскому, однако опубликована она не была и ныне хранится в РГАЛИ (Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1019).

Проект издания III и переиздания I и II томов «Философии общего дела» не был осуществлен. Однако этим внимание Волынского к учению Федорова не ограничилось.

Статья «Воскрешение мертвых», датированная автором 16 мая 1923 г., относится к последнему, малоизученному периоду его творчества. Интерпретация «Философии общего дела» дается здесь Волынским с позиций так называемой гиперборейской теории, серьезное увлечение которой приходится у него на 1920-е гг. (работы «Гиперборейский гимн» и «Рембрандт»). Согласно гиперборейской теории, в Арктической области, услов-

но называемой Арктогеей, в глубокой древности существовал палеоконтинент, явившийся истоком человеческой цивилизации. Северный народ, населявший Арктогею, имел прарелигию, включавшую в себя разные стороны осмысления космоса. Одновременно южнее на земле существовал и другой континент — Гондвана, где царили противоположные северу законы, по которым жили его обитатели. Со временем Арктогея замерзла, потом погрузилась в воду, а Гондвана распалась на несколько частей. В связи с происходившими изменениями население Арктогеи перемещалось на юг, постепенно вымирая и смешиваясь с другими народами. В постарктическую эпоху воззрения северного народа претерпели существенные изменения, перестали быть гармоничными. В конце концов северяне погибли, а вместе с носителями угасли их цивилизация и религия.

Обращение А. Л. Волынского к гиперборейской теме не случайно: его интересовала судьба еврейского народа, которую он рассматривал в свете теории о «гиперборейской расе», т. е. древнейшем племени белых людей, пришедших в Европу с севера в доисторические времена. Волынский пытался доказать, что семиты являются потомками гиперборейцев и более других народов сумели сохранить черты легендарных людей севера (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 24).

Над книгой «Гиперборейский гимн» А. Л. Волынский работал до 1923 г. включительно, определив ее жанр как кодекс. Книга не была завершена. Первоначальный замысел предполагал создание 2-х частей: исследовательской и мемуарной. Но в процессе работы первая часть сильно разрослась, а вторая отпала. Главами первой части должны были стать как статьи, уже появившиеся в печати (Диспут: Блок А. — Волынский А. // Жизнь искусства. 1923. № 31 (904). С. 5–14; Четыре Евангелия. Пг., 1922 и др.), так и новые статьи.

Статью «Воскрешение мертвых» также предполагалось включить в первую часть «Гиперборейского гимна», что зафиксировано Волынским в первоначальном плане книги (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 16). Она должна была составить одну из «иллюстраций» к «Гиперборейскому гимну» — книге, посвященной изложению «тезисов гиперборейской мысли со всеми приводящими этюдами» (РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. XV).

В статье «Воскрешение мертвых» Волынский последовательно критикует христианскую составляющую учения Федорова, но критикует совершенно с иных позиций, нежели оппоненты мыслителя из религиозно-философского лагеря, считавшие федоровское активное христианство выходящим за рамки церковного православия. Волынский критикует Федорова как раз за то, что тот при всей грандиозности своих идей, открывающих путь к новому творческому мирозерцанию человечества, хочет остаться *внутри христианства*. Сам Волынский в работе «Гиперборейский гимн» не раз ополчается на христианство, которое он считает изменой иудаизму, сформировавшемуся под влиянием «единой космологической» гиперборейской мысли. Гиперборейская, а за ней и семитская мысль монистична в своих основах, переживает мир и природу в их космической цельности и тем противостоит, по мысли Волынского, все расчленяющему дуализму «со всеми его построениями и антиномиями, со всеми его видениями и исчадиями, со всеми его антитезами добра и зла,

света и тьмы, духа и плоти, со всем трагизмом неразрешимой диалектики, со всем ходульным пафосом безвыходных противоречий». Христианство, эта вершина дуалистического мировоззрения, «дорого обошлось народам» Европы и Азии. Смена «космических идей» «антропоморфными построениями хамитских народностей» шла рука об руку с цивилизацией Запада, пестуя в ней индустриализм, технократию, автономный разум, которые теперь в свою очередь начали восставать против породившего их христианства (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 10–14).

«Историческое христианство подрезано интеллектуально-научной работой человечества. Мы неудержимо идем навстречу возрождению гиперборейской мысли», к «завершительной гипотезе единства» (Там же. Л. 11, 14) — делает вывод Волынский в работе «Гиперборейский гимн». И философия Федорова, распахнутая дыханию космоса, воспринимается им как одно из знамений такого перехода, как симптом неудовлетворенности человечества прежними, дуалистическими путями мысли и жизни. Но именно поэтому так резко критикует Волынский в ней то, что, по его мысли, является следствием дуалистических, христианских пережитков, затеняя и извращая звучащий в ней голос будущего. Впрочем, в числе этих «пережитков» оказались две фундаментальные идеи учения «всеобщего дела» — регуляции природы, которую Волынский счел апофеозом западного, технократического, овнешненного отношения к миру с его «культурой химических реторт», и воскрешения, которому он противопоставил космический рост человечества, результатом которого станет преодоление дисгармонии духа и тела, полное одухотворение естества, что необходимо и приведет к упразднению смерти.

Книгу «Гиперборейский гимн» и ее составляющие, в том числе и статью о Н. Ф. Федорове, можно рассматривать как итог, творческий и духовный, Волынского-философа на его пути от христианства к иудаизму. Это подтверждается и самим Волынским: «От начала и до конца “Гимн” является разрывом с христианством, последним моим расчетом с христологией, которой были отданы мои прежние литературно-критические труды. Вместе с тем книга эта, отвергающая в корне всякую мистику и всякий дуализм, является в некоем высшем смысле апологией иудаизма, вознесенного на принадлежащую ему аполлинистическую высоту» (РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. XV).

Статья о Федорове предназначалась автором не только для печати. Волынский предполагал использовать ее в своих лекционных выступлениях. В РГАЛИ сохранился документ, датированный 25 мая 1925 г., в котором изложена его просьба (предположительно адресованная в Наркомпрос), разрешить ему чтение лекций о Федорове:

«Я прошу разрешения прочесть две публичные лекции под общим заглавием “Воскрешение мертвых. Жизнь и учение Николая Федоровича Федорова по неизданным документам”. Лекции заключают в себе краткое жизнеописание Федорова, бывшего библиотекаря Румянцевского музея, его личную характеристику и критическое изложение его взглядов, ставших ныне предметом изучения иностранной критики и академий. Н. Ф. Федоров, основываясь на идее культа предков, составляющей фундаментальное зерно его учения, проповедовал необходимость стремиться общими усилиями человечества к воскрешению умерших, всеми теми

средствами, какими может располагать расширившаяся и обогатившаяся экспериментальная наука. Аргументируя свою тему и совершенно ею ослепленный, Федоров вдался в ряд иллюзий пережитого и отвергнутого русского прошлого. Но если даже вскрыть основные заблуждения Федорова и оставить только научную часть его учения, освобожденную от мистики и туманов, то и тогда концепция его представляется одностороннею. В моих лекциях все это будет выяснено до последней черточки. Ход моих повествований и рассуждений обозначен подробно и точно в прилагаемой афише. Я считаю долгом отметить современный дух, пронизывающий мои лекции: они направлены к разоблачению и искоренению предрассудков старой культуры в их последней цитадели. 25 мая 1925 года» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 1).

Статья А. Л. Волинского «Воскрешение мертвых» печатается по машинописной копии с авторской правкой (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1–42. В конце дата — 16 мая 1923 г. В РГАЛИ хранятся также черновой автограф рукописи (Там же. Ед. хр. 43. Л. 141–194, датирован тем же числом) и тетрадь, содержащая библиографию некрологов, статей, заметок, посвященных Федорову, а также наброски А. Л. Волинского к главам статьи, излагающим учение мыслителя (Там же. Ед. хр. 49. Л. 43–56).

¹ Называя Федорова *Мелхиседеком*, Волинский повторяет Г. П. Георгиевского, со статьей которого «Из воспоминаний о Николае Федоровиче» он был хорошо знаком: машинописная перепечатка этой статьи с карандашными пометами Волинского сохранилась в его личном фонде (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 1047. Л. 2–7), причем слова «Мелхиседек, прошлое которого осталось загадкой», Волинским подчеркнуты.

² Сергей Михайлович *Северов* (1865 — после 1918) — племянник матеи В. А. Кожевникова М. Г. Кожевниковой. Был гренадером Московского полка. Летом 1900 г. переехал в Санкт-Петербург. Член Общества ревнителей военных знаний. С Н. Ф. Федоровым познакомился в доме Кожевниковых. Считал себя учеником мыслителя, был очень предан его идеям (см. письма С. М. Северова Н. П. Петерсону во II книге Антологии).

³ А. Л. Волинский ссылается на статью Н. П. Петерсона «Вопрос о цели и смысле нашего существования» (см. о ней в преамбуле). На рукописи данной статьи имеются карандашные пометы Волинского.

⁴ Укоренившееся представление о «женоненавистничестве» Федорова нуждается в поправке. Об этом свидетельствует и его платоническая любовь к писательнице Е. С. Некрасовой (см. комментарий к ее статье-некрологу «Памяти Н. Ф. Федорова»), и дружба с женой, а затем вдовой его сослуживца Д. П. Лебедева М. С. Лебедевой (ее письма к Н. Ф. Федорову см.: *Федоров*. IV, 640–642), и сердечное, всегда заботливое и почтительное отношение ко второй жене Н. П. Петерсона Ю. В. Петерсон.

⁵ Об этом эпизоде см. в наст. Антологии фрагмент «Дневника» С. П. Бартенева.

⁶ По всей видимости, этот факт Волинский узнал от самого С. М. Северова, в печатных источниках он не зафиксирован.

⁷ Это высказывание Толстого зафиксировано на бумаге не им самим, а А. А. Фетом (см. в наст. Антологии его письмо Федорову).

⁸ Об И. М. Ивакине см. комментарий к его воспоминаниям.

⁹ Так в оригинале. Вероятно, должно быть: С. М. Северов.

¹⁰ Описанная Волынским сцена должна быть датирована 9 апреля 1899 г. Именно в этот день Н. П. Петерсон, вернувшись вместе с Н. Ф. Федоровым из Сергиева Посада (оба собирались ехать в Воронеж, где тогда служил Петерсон) и остановившись у В. А. Кожевникова, посетил дом Л. Н. Толстого.

¹¹ В различных упоминаниях и публикациях письма Достоевского Федоровым и его учениками указывались попеременно две даты — то 23 марта 1878 г., то 24 марта 1878 г. Дата 23 марта указана даже в I томе «Философии общего дела» (С. 439). Однако правильной является вторая дата и позднее ученики Федорова указывали именно ее.

¹² Речь идет о «Предисловии к изданию письма Ф. М. Достоевского» (Федоров. IV, 5–11).

¹³ *Экбатана* — столица Мидийского царства (упоминается с XII в. до н. э.). *Сузы* — город на территории современного Ирана, бывший во второй половине III – первой трети I тысячелетия до н. э. столицей Элама. После завоевания персами стал резиденцией династии Ахеменидов. Какой именно смысл придавал Федоров приведенной Волынским фразе, сказать трудно.

¹⁴ В г. Воскресенске, рядом с которым находился построенный патр. Никоном Воскресенский монастырь (иначе именуемый «Новый Иерусалим») Н. Ф. Федоров жил летом 1902–1903 гг.

¹⁵ А. Л. Волынский пересказывает фрагмент письма Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову от 4 июля 1902 г. (Федоров. IV, 472). Письмо это должно было войти в III, так и не изданный тогда том «Философии общего дела».

¹⁶ А. Л. Волынский цитирует некролог, написанный Е. В. Барсовым (воспроизведен в наст. Антологии).

¹⁷ Обе цитаты данного абзаца — из работы Федорова «Вопрос о братстве...» (*Философия общего дела*. I, 46, 48).

¹⁸ Никакого основания для данного вывода в текстах Федорова нет.

¹⁹ Н. Ф. Федоров не восставал против природы как совокупности всего живого, он ополчался на послегрехопадный порядок природы, стоящий на борьбе особей, вытеснении последующим предыдущего, истреблении, смерти. Формула его отношения к природе: природа человеку враг лишь временный, а друг вечный. Более того, он как раз призывал глубже и интимнее вчувствоваться и вживаться в природу, дабы научиться у нее способности органосозидания, «естественного тканетворения», говорил о необходимости развивать скрытые, непроявленные возможности человеческого организма (подробнее см. вступит. статью к Антологии).

²⁰ А. Л. Волынский упускает из виду федоровскую идею внутренней, психофизиологической регуляции, которая для мыслителя столь же важна, как и регуляция природных явлений вовне.

²¹ А. Л. Волынский высоко ставил Канта, кантовская эстетика послужила ему основой для создания системы оценки художественных явлений, которую он выдвинул против «публицистической» критики демократов. Волынский читал курс лекций, часть которого была опубликована: «Критические и догматические элементы в философии Канта» (Северный вестник. 1889. № 7. С. 9–12). В работе «Гиперборейский гимн» он писал: «Гиперборейская философия монистична насквозь и удивительным образом согласована с течением современной научной мысли. Доктрина в духе

кантовского дуализма в самом деле, кажется, находится на пути к высшим метаморфозам и объединительным синтезам» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 61).

²² Сравнение Федорова с «дельфинийским Аполлоном» проясняется и углубляется на фоне работы Волынского «Гиперборейский гимн». В главе «Аполлон», рассматривая становление культа солнечного бога в Малой Азии и в Древней Греции, Волынский особенно много внимания уделяет зрелой стадии этого культа, связанной с Дельфами и существовавшим там храмом с оракулом Аполлона. «Дельфинийский Аполлон» объявляет «бой всем вредоносным стихиям мира». Недаром в Анафи, «гористом и малопродуктивном цикладском острове на восток от Фиры», Аполлон в бурную погоду «стрелял <...> из лука в бунтующую стихию». «Мы стоим тут, — продолжает Волынский, — перед величественной концепцией гиперборейского духа, может быть, в той стадии его истории, когда от него уже отошла и получила самостоятельное направление струя семитическая, хранительница его исконных, изначальных представлений. Это преломление гиперборейской идеи в чистой эллинской среде, насыщенной в своем маленьком, кругло-замкнутом мире бесконечным множеством антропоморфных настроений. Все героическое тут направлено к непосредственно ощущаемому, почти осязаемому человеческому благу, и космический Аполлон здесь сужен в фигуру — правда светлую — пособника в борьбе с напастями окружающей человека природы. Отсюда впоследствии вырастет страстная, почти фанатическая вера во всемогущество экспериментальных знаний, науки и техники, медицины и бактериологических открытий в деле борьбы со старостью, с увяданием, а потом и с самой смертью» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 40).

²³ Цитаты из статьи Федорова «Разоружение» (*Философия общего дела*. I, 664).

²⁴ Цитата из статьи Федорова «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудия спасения» (Там же. С. 676).

²⁵ Федоров никогда не называл войну «только экономическим» явлением. Да, он говорил о прямой зависимости, существующей между периодически вспыхивающими военными конфликтами и всем укладом потребительской торгово-промышленной цивилизации, но не менее часто указывал на то, что глубинные истоки межчеловеческой розни — в самой несовершенной, смертной природе человека, вне преобразования которой уничтожить войну нельзя.

²⁶ В главе «Аполлон» работы «Гиперборейский гимн» Волынский, особенно выделял более раннюю, нежели дельфийская, стадию аполлинического культа, которая была связана с Бранхидами, горным комплексом вблизи Милета, где совершалось «поклонение древнему солнечному светилу». Бранхидский Аполлон еще сохраняет в себе древние архаические черты, связывающие его с солнечным культом, в нем обнаруживаются «многозначительные семитические черты», оживает дух Гипербореи (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 44, 45). Бранхидский Аполлон и должен, по мысли Волынского, стать знаменем современной эпохи, которая «решительно идет к монизму на всех парах» (Там же. Л. 61)

²⁷ Эмиль Литтре (1801–1881) — французский философ и филолог, представитель позитивизма.

²⁸ В данной главе Волынский разбирает историю Чтений и обсуждения работ Федорова, состоявшихся в покоях преосв. Димитрия (Абашидзе). Источником освещения этой истории послужили материалы «Семиреченских областных ведомостей» (1907), а также, возможно, какие-то справки, полученные Волынским от Петерсона. Подробнее см. публикацию в данном разделе Антологии и комментарий к ней.

²⁹ Статья «Разоружение» была помещена в газете «Асхабад» 3 и 5 июня 1901 (№ 154, 156); статья «Самодержавие» была напечатана в июле того же года (№ 186–187, 191–192, 200, 202–203).

³⁰ См.: Семиреченские областные ведомости. 1907. № 15. 20 февр. (Послание семиреченцам по поводу избрания депутатов Думы); 1907. № 27. 3 апреля (Речь в Туркестанском кафедральном соборе перед выборами депутатов Думы); 1907. № 65. 14 августа (Речь при освящении Кафедрального собора в г. Верном). Во всех указанных речах преосвященного неуклонно проводилась мысль о России как собирательнице земель и народов, христианской державе, призванной явить миру свет Христовой истины, о значении самодержавия в деле строительства государства Российского, о царе как хранителе единства нации, ответственном перед Богом за свой народ. По всей видимости, Волынский сближает эти высказывания преосв. Димитрия с тем, что писал Федоров в работе «Самодержавие».

³¹ Все цитаты данного абзаца взяты Волынским из работы «Самодержавие». Говоря о Н. М. Языкове, мыслитель имеет в виду эпизод, описанный в воспоминаниях М. П. Погодина о последних часах его жизни: поэт спросил друзей, стоявших у его смертного ложа, «веруют ли они в воскресение мертвых», и сообщил им, что они обязательно бы уверовали, если бы прочли одну книгу, в которой говорится об этом (Москвитянин. 1846. № 11–12. С. 254).

³² «и от Сына» (*лат.*). Признание исхождения Св. Духа не только от Бога Отца, но и от Бога Сына (*filioque*), вошедшее в догматику Западной церкви в IX–X вв., стало одной из причин ее разрыва в 1054 г. с Восточной церковью.

³³ Разногласия и споры по поводу отношения к учению Федорова (прежде всего в пункте согласимости его воззрений с православным вероучением) возникли у В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона не сразу же после смерти Федорова, а со второй половины 1900-х гг., особенно обострившись в 1909 г. История этих разногласий описана в: *Федоров. Доп.*, 420–428; см. также: *Федоров. III*; 567.

³⁴ Данную главку Волынский строит на письме В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону от 20 сентября 1909 г. и ответном письме Петерсона от 5 ноября 1909 г. Машинописная копия первого письма и рукописная — второго с многочисленными подчеркиваниями и пометами Волынского хранятся в его личном фонде в РГАЛИ (Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 1064, 1086). Публикацию этих писем в составе переписки Кожевникова и Петерсона см. во II томе Антологии.

³⁵ Как эта, так и последующие цитаты данной главки взяты из вышеупомянутого письма Петерсона Кожевникову от 5 ноября 1909 г.

³⁶ Мысль об уникальности планеты Земля, ибо на ней, единственной во всем мироздании, зародилась жизнь и воссиял свет сознания в челове-

ке, так что и «спасение безграничной вселенной» должно быть осуществлено «через такую ничтожную пылинку, как земля» (Федоров. I, 431), Федоров высказывал неоднократно.

³⁷ Волынский ошибается. Помимо воскрешения имманентного Федоров допускал и возможность трансцендентного воскресения с последующим разделением человечества на спасенных и вечно проклятых, которое последует, по его мысли, если мир будет упорствовать на ложных, противобожеских путях (см., напр., статью «Приговор и несколько слов в оправдание» — Федоров. II, 71).

³⁸ Письмо В. А. Кожевникова от 20 сентября 1909 г. было ответом не на письмо Н. П. Петерсона от 5 ноября 1909 г., а на другое его письмо — от 4 июля 1909 г. Петерсон же в письме от 5 ноября в свою очередь откликнулся на письмо Кожевникова от 20 сентября.

³⁹ В 1899 г. Волынский предпринял путешествие в Константинополь, на Афон для изучения византийской и русской иконописи.

⁴⁰ Внехрамовая литургия, т. е. дело регуляции природы и воскрешения, не именуется у Федорова самодержавием. Самодержавие, по мысли философа, призвано водительствовать народ в общем деле, но самим общим делом никак не является.

⁴¹ Все цитаты как этой, так и следующей главы взяты из работы «Самодержавие».

⁴² *Гако́н*, *Гаако́н* — имя королей Норвегии. В 1905 г., после разрыва унии со Швецией, в зависимости от которой Норвегия находилась с 1814 г., норвежское временное правительство вступило в тайные переговоры с Гааконом VII, предлагая ему принять норвежскую корону. После плебисцита, прошедшего 12 ноября 1905 г., Гаакон прибыл в Норвегию, присягнул на верность Конституции, а 16 июня 1906 г. короновался в Дронтгейме.

⁴³ Имеется в виду полемика вокруг статьи «Самодержавие» на страницах газеты «Асхабад» летом и осенью 1901 г. (см.: Федоров. II, 439–441).

⁴⁴ Виктор Ипатьевич *Аскоченский* (1813–1879) — русский писатель, журналист консервативного толка, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа».

⁴⁵ Деятели отечественной науки писатель, лексикограф, этнограф Владимир Иванович *Даль* (1801–1872), филолог Александр Христофорович Востоков (1781–1964), литературовед, фольклорист Орест Федорович Миллер (1833–1889) происходили из немецких семей.

⁴⁶ Фридрих *Шпильгаген* (1829–1911) — немецкий писатель-беллетрист, автор романов «Проблематические натуры» (1861), «В строю» (1866), «Бурный поток» (1876).

⁴⁷ *Шеллер-Михайлов* (Шеллер Александр Константинович; 1838–1900) — русский писатель-беллетрист, журналист, автор романов «Гнилые болота» (1864), «Господа Обносковы» (1868), «Лес рубят — щепки летят» (1871), «Хлеба и зрелищ» (1875) и др.

⁴⁸ Рене Франсуа Арман *Сюлли-Прюдом* (1839–1907) — французский поэт, входил в группу парнасцев. Михаил *Эминеску* (1850–1889) — румынский и молдавский поэт.

⁴⁹ Обе цитаты — из статьи Федорова «Как может быть разрешено противоречие между наукою и искусством» (*Философия общего дела*. II, 349).

⁵⁰ Все статьи и заметки II тома были написаны самим Федоровым. Кожевников и Петерсон лишь редактировали их, делая необходимые смысловые вставки, а иногда соединяя части заметок, близких по смыслу, в одну, более пространную (о приемах их работы см. *Федоров*, II, 451–452).

⁵¹ Цитата из II части «Вопроса о братстве...» (*Философия общего дела*, I, 85).

⁵² Возможно, речь идет о статье Петерсона «Вопрос о цели и смысле нашего существования».

⁵³ Цитаты из второго письма Соловьева Федорову (июнь–июль 1882 г.).

⁵⁴ О преображении человека как необходимом условии воскресительного процесса см. также: *Федоров*, I, 281–282.

⁵⁵ Цитата из IV части «Вопроса о братстве...» (*Философия общего дела*, I, 330).

⁵⁶ Волынский ссылается на статью С. П. Бартенева «Два разговора о воскрешении мертвых» (Русский архив. 1909. № 1. С. 119–122).

⁵⁷ Франц Делич (1813–1890) — протестантский богослов; переводчик Нового Завета на еврейский язык, комментатор Ветхого Завета.

⁵⁸ *Лары* (Lares) — в римской мифологии — божества-покровители родов и семей, *Маны* (Manes) — боги загробного мира, обожествленные души предков.

⁵⁹ Имя есть предзнаменование (*лат.*).

⁶⁰ Пояснение этой мысли находим в главе «Гиперборейского гимна» «Аполлон-Отец»: «Только еврейство дало человечеству живое ощущение симпатического отцовства, перешедшего затем на страницы Нового Завета, т. е. создало одну из величайших по своему социально-воспитательному значению идей. Это идея исторических связей поколения последующего с поколением предыдущим, прогрессивных традиций с традицией прошедших веков. Каждое поколение есть отец последующего и сын предыдущего, причем оба поколения, в звеньях преемственной цепи, связаны между собой идеальным духом широкого исторического процесса. В сыне воскресает отец, просветленно и преображенно по законам непреодолимой наследственности. Бесконечный ряд воскресений — вот что такое история. Постоянное развитие форм одна из другой. Последовательное развертывание начал, потенциально заложенных в отце и получающих открытое выражение в сыне и следующих за ним новых поколениях. Вот она лестница Иакова от земли до неба, построенная не раз навсегда, как это рисуется нам при чтении наивного библейского рассказа, а постоянно, шаг за шагом воздвигающаяся, несущая человечество вверх безостановочно и нерушимо, иногда даже против его воли. Оно идет, а Бог его ведет все дальше и дальше. Это и есть процесс и рост человека на путях истории. Троиединое сочетание в синтетическом лице трех ипостасей, Отца, Сына и Духа, сочетание именно нераздельное и неслиянное, по формулировке творцов Никео-Константинопольского Символа Веры, и затем вольное, идеальное самораскрепощение единсушных триаде сил в потоке жизни. Сам по себе Бог безвременен. Но преломляясь в событиях пространственно-временного процесса, он проявляется в трех образах Отца, Сына и Духа. Так истолкованная и понятая, триада эта есть не что иное, как конкретное раскрытие идеи монотеизма в противность иррациональной и грубо-политеистической концепции Троицы в существующих христианских церквях.

Аполлон-Отец является одной из разновидностей культа Аполлона вообще, рисующей связь Греции с Востоком необычайно рельефно. <...> Культ этого Аполлона, Аполлона-Отца, является полной противоположностью другому культу Аполлона, Аполлона дельфинийского. Среди цикладских островов имеется один островок на востоке от Сиры. Островок гористый и мало плодородный. В бурную погоду Аполлон дельфинийский прилетал сюда, чтобы стрелами из лука рассеять бунтующую стихию. Небо прочищалось. Островок быстро выступал из темных туманов, закрывавших его от глаз. Несомненно, мы имеем тут дело с поэтическим эмбрионом идеи новейшего времени о регуляции сил природы в интересах человечества. На это намекает и самое название островка: АНАФИ — ОСТРОВ ВОСКРЕСЕНИЯ. Вот где Эллада несомненно рвет с семитизмом окончательно и принципиально, так что только понявший этот разрыв, широкий и многозначительный, мог бы разгадать и сущность античной культуры, все ее отличие от культуры Востока. На Востоке ВОСКРЕСЕНИЕ, естественное и нормальное, с медленными преобразованиями духовного порядка, от поколения к поколению, от одного исторического этапа к другому, без катаклизмов и пожаров, эволюционно и планомерно, в строгом ритмическом соответствии с законом не только физическим, но и моральным. Тут же напротив эмбрион будущей просвещенной Европы, с ее культом науки опытной и экспериментальной, с дерзновенною мечтою Мечникова, с гениальным бредом Николая Федоровича Федорова, с ее вечным гильотинированием традиций духа в области социально-политического строительства. Как высоко ни ценить в самом деле европейскую культуру, ее бесконечные завоевания в разных направлениях жизни, все же это только блистательный гомункул, вагнеровская культура реторт, пышная и эфемерная в одно и то же время. Вечно сотрясаемая и разбиваемая, от каждого катаклизма повергаемая во прах. Воскресение и воскрешение — это Восток и Запад в их поучительнейшем контрасте» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 64–65).

⁶¹ *Аполлон Карнейский* — одна из разновидностей архаического культа Аполлона. Миф об Аполлоне Карнейском повествует о том, как жрец Аполлона Карнос был убит Алитом, человеком общей с ним веры, в результате чего «разгневанный Аполлон установил по этому поводу очистительный праздник, с военными упражнениями и музыкальными состязаниями». Культ Карнейского Аполлона был популярен в Аргосе. «Самый праздник в честь Аполлона, — пишет Вольтинский в работе «Гиперборейский гимн», — носил наименование “Военное Командование”. На почве Аргоса это было торжеством идеи войны и боя, руководимых храбрыми полководцами». «Здесь особенно сильно выступает вперед <...> все тот же героический мотив, который мы наблюдали и будем наблюдать как основную гражданскую и музыкальную тему всех метаморфоз Аполлона» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 38, 39).

⁶² Близкую мысль А. Л. Вольтинский высказывает в книге «Гиперборейский гимн»: «Будет некогда день, когда человек станет как солнце. Он будет светел как солнце. Воля и чувство его будут одно. Никакого разлада, никакого раздвоения, сама мысль о преступности, о злодеяниях отпадает навсегда. Ночи не будет. Смерти не будет. Времени не будет. Новый Аполлон расстреляет все тучи, обложившие небо, и все в мире, рожденное солнцем, вернется в солнце на беспредельные времена. Об этом вздыхает и

наука, вся монистическая философия новых дней, может быть, новая религия мира, слагающаяся где-то в неисследимых недрах мятущегося духа. Хвала Солнцу!» (Там же. Оп. 1. Ед. кр. 107. Л. 28).

А. К. Горский

Николай Федорович Федоров и современность

Впервые: *Остромиров А. [Горский А. К.]*. Николай Федорович Федоров и современность. Очерки. Вып. 2. Харбин, 1928; Вып. 3. Харбин, 1932; Вып. 4. Харбин, 1933.

Александр Константинович Горский (1886–1943) — философ, эстетик, поэт. В период учебы в Московской духовной академии (1906–1910) испытал сильное влияние Соловьева и Федорова, восприняв, а впоследствии и по-новому развив, идеи христианского эволюционизма, богочеловечества, оправдания истории, обращения догмата в заповедь. В 1913 г. совместно с главой движения «голгофских христиан» И. П. Брихничевым подготовил первый выпуск сборника «Вселенское Дело», посвященный памяти Федорова, для которого написал большую статью «Тяга земная» — о Федорове и Владимире Соловьеве (сборник вышел в Одессе в 1914 г., куда незадолго до этого переехал Горский).

В статьях 1910-х гг. стремился расширить символистскую теорию творчества, формулируя тезис: от созерцания «высшей реальности» к преобразению жизни по законам этой реальности. По убеждению Горского, «символизм <...> не может и не должен довольствоваться единомыслием и одиночувствием, но хочет и требует единодействия» (*Горностаев А. [Горский А. К.]*. Глубоким утром. М., 1913. С. X).

Представление о творчестве совершенной жизни как о высшей задаче искусства — основа эстетики Горского. Искусство в синтезе с наукой, ориентированной на «космически-преобразовательные цели, и религией, дающей конечную цель творчеству, — одно из орудий «организации мировоздействия», причем мировоздействие состоит не только в пересоздании внешней природы, но и в трансформации человеческого организма. Главная работа Горского «Огромный очерк» (первая часть — 1924), развивая учение Платона о космогонической силе эроса, питающей творчество, и взгляды Соловьева на «смысл любви», полагаемый не в продолжении рода, а «в идее высшего организма», выдвигает идею регуляции родотворной энергии, ее метаморфозы, как одного из важнейших этапов обретения целостной богочеловеческой природы.

В 1929 г. репрессирован. После освобождения в 1937 г. жил в Калуге. Не имея возможности печататься, излагал свои воззрения в форме философских писем, адресованных дочери его друга и соавтора Н. А. Сетницкого О. Н. Сетницкой и ее подруге Е. А. Крашенинниковой. В 1943 г. повторно арестован и через несколько месяцев скончался в Тульской тюремной больнице.

Среди сочинений Горского (под псевд. А. К. Горностаев): Тяга земная // Вселенское Дело. Вып. 1. С. 148–207; Перед лицом смерти (Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров). Харбин, 1928; Рай на земле. К идеологии творчества Ф. М. Достоевского. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров. Харбин, 1929. См. также: *Горский А. К., Сетницкий Н. А.* Соч. М., 1995.

Серия очерков под общим названием «Николай Федорович Федоров и современность» выросла из работы «Николай Федорович Федоров. Биографический очерк», которая была написана Горским в 1923 г. В РГАЛИ сохранилась машинопись этой работы на 54 листах с авторской датой в конце «15 декабря 1923 г.». После неудачной попытки опубликовать очерк в Советской России и за рубежом (в журнале А. М. Горького «Беседа»), Горский взялся за его дополнение и расширение, поскольку Н. А. Сетницкий, уехавший в конце 1925 г. в Харбин, решил издать «Биографию Н. Ф. Федорова» (рабочее название рукописи) к столетию со дня рождения Федорова — к 1928 г. (в настоящее время усилиями В. С. Борисова установлено, что дата эта ошибочна и год рождения мыслителя — 1829-й). Работа над текстом шла весь 1926-й и первую четверть 1927 г., рукопись переписывалась В. Н. Миронович-Кузнецовой, бывшей издательницей журнала «Новое вино», и посылалась Сетницкому по частям в письмах — это была единственная возможность переправить рукопись за границу (переписанная рукой Миронович-Кузнецовой рукопись ныне хранится в составе фонда *Fedoroviana Pragensia*: FP. I.3.32). Но и после того как рукопись оказалась у Сетницкого, Горский продолжал как в своих письмах к нему, так и через Миронович-Кузнецову, посылать дополнения и вставки в эту работу (FP. I.3.27).

В своем очерке Горский рассматривал федоровское учение в неразрывной связи с самыми разными областями жизни и культуры тех лет, стремясь показать, что целый ряд художественных и естественно-научных поисков эпохи так или иначе смыкается с построениями и замыслами автора «Философии общего дела». Это обусловило изменение первоначального заглавия — по предложению супруги Горского М. Я. Монзалевской, работа была названа «Николай Федорович Федоров и современность» (А. К. Горский — Н. А. Сетницкому. 20 апреля 1927 // FP. I.3.27), и поскольку она значительно разрослась, было решено разбить ее на несколько выпусков (А. К. Горский — Н. А. Сетницкому. 11 октября 1927 // Там же). В первом выпуске, вышедшем под названием «Николай Федорович Федоров. 1828–1903–1918. Биография» (Харбин, 1928), перечислялись названия следующих пяти выпусков, которые предполагалось издать в течение одного года: «Проективизм и борьба со смертью. Теология и антропология Н. Ф. Федорова. Наука, искусство и труд воскрешения. Современная война и учение Н. Ф. Федорова о всеобщей повинности возвращения жизни». Все эти очерки, в ряде случаев с несколько измененными заглавиями, были опубликованы Сетницким в Харбине — правда, в течение пяти лет, поскольку личные его средства, на которые шло печатание, были очень ограничены. Второй выпуск очерков объединил в себе две темы и назывался: «Проективизм и борьба со смертью. Богословие общего дела» (1928), третий — «Организация мировоздействия» (1932), четвертый — «Острые мирового кризиса» (1933). Очерки выходили под псевдонимом «А. Остромиров».

В наст. Антологии печатаются в сокращении тексты второго, третьего и четвертого выпусков.

¹ В настоящее время этот автограф Н. Ф. Федорова неизвестен.

² Речь идет о книге Н. П. Петерсона «Н. Ф. Федоров и его “Философия общего дела” в противоположность учению Л. Н. Толстого “о непротивлении” и другим идеям нашего времени» (Верный, 1912).

³ См. примеч. 9 к статье А. Панкратова «Философ-праведник».

⁴ Эти слова Н. Н. Черногубова А. К. Горский привел в первом очерке серии «Н. Ф. Федоров и современность»: *Остромиров А. (Горский А. К.) Николай Федорович Федоров. 1828–1903–1928. Биография. Харбин, 1928. С. 17.*

⁵ Отрывок из поэмы А. Блока «Возмездие» (1908–1913).

⁶ Цитата из стихотворения В. С. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887).

⁷ См. примеч. 9 к фрагменту работы С. Н. Булгакова «Свет не вечерний».

⁸ А. К. Горский серьезно интересовался достижениями экспериментальной науки и медицины в области продления человеческой жизни. В первом выпуске сборника «Вселенское Дело» (Одесса, 1914) им был помещен ряд материалов по проблеме анабиоза и возможности его использования в деле продления жизни и восстановления ее, в том числе статья проф. Порфирия Ивановича *Бахметьева* (1860–1913) «Седалище души (Анабиоз)» и доктора медицины И. М. Луценко «Пределы жизни (Холод и его влияние на жизнь)». Алексис *Карпель* (1873–1944) — французский хирург и патофизиолог, занимался проблемами трансплантации органов и тканей.

⁹ Близкие мысли Горький высказывал в лекции «О знании», прочитанной 30 марта 1920 г. в Рабоче-крестьянском университете: «...человеческий разум объявляет войну смерти как явлению природы. Самой смерти. Мое внутреннее убеждение таково, что рано или поздно, может быть, через 200 лет, а может быть, через 1000, но человек достигнет действительного бессмертия. Я не вижу пределов мощи человеческого разума, я не вижу пределов работе его, я не вижу пределов его творчеству» (Архив А. М. Горького. Т. 12. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., 1969. С. 114). Об отношении Горького к смерти и интересе его к идеям Федорова см.: *Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — видение мира — философия. М., 2001. С. 248–289.*

¹⁰ Цитата из третьей части «Вопроса о братстве...» (*Философия общего дела. I, 138*).

¹¹ Цитата из статьи Федорова «О двух нравственностях: теoантропической и зооантропической» (Там же. Т. II. С. 171–172).

¹² В данном очерке, разбирая ряд богословских построений Федорова (учение о Троице как совершенном образце человеческого общества, идею условности апокалиптических пророчеств, истории как богочеловеческой работы спасения, Горский стремится показать их плодотворность как для развития богословской науки, так и для судьбы христианства и церкви в современном мире. Эта плодотворность, считает Горский, в неотделимости слова от дела, догмата от заповеди, истин веры от дела Божия, в необходимости обратиться богословие в богодействие. Только активное христианство, по мысли философа, окажется способным преодолеть все увеличивающуюся секуляризацию науки, культуры, общественной жизни, проникнуть во все сферы человеческого бытия, уничтожить роковой разрыв храмовой и внехрамовой жизни.

¹³ *Антоний* (в миру Алексей Петрович Храповицкий; 1864–1936) — известный церковный и общественный деятель и писатель, признавав-

ший необходимость нравственного объяснения догматов, подчеркивавший идею христианской общности, привлек внимание Федорова своей речью по случаю юбилея преп. Сергия Радонежского (1892): «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы». По поводу этой речи и было написано Федоровым Антонию цитируемое письмо, ставшее частью пятого примечания к первой части «Вопроса о братстве, или родстве...» (*Федоров*. I, 62–63).

¹⁴ Речь идет о письме В. А. Кожевникова А. К. Горскому о последних часах жизни Федорова. Частично оно было опубликовано Горским в первом выпуске очерков «Н. Ф. Федоров и современность». См. републикацию этого письма в наст. Антологии.

¹⁵ См. примеч. 1 к публикации указанного письма.

¹⁶ См. примеч. 2 к ней же. Обе статьи не разысканы.

¹⁷ Архив В. А. Кожевникова погиб в 1930-е гг.

¹⁸ См. примеч. 32 к статье А. Л. Волынского «Воскрешение мертвых».

¹⁹ Речь идет о «Православно-догматическом богословии» (Т. 1–5. СПб., 1849–1853) специалиста по русскому расколу и богослова, митр. Московского Макария (Булгакова) и «Православном догматическом богословии» (Чернигов, 1864) богослова и историка церкви архиеп. Филарета (Гумилевского).

²⁰ Никита Петрович *Гиляров-Платонов* (1824–1887) — публицист, по мировоззрению близкий к славянофилам, издатель московской газеты «Современные известия». Речь идет о его книге «Из пережитого. Автобиографические воспоминания» (Ч. 1–2. М., 1886).

²¹ В диссертации Руднева, посвященной истории русских ересей, по словам Н. П. Гилярова-Платонова, снижалось значение Священного Предания. Утверждение о равносильности Св. Предания со Св. Писанием автор причислял к заблуждениям католической церкви, считая, что это несогласно с православием.

²² Речь идет о православном катехизисе, составленном по поручению Св. Синода (1823 г.) митр. Московским Филаретом (Дроздовым).

²³ Речь идет о «Богословии догматическом» (М., 1938) преподавателя богословия и церковной истории в Московском университете Петра Матвеевича *Терновского* (1798–1884).

²⁴ *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. Ч. 1. С. 279–281.

²⁵ Споры об *имяславии*, первоначально возникшие в среде русских насельников Афона и связанные с выходом в 1908 г. книги старца Иллариона «На горах Кавказа», в которой он утверждал, что «в Имени Божиим присутствует Сам Бог — всем Своим существом и всеми Своими бесконечными свойствами», в 1910-е гг. охватили широкие церковные и религиозно-философские круги России. Подробнее см.: *Имяславие*. Антология. М., 2002.

²⁶ 1 Кор. 2: 4.

²⁷ Преп. Серафим был канонизирован Св. Синодом 29 января 1903 г. 19 июля того же года состоялось торжественное открытие мощей саровского чудотворца.

²⁸ Интересно, что такое же значение — хранителя живой православной веры, духовных, нравственных традиций нации — придавали среднему классу, прежде всего сословию русского купечества, члены «молодой

редакции» «Москвитянина» (1850–1855) (особенно А. Григорьев) и при-
мыкавший к ним в то время А. Островский (см. его пьесы «Не в свои сани
не садись», 1853; «Бедность не порок», 1854 и др.).

²⁹ *Сектанско-юдаистический хилиазм* — в иудаизме — ожидание Мес-
сии, земного царя, который установит на земле Царство Израиля и предо-
ставит силу и власть еврейскому народу. В отличие от христианского хили-
азма, понимавшего тысячелетнее Царство Божие на земле как переходное
состояние между миром, который «во зле лежит» и преображенным, про-
славленным бытием Небесного Иерусалима, иудаистический хилиазм,
как и хилиазм еретических течений I–II вв. (керинфиан, эбионитов), но-
сил сугубо чувственный характер, понимался как «царство земное».

³⁰ По преданию, Дивеевская обитель была основана по указанию са-
мой Царицы Небесной, явившейся монахине Александре (Мельгуновой) и
предрекшей, что земля эта будет «четвертым Ее жребием во вселенной
после Иверии (Грузии), Афона и Киева». Духовным центром монастыря
стала специальная обитель дев, организованная преп. Серафимом. Преп.
Серафим с сестрами окопали это место канавкой. «Много чудного говорил
батюшка Серафим об этой канавке. Так что канавка эта — стопочки Бо-
жией Матери! Тут ее обошла сама Царица Небесная! Эта канавка до небес
высока! Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица! И
как антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит!» (*Се-
рафим (Чичагов)*. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. М., 1896.
С. 242). Дивееву преп. Серафим предрекал великую славу. По его словам,
обитель будет первой женской лаврой.

³¹ Николай Александрович *Мотовилов* (1809–1878) — симбирский и
нижегородский помещик, дворянин. В 1831 г. получил исцеление от тя-
желой болезни от преп. Серафима, стал его духовным чадом, а после
смерти старца, по его указанию, взял на себя заботу о Дивеевской обители.
После смерти Мотовилова в его бумагах были обнаружены записи его
бесед с преп. Серафимом, в частности «Беседа о цели христианской жиз-
ни», в которой старец поставлял целью христианского делания в мире
стяжание Св. Духа, духовно-телесное обожение человека.

Одно из самых значительных пророчеств Серафима до революции
было известно только немногим, поскольку церковная цензура не разре-
шила его напечатать. Оно касалось будущего воскресения преп. Серафима
перед самым концом мира: «Будет время, когда все словеса предреченной
Господних, сказанные Великому Старцу Серафиму о судьбах Четвертого
жребия во вселенной Божией Матери, вполне сбудутся. Ибо по обетова-
нию Господню воскреснет на некоторое время и восстанет из гроба Вели-
кий Старец Серафим и пешком перейдет из Саровской пустыни в село
Дивеево и <...>, уверив всех воскресением своим в непреложности и всех
людей в конце веков всеобщего воскресения, понеже, наконец, там веч-
ным опять до времени сном смерти почует, и тогда-то после сего вторич-
ного Батюшки Отца Серафима Успения, село Дивеево, соделавшись До-
мом всемирным, просветится паче всех, не только русских, но и всех
градов на свете — ибо свет веры Христовой через это воскресение из мерт-
вых Великого Старца Серафима утвердится во вселенной всей» (Литератур-
ная учеба. 1991. № 1. С. 133).

³² Горский трактует топографию Дивеевской обители в свете федоров-
ских проектов будущей идеальной общины, объединенной родственной,

душевной связью, участием в общем деле, общины, в которой не будет разделения на храмовую и внехрамовую жизнь, а все направится к «священной цели воскресения». Воображению Федорова представлялся целый архитектурный комплекс, где находила бы свое эстетическое выражение глубина религиозно-нравственной задачи, стоящей перед общиной: школа-храм, не отделяющая обучения от воспитания в духе активного христианства, от памяти об отцах, музей, кремль, кладбище в центре поселения рядом с храмом, обсерватория. Здесь преодолевается и извечное противоречие города и села, наука и промышленность уже не служат комфорту, а поворачиваются лицом к естественным нуждам человека, которые лучше понимает не индустриальная, а именно сельская, земледельческая культура, обращаются на дело регуляции. В активном, созидательном духе, в перспективе богочеловеческого дела преобразования всей природы осмысливается Горским и пророчество о Небесном Иерусалиме (Откр. 21). О том же несколько позже писал и Н. А. Сетницкий в книге «О конечном идеале» (Харбин, 1932).

³³ Неточная цитата из гл. IV «Евгения Онегина», строфа XIII.

³⁴ Евгений Онегин. Гл. V, строфа XVIII.

³⁵ Речь идет о клерикально-монархическом движении первой половины XIX века, главными идеологами которого были *Жозеф де Местр* (1754–1821) и Луи Бональд (1754–1840). Теории общественного договора они противопоставили абсолютную монархию, имеющую божественное происхождение. По мнению де Местра, характер абсолютной монархии принадлежит и церковной власти (см. его трактат «О папе», 1819).

³⁶ В главном сочинении *Сен-Симона* (1760–1825), одного из родоначальников доктрины утопического социализма, «Новое христианство» (1825), рисуется план будущего общественного строя, который устранил бедность и несправедливость. Решающую роль в осуществлении этой задачи, главное место в новом обществе Сен-Симон отводил духовенству. Теократический элемент «Нового христианства» был развит учениками Сен-Симона Базаром и Анфантенем, которые создали своеобразную сенсимонистскую церковь. *Де-Местр* — см. примеч. 35.

³⁷ Слова Антихриста из «Краткой повести об антихристе...», входящей в «Три разговора...» В. Соловьева.

³⁸ *Идеология* — мыслепоклонство.

³⁹ Цитата из письма Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову от 22 ноября 1899 г. (*Федоров*. IV, 405).

⁴⁰ *Феофан Затворник* (в миру Георгий Васильевич Говоров; 1815–1894) — духовный писатель и подвижник, двадцать восемь лет проведенный в Вышинской пустыни. Канонизирован Русской Православной церковью в 1988 г. А. К. Горский цитирует его «Путь ко спасению. Очерк христианской аскетике» (СПб., 1868–1869 гг.).

⁴¹ Михаил Михайлович *Тареев* (1867–1934) — духовный писатель и богослов, преподаватель нравственного богословия в Московской духовной академии. Стремился пересоздать богословие на основе субъективного метода, воспринятого им от Н. К. Михайловского. В связи с этим выдвигал идею христианской «философии жизни», которая есть «плод верующего ума, оценивающего сердца». Ее задача — обобщение христианского опыта и выработка «христианского жизнепонимания». Ниже Горский ци-

тирует статью М. М. Тареева «Новое богословие» (Богословский вестник. 1917. № 6–7, 8–9).

⁴² Речь идет о духовных писателях и богословах, авторах курсов нравственного богословия: преподавателе Ставропольской духовной семинарии *И. Г. Пятницком*, написавшем книгу «Опыт православного нравственного богословия» (1890), *А. И. Покровском*, преподавателе Самарской семинарии и его пособии «Православно-христианское нравственное богословие» (Самара, 1891), *И. И. Халколиванове*, кафедральном протоиерее в Самаре, авторе «Православного нравственного богословия» (Самара, 1874), священнике *Д. Фаворском* (см. его «Православное христианское нравственное учение и современная естественнонаучная мораль», 1900).

⁴³ См. примеч. 13. В материалах к III тому «Философии общего дела» предполагалось напечатать другое письмо Федорова митр. Антонию (Храповицкому) — от 30 марта 1893 (см.: *Федоров*. IV, 256–257).

⁴⁴ Эта работа Горского была напечатана в Харбине в 1928 г. под псевдонимом «А. Горностаев».

⁴⁵ Альбрехт *Ричль* (1822–1889) — протестантский теолог, основатель теологической школы, получившей распространение в XIX в. преимущественно в Германии. Опираясь на критицизм Канта, отделил теорию познания от религии, знание от веры. Для христианской догматики Бог существует исключительно как любовь, поэтому из теологии, по мнению Ричля, должны быть исключены все вопросы, имеющие метафизический характер, сама же метафизика возможна только на основе христианской этики.

⁴⁶ Речь идет о четырехтомном труде М. М. Тареева «Основы христианства» (Сергиев Посад, 1908).

⁴⁷ См.: *Федоров*. II, 183–189.

⁴⁸ *Лев XIII* (1810–1903) — римский папа с 1878 г., выступал за активную роль католичества в разрешении социального вопроса. В 1891 г. издал энциклику «*Regrum Novarum*», в которой требовал от духовенства энергичной работы в пользу народа. Рабочие союзы и рабочие законодательства Лев XIII рассматривал как два главных фактора социальной реформы.

⁴⁹ В 1908 г. при ревизии Московской духовной академии возникли недоумения по поводу курса нравственного богословия, читаемого М. М. Тареевым. Профессору пришлось давать объяснения как по поводу курса, так и по поводу книги «Основы христианства» (См: Из недавней истории богословской науки // Богословский вестник. 1917. № 7–8, 9–10, 11–12).

⁵⁰ Выражение из стихотворения Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1836).

⁵¹ Ср. начальный возглас иерея на «Божественной литургии»: «Благовословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков».

⁵² Федоров имеет в виду высказывание из 8 главы сатиры Байрона «Бронзовый век» (1823), направленной против Веронского конгресса монархов Священного союза (1822):

Так значит все — союз Священный здесь!

Земная троица — небесный вид...

Так обяъяна лик наш повторит.

(пер. Г. Шнема)

⁵³ Мф. 18: 3.

⁵⁴ Культ *Magnae Matris*, Великой матери людей и богов, — греко-римская трансформация древнего культа Кибелы, фригийской богини, олицетворявшей рождающую и умерщвляющую силу природы. С 204 г. до н. э. почитание «Великой матери» сделалось в Риме государственной религией.

⁵⁵ *о всех и за вся* — «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся» — слова из канона Евхаристии, произносимые священником гласно в момент возношения Св. Даров.

⁵⁶ *Несторий*, архиепископ Константинопольский (428–431) — не признавая равноправия двух природ, Божественной и человеческой, во Христе, допускал между ними лишь относительное соединение (обитание Божеского естества в человеческом). *Аполлинарий* Лаодикийский (ум. 390) — мыслитель и богослов, родоначальник монофизитства, умалявшего человеческую природу Христа. *Севир* (или Север) — патриарх Антиохийский (512–538), глава группы «умеренных монофизитов». О скрытых смертопоклоннических тенденциях, проявивших себя в основных христианских ересях, Горский и Сетницкий писали в работе «Смертобожничество» (Харбин, 1926).

⁵⁷ Ин. 10: 38, Ин. 14: 10–11.

⁵⁸ 1 Кор. 14: 8.

⁵⁹ «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19).

⁶⁰ Из письма Федорова Кожевникову от 30 мая 1900 г. (*Федоров*. IV, 423–424).

⁶¹ Лк. 18: 8.

⁶² См.: *Властов Г.* Священная летопись первых времен мира и человечества. СПб., 1876–1878.

⁶³ Цитата из письма Федорова Кожевникову от 21 марта 1899 г. (*Федоров*. IV, 377).

⁶⁴ Характерна в этом отношении статья К. Н. Леонтьева «О всемирной любви» по поводу речи Достоевского на Пушкинском празднике: «Христос пророчествовал не гармонию всеобщую (мир всеобщий), а всеобщее разрушение <...> пророчество всеобщего примирения людей о Христе не есть православное пророчество, а какое-то чуть-чуть не еретическое. Церковь этого мира не обещает <...> Христос, повторяю, ставил милосердие или доброту личным идеалом. Он не обещал нигде торжества поголовного братства на земном шаре» (*Леонтьев К. Н.* Наши новые христиане. Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. М., 1882. С. 16–17).

⁶⁵ *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis. СПб., 1907; *Его же.* Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, 1926; *Аггеев К. М., свящ.* Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909; *Розанов В. В.* Поздние фазы славянофильства. К. Леонтьев. 1899; Опавшие листья. Короб первый. 1913; Письма к Ф. Э. Голлербаху. 1922; *Куклярский Ф.* Осужденный мир. Философия человеческой природы. СПб., 1912 (Гл. «К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека»).

⁶⁶ Это письмо В. С. Соловьева К. Н. Леонтьеву (конец февраля — первые числа марта 1885 г.) было опубликовано Н. А. Сетницким: Вселенское Дело. Вып. 2. [Харбин], 1934. С. 147–148.

⁶⁷ Иоиль 2: 13–14.

⁶⁸ Эта и предыдущая цитаты — из черновика письма Федорова С. П. Бартеневу (под заглавием «Набат к светским и духовным...» опубликовано в: *Федоров*. IV, 153–154).

⁶⁹ Евр. 11: 2.

⁷⁰ Ин. 5: 24.

⁷¹ Цитата из четвертой части «Вопроса о братстве...» (*Философия общего дела*. I, 308–309). В «Слове огласительном во святый и светоносный день... Воскресения» константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста (ок. 350–407) разделить радость Светлого Воскресения призываются все, «постившиеся и не постившиеся», «воздержанные и ленивые», пришедшие в первый и в одиннадцатый час, «ибо любвеобилен Владыка — и принимает последнего как первого, и упокоивает пришедшего в одиннадцатый час так же, как и делавшего с первого часа, — и последнего милует, и первому угождает».

⁷² Федоров имеет в виду эпизоды из жития мученицы Христины и Карпа, одного из 70 апостолов, друга ап. Павла (некоторые агиологи различают двух Карпов и упоминаемого в данном контексте считают не апостолом, а критским пресвитером).

⁷³ «*Хождение Богородицы по мукам*», или «Апокалипсис Пресвятой Богородицы» — греческий апокриф, получивший широкое распространение в России (древнейший русский список — XII в.). Здесь повествуется о том, что Богоматерь, пройдя вместе с архангелом Михаилом по всем отделениям ада и скорбя от увиденного, молит Небесного Отца помиловать грешников или позволить ей самой мучиться за них.

⁷⁴ Речь идет о *св. Кирилле, епископе Туровском* (ок. 1130-х гг., ум. не позже 1182), знаменитом проповеднике, авторе ряда «Слов», поучений, молитв и двух канонов. За мастерство, вдохновенность, лиризм, умение вводить слушателей в настроение церковного праздника Кирилл и был прозван «русским Златоустом».

⁷⁵ *Мережковский Д. С.* Тайна трех: Египет и Вавилон. Прага, 1925. С. 8.

⁷⁶ Матф. 22: 30.

⁷⁷ Цитата из статьи Федорова «О начале и конце истории» (*Философия общего дела*. I, 214).

⁷⁸ Цитата из чернового письма Федорова А. И. Введенскому (*Федоров*. IV, 267–268).

⁷⁹ Горский ссылается на эпизод спора афинского полководца *Фемистокла* (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) с предводителем спартанцев Эврибиадом по поводу плана Саламинского сражения (480 г. до н. э.). Когда в пылу спора Эврибиад хотел ударить Фемистокла, тот сказал ему: «Бей, но выслушай». В результате соглашение было достигнуто.

⁸⁰ Речь идет об апостоле Павле. Вначале он носил еврейское имя Савл и был ревностным гонителем христиан. Когда Стефан, один из апостолов и защитников Христовой веры, был побит камнями, Савл находился в числе зрителей и одобрял преступление. Затем он отправился в Дамаск, куда скрылись многие из учеников Христовых после убийства Стефана, но на пути Господь Иисус Христос открылся ему, после чего произошло немедленное обращение Савла, он был крещен и стал одним из самых горячих проповедников христианства, прежде всего среди язычников.

⁸¹ Соловьев В. С. Заметка о Е. П. Блавацкой (Соловьев. 6, 395, 396).

^{81a} Речь идет о второй части романа А. Белого «Москва» (М., 1926).

⁸² Ил. 21: 25.

⁸³ Эту фразу митр. Филарета (Дроздова) Федоров дважды ставит эпиграфом к своим статьям (см.: Федоров. II, 5; IV, 5).

⁸⁴ В данном очерке А. К. Горский стремится в полном объеме раскрыть федоровское понятие «регуляции», утверждая неразрывность внешнего воздействия на мир (метеорологической, космической регуляции) и внутренней «психофизиологической» перестройки человеческого организма. Обращается он и к проблеме синтеза искусств, ранее развивавшейся им в 1915–1916 гг. на страницах «Южного музыкального вестника». Откликаясь на популярные в 1920-е гг., идеи научной организации труда, Горский обосновывает необходимость организации самой науки на основе «нового организационного принципа» — художественного, а искусства — в поле религиозного идеала, т. е. утверждает идею синтеза науки, искусства и религии, их союза и сотрудничества в общем воскресительном, мироустроительном деле. При подготовке текста очерка помимо печатной брошюры использовалась и машинописная копия, хранящаяся в Московском архиве А. К. Горского и Н. А. Сетницкого.

⁸⁵ Речь идет о работе К. Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», опубликованной в № 5 журнала «Научное обозрение» за 1903 г.

⁸⁶ Горский перечисляет имена ученых — пионеров ракетостроения.

⁸⁷ Горский ссылается на свою собственную брошюру. Описанный в ней эпизод приведен в одной из заметок Федорова о Толстом (Федоров. IV, 46).

⁸⁸ Уильям Крукс (1832–1919) и Джозеф Джон Томсон (1856–1940) — английский физики, занимавшиеся исследованием электрических разрядов в газах. Томсон в 1897 г. открыл электрон (в 1898 г.) и определил его заряд. На этой основе он предложил одну из первых моделей атома.

⁸⁹ Герман Минковский (1864–1909) — немецкий математик и физик, выдвинувший идею об объединении трех измерений пространства и времени в одно четырехмерное пространство, в котором справедлива псевдоевклидова геометрия. Элементы такого пространства («события») имеют физическую реальность независимо от системы отсчета.

⁹⁰ Речь идет об опыте, проведенном в 1881 г. американским физиком Альбертом Майкельсоном (1852–1931), в результате которого была доказана независимость скорости света от движения Земли. Опыт Майкельсона не нашел себе объяснения в классической физике и был объяснен только теорией относительности, где постоянство скорости света во всех инерциальных системах отсчета принимается как постулат.

⁹¹ Горский цитирует неточно. У Федорова вместо слова «смерти» в обоих случаях стоит «вражды» (см. примеч. 4 к фрагменту работы Г. В. Флоровского «Пути русского богословия»).

⁹² Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840).

⁹³ Речь идет о книге немецкого медика-психоаналитика Карла Абрагама «Джиовани Сегантини» (Одесса, 1913).

⁹⁴ необходимость, неизбежность (греч.).

⁹⁵ замкнутый круг (лат.).

⁹⁶ Блок А. А. Дневник. Вып. I. 1911–1913. Л., 1928. С. 193.

⁹⁷ В книге «Закат Европы» (рус. пер. — 1923) О. Шпенглер, развивая учение о сменяющих друг друга «организмах» культуры, определил западную культуру как культуру фаустовскую, которая — согласно общему закону развития культур — ныне вырождается в цивилизацию. Отсюда и тезис о том, что «роль художника кончена».

⁹⁸ Цитата из стихотворения С. Есенина «Русь советская» (1924).

⁹⁹ Цитаты из стихотворения С. Есенина «Проплясал, проплакал дождь весенний...» (1916–1917).

¹⁰⁰ Эта статья, представлявшая собой реферат статей французского философа Ж. М. Гюйо и французского историка, археолога Ж. Перро, была напечатана во II томе «Философии общего дела» (II, 216–228) как статья Федорова, однако, как выяснилось уже в наши дни, ее автором был Н. П. Петерсон, изложивший в реферате и ряд воззрений своего учителя (Федоров. Доп., 544, примеч. 9).

¹⁰¹ Цитата из вышеуказанной статьи (Философия общего дела. II, 228).

¹⁰² Цитата из статьи Федорова «Что такое добро» (Федоров. IV, 28–29).

¹⁰³ Цитата из статьи Федорова «Трагическое и вакхическое у Шопенгауэра и Ницше» (Философия общего дела. I, 151). В следующих абзацах Федоров также цитирует эту статью.

¹⁰⁴ В христианской символике Христос — «агнец Божий», трагедия же в переводе с греческого буквально означает «козлиная песнь» и происходит от древних дионисических, оргиастических культов (культы Диониса, в свите которого были сатиры, лесные божества с козлиными ногами).

¹⁰⁵ В данном абзаце обыгрывается цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Осень» (1833):

Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем...

¹⁰⁶ Музыковед и композитор Л. Л. Сабанеев (см. примеч. к его воспоминаниям о Федорове) много писал о Скрябине (см. его книги «Скрябин», М., 1922; «Скрябин», М., 1923), специально рассматривая его теорию тургического искусства, соборного творчества, грандиозного «действенного художественного акта».

¹⁰⁷ Откр. 15: 2–4.

¹⁰⁸ Николай Александрович Умов (1846–1915) — первый русский физик-теоретик, основатель учения о локализации и движении энергии. В противовес второму закону термодинамики выдвигал понятие антиэнтропийной сущности жизни, увеличивающей «стройность» в живых существах, во всем мироздании. В работе «Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли» (1906), из которой и взят цитируемый фрагмент, Умов указал, что человечество созидает вокруг себя как бы «вторую природу». Технику в этом процессе ученый выдвигал на первый план, видя ее задачей в том, чтобы распространить антиэнтропийный принцип стройности на «неорганизованную материю», на косное вещество.

¹⁰⁹ Здесь Горский касается федоровского переосмысления Божественной литургии как богочеловеческого дела. *Литургию оглашенных* (ту часть литургии, на которой в древности могли присутствовать не только христиане, но и готовящиеся к крещению, проходящие «оглашение», ка-

техизацию) Федоров понимал как процесс воспитания, раскрытия перед «сынами человеческими» их долга перед отцами и перед Богом отцов, «не мертвых, а живых», участия всех в познании, воссоединения всех живущих для совершения главного дела дел — «возвращения жизни тем, от коих ее получил». Это и будет *внехрамовая «литургия верных»*, ибо, по Федорову, таинство пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы есть прообраз будущего пресуществления праха умерших в живые плоть и кровь, совершенного соединенным действием человеческого усилia и Божией благодати.

¹¹⁰ Речь идет о книге *Игоря Глебова* (под этим псевдонимом печатался Борис Владимирович Асафьев (1884–1849), известный музыковед и педагог) «Скрябин. Опыт характеристики» (Пг., 1921). Борис Федорович *Шлецер* (1881–1969) — философ, музыкальный писатель и критик, автор книги «А. Скрябин» (Берлин, 1923). Идеи Шлецера о несомненном влиянии звуковых волн на психические и физические процессы и о возможности использовать это мощное звуковое воздействие «в созидательных, конструктивных целях», направить его «на восстановление плоти, реорганизацию вещества», оказали большое влияние на А. К. Горского (см. его статью «Окончательное действие» в № 7–8 журнала «Южный музыкальный вестник» за 1916 г.). Развитием этих идей явились те страницы работы Горского и Сетницкого «Смертобожничества», которые посвящены проблеме перехода от «имяславия» к «имядействию» — необходимости распространить на весь мир преобразующее действие божественной энергии, концентрируемой в звукообразе (*Горский А. К., Сетницкий Н. А. Соч. С. 85–92*).

¹¹¹ Василий Николаевич *Чекрыгин* (1897–1922) — оригинальный художник и мыслитель, последователь учения Н. Ф. Федорова. Несмотря на раннюю гибель, оставил около 1300 работ, по преимуществу графических. Наибольшая их часть представляет собой эскизы к монументальной фресковой росписи «Собора общего дела». Автор неопубликованного философско-эстетического трактата «О соборе воскрешающего музея», посвященного «памяти великого праведника и учителя Николая Федоровича Федорова».

¹¹² Анатолий Васильевич *Бакушинский* (1883–1939) — историк искусства, художественный критик и педагог.

¹¹³ Горский имеет в виду конструктивистские концепции искусства, в частности теорию «искусства жизнестроения», развиваемую в 1920-е гг. в Советской России литературно-художественным объединением «Левый фронт искусств».

¹¹⁴ Феликс *Ле-Дантек* (1869–1917) — французский биолог, сторонник учения Ж.-Б. Ламарка, философ. Развивал учение о всеобщей изменчивости, связи, приспособлении как основе бытия природы и человека. Главный принцип связи и приспособления выводил из явления ритмической вибрации в твердых телах, приводящей к «ассимиляции» («коллоидному резонансу»). В искусстве, по мнению Ле-Дантека, принцип приспособления, «функциональной ассимиляции» выражается в имитации, подражании формам, звукам, явлениям внешнего мира.

¹¹⁵ Откр. 13: 11–17.

¹¹⁶ Откр. 13: 1–12.

¹¹⁷ Неточная цитата из «Супраморализма» (*Философия общего дела*. I, 412).

¹¹⁸ Цитата из письма Федорова Кожевникову от 10 июля 1898 г. (*Федоров*. IV, 337).

¹¹⁹ Вильгельм Фридрих *Оствальд* (1853–1932) — немецкий физик и химик, философ.

¹²⁰ Сергей Федорович *Ольденбург* (1863–1934) — русский востоковед, индолог.

¹²¹ Александр Евгеньевич *Ферсман* (1883–1945) — геохимик и минералог. Ученик В. И. Вернадского.

¹²² *Теория ионного возбуждения* — или ионная теория возбуждения — теория, утверждающая, что возбуждение в различных тканях и органах возникает в результате изменения концентрации ионов. Разработана учеными Ж. Лебом, В. Нерстом и Петром Петровичем *Лазаревым* (1878–1942), который распространил выводы своих предшественников на органы чувств.

¹²³ Откр. 21: 23–25; 22: 2.

¹²⁴ Валериан Николаевич *Муравьев* (1885–1932) — философ, последователь идей Федорова, автор ряда неопубликованных философских, эстетических статей, а также книги «Овладение временем как основная задача организации труда» (1924), где оригинальным образом развивает проблему времени на основе теории множеств Г. Кантора.

¹²⁵ Алексей *Гастев* (1882–1941) — поэт и ученый, один из инициаторов и идеологов движения за научную организацию труда. Горский ссылается к его стихотворному сборнику «Поэзия рабочего удара», вышедшему в 1918 г.

¹²⁶ Герман *Вейль* (1885–1955) — математик, автор трудов по теории функций, чисел, теории групп.

¹²⁷ Неточная цитата из стихотворения А. А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...».

¹²⁸ *Телегония* — гипотеза о возможном влиянии свойств мужской особи, участвовавшей в предыдущем скрещивании с женской особью, на ее потомство, полученное от скрещивания с другими мужскими особями.

¹²⁹ Откр. 19: 20.

¹³⁰ Согласно теории *органопроекции*, выдвинутой в XIX в. Э. Каппом («Философия техники», 1877) и Л. Нуаре, развитие техники совершается путем копирования естественных органов человека, проекции их во внешний мир. В России Н. Ф. Федоров, а затем П. А. Флоренский (см. главу «Органопроекция» в его работе «У водоразделов мысли») утверждали, что соорудая совершенные механизмы, более мощные и всеисильные, чем наши органы, человечество стремится преодолеть собственную физическую немощь. Следующим же этапом, по мысли Федорова, должен стать этап уже не технического, а органического прогресса, совершенствования самого человеческого организма, регуляции бессознательных процессов, одухотворения, обожения всего телесного состава человека.

¹³¹ *Вересаев В. В.* Живая жизнь (Ч. 1. О Достоевском и Льве Толстом. 1911; Ч. 2. Аполлон и Дионис (о Ницше). 1915).

¹³² Откр. 13: 15.

¹³³ Откр. 15: 2.

¹³⁴ Ин. 19: 37.

¹³⁵ Последние слова Евангелия от Иоанна: «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21: 25).

¹³⁶ В завершающем очерке Горский рассматривает проблему «всемирной войны», указывая на те пути преодоления всеобщей розни, которые намечала активно-христианская мысль философа всеобщего дела.

¹³⁷ Откр. 14: 20.

¹³⁸ Цитата из III части «Вопроса о братстве...» (*Философия общего дела*. I, 203–204). Эта часть в основном была написана Федоровым еще в конце 1870-х — 1880-е гг.

¹³⁹ Об этой статье см. преамбулу к статье Н. А. Бердяева «Пророчества Н. Ф. Федорова о войне».

^{139a} Цитата из статьи Федорова «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудия спасения» (*Философия общего дела*. I, 669).

¹⁴⁰ Книга американского пацифиста Луи Поля Локнера «Генри Форд и его корабль мира. Воспоминания» (Л., 1926) была посвящена пацифистской акции американского промышленника Генри Форда (1863–1947), который в конце 1915 г. «на собственные средства снарядил “Корабль мира” и вместе с многочисленной группой пацифистов отплыл на нем в Европу, поставив себе целью добиться мира между воюющими народами» (Указ. соч. С. 17). Члены акции создали в Гааге конференцию по постоянному посредничеству, в которой приняли участие представители 5 нейтральных стран Европы (Швеция, Швейцария, Дания, Голландия, Норвегия) и США.

¹⁴¹ Локнер Л. П. Генри Форд и его корабль мира. Воспоминания. С. 16.

¹⁴² Рифлинг А. Новая мировая война. М.; Л., 1925. С. 10. В очерке «Острие мирового кризиса» Горский широко опирается на эту работу Адольфа Рифлинга, немецкого философа-неокантианца, написанную им специально для русского читателя.

¹⁴³ Желание порождает мысль (*нем.*).

¹⁴⁴ Рифлинг А. Новая мировая война. С. 8. Все дальнейшее изложение с цитатами строится на материале этой книги: см. с. 9–30.

¹⁴⁵ Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие (*лат.*).

¹⁴⁶ Семен Осипович Грузенберг (1876–1938) — писатель, публицист.

¹⁴⁷ Цитата из заметки «О марксизмах» (*Философия общего дела*. II, 323). Речь здесь идет о литературно-политическом журнале «Жизнь» (издавался в Петербурге в 1897–1901 гг., с 1898 г. являлся органом «легального марксизма») и «Начало», в котором сотрудничали П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, В. И. Ленин и др. (1899, вышло пять номеров, затем журнал был запрещен).

¹⁴⁸ В очерке «Острие мирового кризиса» Горский приводит предисловие М. Горького к книге Локнера (см. примеч. 140) почти целиком. Нами его цитаты сильно сокращены.

¹⁴⁹ Неточная цитата из предисловия Локнера (*Локнер Л. П.* Генри Форд и его корабль мира. Воспоминания. С. 16).

¹⁵⁰ Откр. 16: 13–14.

¹⁵¹ Неточная цитата из финального рассуждения Рифлинга: Рифлинг А. Новая мировая война. С. 31–32. Далее Горский цитирует Рифлинга также по этой брошюре.

¹⁵² Речь идет о поэтах «мировой скорби»: итальянце Джакомо *Леонарди* (1798–1837) и француженке Луизе Аккерман (1813–1890).

¹⁵³ *Жулавский Г.* Разговор с чертом // Жулавский Г. Из дома отцов. М., 1916. С. 118.

¹⁵⁴ По всей вероятности, ошибка памяти. В журнале «Полярная звезда», издававшемся с декабря 1905 по март 1906 г., указанной статьи Н. Ропшина не появлялось.

¹⁵⁵ последний довод (лат.).

¹⁵⁶ Цитата из стихотворения А. Блока «Ночь — как ночь, и улица пустынна...» (1908).

¹⁵⁷ «В Фарсис побежал, предвидя обращение ниневитян, ибо понимал, как пророк, милосердие Божие, потому и желал, чтобы пророчество не оказалось ложным» (церковнослав.) Имеется в виду бегство пророка Ионы, которому Господь велел идти в Фарсис проповедовать погрязшим во грехе ниневитянам, и последующее его роптание на Бога, снявшего пророчество о разрушении Ниневии после покаяния ее жителей (Иона 1: 3; 4: 1–3).

¹⁵⁸ «С корабля сброшенного за свои грехи и к душепагубному зверю низвергаемого» (церковнослав.). Во время бури корабельщики сбросили пророка Иону с корабля, плывшего в Фарсис (он признался, что буря настигла корабль из-за его греха), после чего пророк, проглоченный большим китом (здесь — символ сатаны), провел в его чреве три дня и три ночи (Иона 1: 12, 15; 2: 1).

¹⁵⁹ *Горький М.* [Предисловие] // Локнер Л. П. Генри Форд и его корабль мира. Воспоминания. С. 6. Последующие цитаты из Горького взяты именно из этого текста.

¹⁶⁰ Цитата из эссе М. Метерлинка «Боги войны», вошедшего в его сборник «Разум цветов» (1904).

¹⁶¹ Цитаты из пролога к поэме А. Блока «Возмездие» (1908–1913).

¹⁶² *Кунов Г.* Возникновение религии и веры в бога. М.; Пг., 1919 (2-е изд., испр. и доп. — М., 1923); *Гунов Г., Левин-Дорн Г.* Очерки по истории первобытной культуры. Ч. 1–3. Минск, 1923–1924.

¹⁶³ *Покровский М. Н.* Страх смерти и производственное значение религии // Под знаменем марксизма. 1922. № 9–10. С. 124. Горский касается здесь полемики, разгоревшейся в начале 1920-х гг. между историком Михаилом Николаевичем Покровским (1868–1932), утверждавшим определяющую роль страха смерти в становлении религиозного культа и считавшим научную победу над смертью единственным средством преодолеть этот страх, и Н. И. Бухариным, И. И. Скворцовым-Степановым и др., отрицавшими прямую связь между религией и переживанием смерти. Продолжение полемики см.: Под знаменем марксизма. 1922. № 11–12; 1923. № 1–3.

¹⁶⁴ Откр. 21: 4, 22.

¹⁶⁵ Мф. 22: 32; Мк. 12: 27; Лк. 20: 38.

¹⁶⁶ Евр. 5: 12–13.

¹⁶⁷ Статья Федорова «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае?», написанная совместно с Кожевниковым и впервые напечатанная в журнале «Русский архив» (1901. № 3), была помещена Н. А. Сетницким в качестве приложения к его работе «Русские мыслители о

Китае: В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров» (Известия юридического факультета. Т. 3. Харбин, 1926. и отд. оттиск).

¹⁶⁸ Здесь и ниже Горский цитирует работу Александра Леонидовича *Чижевского* (1897–1964), основателя гелио- и космобиологии, «Физические факторы исторического процесса» (Калуга, 1924), в которой ученый коротко изложил свою теорию зависимости разного рода земных бедствий и бурных событий: эпидемий, бунтов, войн, революций, от циклических электромагнитных возмущений на Солнце.

¹⁶⁹ Цитата из «Дневника писателя» за 1881 г. (*Достоевский*. 27, 18).

¹⁷⁰ О воздействии на статью Соловьева «Враг с Востока» (1892) идей Федорова о регуляции природы см. в наст. Антологии статью «В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений».

¹⁷¹ Примечание Н. А. Сетницкого. Под «позднейшими работами» Булгакова, он, вероятно, имеет в виду статьи «Душа социализма» и «Святой Грааль», появившиеся в 1931–1933 гг. в журнале «Путь».

Н. А. Сетницкий

Целостный идеал

Впервые: *Сетницкий Н. А.* О конечном идеале. Харбин, 1932. С. 65–90. Отд. оттиск: *Сетницкий Н. А.* Целостный идеал. Харбин, 1932. — 26 с.

Николай Александрович Сетницкий (1888–1937) — философ, экономист, эстетик, один из представителей русского космизма. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где занимался в семинаре Л. И. Петражицкого, под влиянием идей которого тогда находился, и М. А. Рейснера. После знакомства в 1918 г. с А. К. Горским, а через него — с «Философией общего дела» Н. Ф. Федорова становится убежденным последователем федоровского учения.

В 1923–1925 гг. в Москве совместно с А. К. Горским и В. Н. Муравьевым занимается вопросами научной организации труда (НОТ), рассматривая человеческий труд как мироустроительную деятельность, противостоящую энтропии, выдвигая в качестве конечной цели организованной, коллективной работы регуляцию природы, планетарно-космическое преобразование. Проблемы активного христианства поднимаются в этот период в совместной работе Сетницкого и Горского «Смертобожничество»; в статьях, посвященных имяславческим спорам, где они провозглашают необходимость перехода «от имяславия к имядействию».

В 1925 г. Н. А. Сетницкий вместе с семьей уезжает на службу в г. Харбин на Китайско-Восточной железной дороге, находившейся в совместном управлении СССР и Китая. Поступает на работу в Экономическое бюро КВЖД, занимается проблемами торговли и экономики Манчжурии, преподает на Юридическом факультете, собравшем среди своих сотрудников видных философов и правоведов. Помимо лекционной работы печатает статьи в «Известиях Юридического факультета», ведет экономический кружок, активно участвует в заседаниях философского объединения, возглавляемого проф. Н. В. Устряловым. Связан он и с литературными кругами Харбина: среди его друзей и знакомых — А. Несмелов, В. Иванов,

С. Скиталец, молодые поэты «Чураевки», литературно-художественного объединения, созданного в 1926 г. педагогом и поэтом Алексеем Ачаиром. В харбинские годы Сетницкий пишет много стихов, в том числе и на библейские темы (в 1931 г. выходит сборник его поэм под названием «Валаам»), выпускает в свет две большие философские поэмы — «Эпафродит» (Харбин, 1927) и «Высказывания и картины» (Харбин, 1935).

Много сил и труда отдает он в этот период публикаторской и издательской деятельности. Печатает — причем на собственные средства — работы Горского, в 1928 г. начинает переиздание I тома «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, готовит к печати материалы неизданного III тома — их публикации появляются в парижском журнале «Путь» (№ 10, 18, 40), составляет и издает в 1934 г. второй сборник «Вселенского Дела», посвященный 30-летию со дня смерти Федорова.

Именно на харбинские годы приходится период философской зрелости Сетницкого. В книге «О конечном идеале» (Харбин, 1932), написанной как опыт «оправдания истории», он противопоставляет позиции «эсхатологического катастрофизма», идее краха и неудачи истории концепцию «эсхатологии спасения». Полемизирует с сочинением П. И. Новгородцева «Об общественном идеале», строит собственную теорию идеала: идеал как проект, требующий своего воплощения в реальности; выводит понятия «дробных идеалов» и «целостного идеала», предполагающего «полноту счастья и всеобщность спасения». В эстетике Сетницкого развивается представление о проективно-символической сущности искусства, о художественной деятельности как идеалотворчестве. Перспективы развития искусства философ полагает на путях перехода от «эстетики трагического синтеза» к «литургическому искусству», включенному в богочеловеческое домостроительство. См. также вступит. статью и материалы II тома Антологии.

Подробнее см.: *Горский А. К., Сетницкий Н. А.* Соч. М., 1995; Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. М., 2003.

Печатается глава из первой части книги Н. А. Сетницкого «О конечном идеале». Своё обращение к проблеме идеала Н. А. Сетницкий в небольшом вступлении к книге связал с той кризисной, катастрофической ситуацией, которая сложилась в европейском мире за последние десятилетия и требовала «какого-то нового осмысления, позволяющего говорить о выходе, о жизненном и творческом преодолении того распада, которым охвачено человечество». «В проблеме идеала, — писал он, — и в учении о высшей цели в настоящее время лежит ключ к разрешению большинства задач, стоящих перед современным человечеством, над разрешением которых оно бьется в судорожных усилиях, стремясь ощупью найти правильный путь к единому, объединяющему, координированному действию» (О конечном идеале. С. 1, 2). Путь к такому действию, по мысли Сетницкого, указан философией Федорова, в которой дан человечеству высший, целостный идеал, преодолевающий относительные, дробные идеалы современности.

В отделе русского зарубежья РГБ хранится отдельный оттиск главы «Целостный идеал» (Харбин, 1932) с дарственной надписью Н. А. Сетницкого.

¹ Первоначальное название работы «Супраморализм». Среди материалов к III тому «Философии общего дела» сохранился ряд первоначальных заметок и набросков к ней (опубликованы: Федоров. III, 315–354).

² Все эти противопоставления проведены в главках работы «Супраморализм» (*Философия общего дела*. I, 429–442).

³ Здесь и далее Сетницкий ссылается на 1–3 выпуски предпринятого им в Харбине переиздания I тома «Философии общего дела»: Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Издание второе. Т. I. Вып. 1. Харбин, 1928; Т. I. Вып. 2. Харбин, 1929; Т. I. Вып. 3. Харбин, 1930. Каждый из выпусков содержал соответственно I, II и III части «Вопроса о братстве...».

⁴ Источником данных сведений Н. А. Сетницкому послужила брошюра А. К. Горского «Перед лицом смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров» (Харбин, 1928).

⁵ Речь идет об одной из статей постоянной рубрики «Дневник политика», которую П. Б. Струве вел в газете «Россия и славянство». Представив в этой статье разбор новых пореволюционных изданий: журналов «Новый Град» и «Утверждения» и критикуя их позиции за «неспособность дать какие-нибудь ясные и прочные устои мировоззрения, социального и политического», Струве подчеркивал, что в качестве таких устоев не могут быть избраны ни социализм, ни христианство «Нового Града», «которое в лучшем случае опирается на фантазмы Н. Ф. Федорова (вероятно — душевнобольного), в худшем — на метафизические измышления Н. А. Бердяева (Россия и славянство. 16 января 1932. № 164).

⁶ Вторая глава книги Сетницкого «О конечном идеале», носящая название «Идеал и трагедия», была посвящена разбору философской работы Н. В. Устрялова «Проблема прогресса», опубликованной в «Известиях юридического факультета» (Т. 9. Харбин, 1931 и отд. оттиск).

⁷ Устрялов Н. В. Проблема прогресса. Харбин, 1931. С. 18. Об отношении Устрялова к идеям Федорова см. вступительную статью, а также публикацию во II томе Антологии.

⁸ Концепция «идеократии», сформулированная одним из главных идеологов евразийства Н. С. Трубецким, а затем развивавшаяся Н. Н. Алексеевым, К. А. Чхеидзе и др., была основана на представлении о том, что в основе каждой культуры лежит присущая ей органически идея, которая и формирует ее особый, непохожий на других облик, влияя также на становление общественных и государственных институтов. Большей частью это влияние идеи на культуру народа не является осознанным, будучи же переведена в область сознания, она образует особую систему власти — идеократию, в которой находящийся у власти «правлящий слой» спаян единством мировоззрения, а государственное строительство всецело руководится верховной идеей. Утвердившийся в Советской России строй евразийцы считали «ложной» идеократией, предлагая сменить его идеократией «истинной», основанной на евразийской доктрине (а К. А. Чхеидзе, убежденный сторонник идей Федорова, призывал даже к созданию целостной идеократии, основанной на федоровском учении). Подробнее см. вступительную статью и раздел «“Философия общего дела” Н. Ф. Федорова в духовных исканиях русского зарубежья» во II томе Антологии.

⁹ В работе «СССР, Китай и Япония (Начальные пути регуляции)», вышедшей несколькими месяцами позднее, чем книга «О конечном идеале», Сетницкий подробно писал об истории постановки вопроса об искусственном дождевании в Советской России 1920 — начала 1930-х гг. Так, он касался «Плана капитального строительства в СССР», в котором прямо говорилось о необходимости борьбы «с языком пустыни», о предотвращении тенденции обезлесивания и иссыхания плодородных земель Юга России (на ее опасность в последней трети XIX в. указывали В. В. Докучаев, А. С. Ермолов, В. С. Соловьев). Обращал внимание на программу «восстановления и сооружения ирригационных систем Туркестана, Поволжья и Украины», выдвинутую в первом пятилетнем плане, разбирал публикации по проблеме дождевания, упоминал «Всесоюзное совещание по искусственному дождеванию, положившее начало широкому развертыванию научно-исследовательских и опытных работ, осуществление которых должно привести», по мысли Сетницкого, «к величайшей победе — к планомерному воздействию на стихийные силы природы»; излагал историю создания в Москве в 1932 г. Института искусственного дождя, организованного по постановлению НКЗема СССР при Гидрометеорологическом комитете СССР и ставившего своей задачей «искусственное вызывание дождя в засушливых районах», «искусственное прекращение затяжных дождей в районах с избыточной влажностью», «стабилизацию облаков», «борьбу с туманами — на аэродромах, в гаванях и городах», «искусственное образование туманов для борьбы с заморозками», «борьбу с градобитием» и т. п. Здесь же философ выдвигал и собственный проект сотрудничества России с Японией и Китаем в деле предотвращения засух и борьбы с тихоокеанским муссоном (*Сетницкий Н. А. СССР, Китай и Япония (Начальные пути регуляции)* // Известия Юридического факультета. Т. 10. Харбин, 1933. С. 198–207).

¹⁰ Термин *материологизм* был выдвинут и обоснован В. Н. Ильиным. В работе «Шесть дней творения» он писал: «Христианство есть религия Воплощенного Логоса, Воплощенной Божественной мысли, принявшего плоть Божественного Слова. <...> Человек, носящий образ и подобие Божественного Слова (так веруют христиане), поскольку он добросовестно мыслит, а значит — изучает, создает науку, — делает это силой Логоса, его Именем; и то, что он открывает, есть действие Логоса в мире. Не материализм и не спиритуализм лежат в основе христианской философии, но *священный материологизм*» (*Ильин В. Н. Указ. соч. С. 8*). Писатель и философ-евразиец К. А. Чхеидзе, глубоко ценивший работы Ильина, продолжая его мысль, указывал на понятие материологизма как на тот чаемый синтез, который может наконец вывести из антиномии Марксова безбожного материализма и спиритуалистического идеализма. Причем основу такого синтеза видел как раз у Федорова, философа «синтетического типа», в мысли которого «намечается, а частью и осуществляется уже новое учение, охватывающее духовную и практическую жизнь, отвечающее требованию монизма и конкретизма; не являющееся ни “идеализмом”, ни “материализмом”, но вбирающее то и другое, и — одновременно — стоящее вне и над — этими диаметрально противоположными учениями» (*Russia USSR. A Complete Handbook. New York, 1933. P. 678*).

¹¹ Федоров делает сравнение человека с машиной только однажды и именно так, как комментирует это Сетницкий — в сугубо полемическом

смысле: обращаясь к вульгарным материалистам, он указывает им на то, что из их собственного сравнения человека с машиной вытекает возможность воскрешения: мол, коль скоро вы думаете, «что организм — машина и что сознание относится к нему, как желчь к печени, — соберите машину и сознание возвратится к ней! Ваши собственные слова обязывают же вас, наконец, к делу» (*Философия общего дела*. I, 288). К сожалению, эта фраза мыслителя, имевшая смысл именно дидактического приема, часто истолковывалась и истолковывается предвзятыми критиками как свидетельство его собственного вульгарно-материалистического подхода к воскрешению.

¹² Сетницкий имеет в виду предыдущую главу своей книги «О конечном идеале», носящую название «Эсхатология и идеалы». Сетницкий рассматривает здесь проблему идеала в непосредственной ее связи с эсхатологической темой, с вопросом о конце истории и выделяет два возможных (и противоборствующих) варианта эсхатологии — эсхатологию гибели (мифология древних скандинавов, идеи Шопенгауэра, Гартмана, Ницше) и эсхатологию спасения. Последняя, по его указанию, представлена, с одной стороны, «христианской популярной эсхатологией райского блаженства» и с другой, идеей коммунистического земного рая, причем обе эсхатологии не свободны от ущерба (невсеобщность спасения в ортодоксальном христианстве, попытка создать благополучное общество в падшем и смертном мире — в утопии социализма). Все это, по мысли Сетницкого, идеалы дробные, но возможен иной, активно-христианский идеал, в котором главные недостатки двух предыдущих будут преодолены. Эта мысль и служит философу переходом к следующей главке, где он рассматривает философию Федорова как путь к такому целостному идеалу.

¹³ идолы площади (*лат.*).

¹⁴ Во второй части книги «О конечном идеале» Сетницкий будет рассматривать в качестве одного из главных источников построения целостного идеала «Откровение Иоанна Богослова», стремясь к истолкованию его в активно-христианском, *федоровском* духе.

В. Н. Ильин

Н. Федоров и преп. Серафим Саровский

Впервые: Вестник РСХД. 1931. № 7. С. 8–13; № 8–9. С. 9–26; № 11. С. 13–16. Печатается по: *Ильин В. Н. Эссе о русской культуре*. СПб., 1997. С. 94–115.

Владимир Николаевич Ильин (1891–1974) — философ, богослов, литературный и музыкальный критик, композитор. С 1925 по 1941 г. — преподаватель Православного Богословского института в Париже. Активно участвовал в Русском студенческом христианском движении. В 1941–1942 гг. жил в Берлине. Затем вернулся в Париж. После войны читал «лекции на апологетических курсах в церкви Московского патриархата, в институте богословия, основанном о. Евграфом Ковалевским» (*Козырев А. П. В тени Парнаса и Афона // Ильин В. Н. Эссе о русской культуре*. С. 28–29). Автор книг: Преподобный Серафим Саровский. Париж, 1925; Запечатанный гроб. Пасха нетления. Объяснение служб Страстной недели и Пасхи. Париж, 1926; Всенощное бдение. Париж, 1927; Атеизм и гибель

культуры. Варшава, 1929; Шесть дней творения. Библия и наука о творении и происхождении мира. Париж, 1930; Арфа Царя Давида в русской поэзии. Брюссель, 1960; Религия революции и гибель культуры, Париж, 1987 и др. Печатался в «Пути», «Вестнике РСХД», «Возрождении», «Новом журнале» и др. Многие философские, богословские, литературоведческие труды В. Н. Ильина до сих пор не опубликованы.

Интерес к наследию Федорова возникает у В. Н. Ильина в 1920-е гг. Первая из написанных им статей о Федорове — «О религиозном и философском мировоззрении Н. Ф. Федорова» — была напечатана в 1929 г. в «Евразийском сборнике» (поводом к ее написанию стал раскол внутри евразийского движения; текст статьи см. во II томе Антологии в разделе ««Философия общего дела» Н. Ф. Федорова в духовных исканиях русского зарубежья»). В 1931 г. появляется вторая статья Ильина «Н. Ф. Федоров и преп. Серафим Саровский», вошедшая в серию его «Этюдов о русской культуре» и представлявшая собой пятый этюд. Упоминания о Федорове периодически встречаются в статьях и книгах Ильина 1930–1960-х гг. В 1950-е гг. Ильин написал отдельную книгу о Федорове (хранится в собрании В. Н. Ильиной, в настоящее время готовится к печати). Об отношении В. Н. Ильина ко взглядам Федорова см. вступительную статью к Антологии.

¹ Что же такое философия? — самое ценное (*греч.*).

² См. примеч. 4 к статье С. Н. Булгакова «Душа социализма».

³ 1 Ин. 3: 15.

⁴ Ниспал до скотов бессознательных и им уподобился (*церковнослав.*).

⁵ День гнева (*лат.*). Начало католической секвенции, песнопения, входящего в заупокойную службу (реквием) и посвященного дню Страшного суда. Авторство текста приписывается Томмазо да Челано (ум. 1256).

⁶ Речь идет о пророке Илие, взятом живым на небо. Фесвитянином его называют по его происхождению из города Фесвы.

⁷ К проблеме «техника и христианство» В. Н. Ильин обращается неоднократно. В одноименной статье, опубликованной в 1933 г. в журнале «Новый Град» (№ 7), говоря о колоссальных возможностях, открываемых техническим прогрессом, он в то же время указывает на секулярный, обезбоженный характер этого прогресса и выдвигает задачу христианизации научно-технической деятельности человечества, причем именно церковь, по мысли Ильина, должна стать во главе этой радикальной реформы. «И в церковной и во вне-церковной философии слишком долго пользовались расслабляющими и женственными наслаждениями бездейственного созерцания, совершенно забыли про жгучую, мужественную правду, выраженную в словах гениального Н. Ф. Федорова: “Мир дан нам не для поглядения, а для делания”» (Указ. соч. С. 64). Ту же проблему поднимает Ильин и в статье «О религиозном и философском мировоззрении Н. Ф. Федорова», и в упомянутой выше книге о нем. Федоров, подчеркивает Ильин, утверждает «принципиальное всемогущество техники, но с обязательным повращением этого всемогущества на добрую цель», на дело спасения бытия от энтропии, на дело борьбы со смертью, этим высшим проявлением зла (Цит. по машинописи, хранящейся в собрании В. Н. Ильиной).

⁸ Ср. то, что писал В. Н. Ильин уже в 1950-е гг. в статье «Воскресение Христово, новая тварь и суд миру»: «...Мы сталкиваемся с одним страшным недугом, поразившим вместе с падением и первородным грехом не только все человечество, но в особенной степени христианство. Недуг этот назвал проповедник Воскресения новейшего времени Н. Ф. Федоров: *поклонением смерти или смертoboжничеством*. Но тот, кто имеет державу смерти, есть князь века сего, диавол. Смерть есть предельное бесславие, опозорение, тление и растреление». И далее: «...Буквально почти все, если не совершенно все в том, что называется “миром”, построено на смертoboжничестве, пассивном или активном и на признании князя века сего единственным и неоспоримым владыкой» (Вестник РСХД. 1950. № 2. С. 14, 15).

⁹ Ин. 14: 12.

^{9a} См. примеч. 1 к статье Н. О. Лосского «Н. Ф. Федоров».

¹⁰ В. Н. Ильин имеет в виду свою статью «О религиозном и философском мировоззрении Н. Ф. Федорова», опубликованную в 1929 г. в «Евразийском сборнике».

¹¹ Первый выпуск харбинского переиздания «Философии общего дела» (см. примеч. 3 к статье Н. А. Сетницкого «Целостный идеал») открывался биографическим очерком о Федорове, написанным А. К. Горским (параллельно этот очерк был напечатан в качестве первого выпуска очерков Горского «Н. Ф. Федоров и современность» и под тем же псевдонимом «А. Остромиров»).

¹² Приведенная Ильиным цитата взята А. К. Горским (Остромировым) из книги В. А. Кожевникова о Федорове (*Кожевников*, 3–4).

¹³ Позднее проблеме «вечной памяти» Ильин посвятит специальную статью «Вечная память как дело Божие и вечное забвение как орудие князя века сего» (Вестник РСХД. 1951. № 4. С. 2–8), где также сошлется на Н. Ф. Федорова и П. А. Флоренского. А в своей книге о Федорове назовет мыслителя «служителем духа вечной памяти».

¹⁴ Откр. 22: 20.

¹⁵ Публикация, на которую ссылается Ильин, была подготовлена Н. А. Сетницким и содержала черновую статью Федорова «Религиозно-этический календарь», а также серию связанных с ней заметок. В кратком предисловии публикатор подчеркивал, что печатаемые тексты «относятся к тем частям богословия», которые Федоров назвал «богословием педагогическим и эстетическим», и представляют собой попытку осмыслить календарь как историко-воспитательное орудие» (Путь. 1928. № 10. С. 3–4).

¹⁶ *Симеон, архиепископ Солунский* (XV в.) — выдающийся церковный писатель и богослов, толкователь богослужения Православной церкви. Архиеп. *Вениамин* (Краснопевков) (1738–1811) — автор сочинения «Новая скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных» (М., 1803). Сочинение архиеп. Вениамина хорошо знал Федоров и ссылался на него в работе «Вопрос о братстве...» (*Федоров*. I, 117).

¹⁷ Приведенная Ильиным цитата находится в I томе «Философии общего дела» не на с. 68, а на с. 70.

¹⁸ *Иларий Пиктавийский* (ум. 367), свт., один из учителей Западной церкви, активный противник арианства, твердый защитник тринитарно-

го догмата. Автор сочинений «De trinitate» (о Божестве Сына Божия), «De Synodis» (о поместных соборах Востока и Запада, направленных против арианства), «Посланий к императору Констанцию» и др.

¹⁹ Речь идет о «Величании Пасхи», написанном Федоровым по образцу стихир Пасхи, исполняемых на Пасхальной утрени. Текст «Величания...» был послан им В. А. Кожевникову в письмах от 22 марта и 2 апреля 1896 г. (опубликованы в указанном номере газеты «Евразия»; ср. также: Федоров. IV, 303–306).

²⁰ Пауль Тиллих (1886–1965) — протестантский теолог и философ, призывавший к созданию так называемой «теологии культуры», которая освятила бы религиозной целью все стороны общественной жизни; сторонник «экуменического синтеза» в богословии. В 1920-х гг. лидер религиозно-социалистического движения в Германии.

²¹ Жизнь как символ (нем.).

²² Э. Дакс — палеограф, геолог, один из представителей философии жизни.

²³ ὁ καιρὸς γὰρ ἐγγύς ἐστί — ибо время близко (греч.). Выражение из 22 главы Откровения: «И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко» (Откр. 22: 10).

²⁴ Выражение из стихир, входящей в утреню Великого четверга.

²⁵ Мысль о пророческом значении Пушкина Достоевский развил в 1880 г. в своей знаменитой речи на торжествах по случаю открытия в Москве памятника Пушкину (Достоевский. 26, 136–137).

²⁶ Пророк Илия, будучи взят живым на небо, сбросил пророку Елисею с возносившей его огненной колесницы свою верхнюю одежду, милоть, передав таким образом ученику свою духовную силу.

²⁷ Цитата из стихотворения А. Блока «Гамаюн — птица вещая».

Н. О. Лосский

Н. Ф. Федоров

Впервые опубликовано на англ. яз.: Лосский Н. О. History of Russian Philosophy. London, 1952. P. 75–80. Печатается по изданию, подготовленному на основе авторизованной машинописи русского текста книги: Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994. С. 84–89.

Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) — философ, историк философии. В 1920–1930-е гг. — профессор Русского народного университета в Праге. В 1945 г. переехал в Париж, с 1946 г. — в США.

Внимание к Федорову пробудилось у Н. О. Лосского в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В 1929 г. Н. А. Сетницкий послал философу ряд своих харбинских изданий, в том числе работы А. К. Горского, а в 1932 г. отправил ему именной экземпляр своей книги «О конечном идеале», одна из глав которой («Целостный идеал») была посвящена учению всеобщего дела (этот экземпляр с пометами Лосского ныне хранится в научной библиотеке ГАРФ). На книгу «О конечном идеале» Лосский написал рецензию для журнала «Новый град», в которой дал краткий очерк и оценку

идей Федорова (1934. № 9. С. 89–92; печатается во II томе Антологии, там же см. и два письма Лосского Сетницкому).

Интерес к Федорову поддерживался у Лосского и его общением в Праге с К. А. Чхеидзе. Лосский присутствовал на докладе о Федорове, который Чхеидзе делал на заседании Пражского философского общества 8 февраля 1933 г., и участвовал в прениях. Именно через Чхеидзе получил Николай Онуфриевич в первой половине 1930-х гг. харбинские издания Сетницкого, и не только «О конечном идеале», но и работу «СССР, Китай и Япония. Начальные пути регуляции» (Харбин, 1933), сборник «Вселенское Дело» (Вып. 2. [Харбин], 1934) и др. Регулярно бывая в семье Лосских, Чхеидзе заинтересовал идеями Федорова даже тещу профессора, М. Н. Стоюнину, в свое время ближайшую подругу А. Г. Достоевской (в письме Сетницкому от 14 ноября 1932 г. он называет ее «большой и горячей поклонницей Н. Ф. Федорова» — ФР. I.3.27).

Как явствует из писем К. А. Чхеидзе Н. А. Сетницкому 1932–1935 гг., Лосский упоминал о Федорове в своих лекциях: по истории русской философии в Русском народном университете (Прага) и по русской религиозной философии в Гарвардском университете (1933) (см.: Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. С. 410).

Можно со всей уверенностью утверждать, что мнение Лосского о Федорове в общих чертах сложилось уже в первой половине 1930-х гг. и посвященные ему страницы в «Истории русской философии» — во многом плод размышлений тех лет.

¹ В настоящее время установлено, что год рождения Федорова — 1929-й.

² В скобках Лосский ставит страницу I выпуска харбинского издания работ Федорова, предпринятого Н. А. Сетницким (см. примеч. 3 к статье Сетницкого «Целостный идеал»).

³ Здесь Лосский ссылается на II выпуск указанного издания.

⁴ См. примеч. 11 к статье Сетницкого «Целостный идеал». Эту цитату, содержащуюся в IV части «Вопроса о братстве...», Лосский приводит по книге Сетницкого «О конечном идеале».

⁵ Н. О. Лосский ссылается на главу «Целостный идеал» книги Сетницкого «О конечном идеале».

⁶ Лосский, работая над главой о Федорове, по всей вероятности, имел под рукой лишь харбинское издание его работ, остановившееся на III выпуске (III часть «Вопроса о братстве...»). Соответственно IV часть этой работы Федорова, где речь шла как раз о путях духовно-телесного преобразования человека (полноорганичность, психо-физиологическая регуляция, достижение душевной прозрачности, психократия), не была ему известна. Вообще, судя по содержанию главы о Федорове, Лосский писал ее в основном на материале I и II частей «Вопроса о братстве...».

⁷ Все указанные Лосским темы составили содержание I части «Вопроса о братстве...»

Л. Шестов

Н. Ф. Федоров

Впервые опубликовано на фр. языке: *Le Monde slave*. 1934. № 2. P. 155–158; на рус. яз.: *Шестов Л.* Умозрение и откровение. Париж, 1964. С. 125–130.

Статья философа и писателя Льва *Шестова* (1866–1938) представляет собой рецензию на харбинские издания Н. А. Сетницкого.

¹ См. примеч. 1 к статье Н. О. Лосского.

² Это высказывание А. Л. Вольнского о Федорове Шестов приводит по «Биографии» Федорова, написанной Горским (*Федоров и современность*. Вып. 1. С. 7).

³ В предисловии к четвертому выпуску очерков Горского *Федоров и современность* Сетницкий, рассказывая об истории этой работы, сообщал, что первоначально она предназначалась для журнала «Беседа» (у Сетницкого ошибочно — «Эпопея»), издававшегося в Берлине по инициативе и при непосредственном участии М. Горького, а затем велись «переговоры об опубликовании ее в издательстве З. И. Гржебина отдельной брошюрой» (*Федоров и современность*. Вып. 4. С. 1). Вероятно, Шестов решил, что Горький пытался содействовать изданию очерков, равно как и сочинений Федорова, в Советской России.

⁴ Эти сведения Шестов приводит по брошюре Горского «Перед лицом смерти» (С. 15).

⁵ Шестов цитирует по «Биографии» Федорова (*Федоров и современность*. Вып. 1. С. 9).

⁶ «только верую» (*лат.*). Имеется в виду сотериологическая доктрина протестантизма, согласно которой человек спасается не делами, а лишь своей верой.

⁷ Шестов имеет в виду очерк Горского «Организация мировоздействия», составивший третий выпуск серии «Н. Ф. Федоров и современность».

⁸ *Федоров и современность*. Вып. 4. С. 37.

⁹ Этих авторов Горский цитировал во втором и четвертом выпусках серии «Н. Ф. Федоров и современность».

Г. В. Флоровский

Пути русского богословия

Впервые: *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 399–414.

Философ и богослов Георгий Васильевич *Флоровский* (1893–1979) впервые заговорил в печати о Федорове в 1930 г., в рецензии на подготовленное В. Комаровичем немецкое издание черновых материалов к роману «Братья Карамазовы». Он полностью соглашался с выводами Комаровича, указавшего на связь замысла итогового романа Достоевского с идеями Федорова: «Не случайно трагическим центром романа оказывается отде-

убийство — эта прямая антитеза тому “общему делу” братства и любви, которое, по мысли Федорова, должно завершиться всеобщим воссоединением и воскрешением предков. В первоначальных набросках Достоевский дважды говорит о воскресении и воскрешении предков как о задаче. В окончательном тексте уже нет этой мысли, но воскресные тона и мотивы пронизывают весь роман. Не-братство братьев, убийство и воскресение — вот трагические темы в “Карамазовых”, навеянные Федоровым» (Путь. 1930. № 23. С. 122). Никакой оценки философии воскрешения Флоровский здесь не дает. Однако спустя пять лет, в 1935 г., в № 59 журнала «Современные записки» выходит его статья «Проект мнимого дела (О Н. Ф. Федорове и его продолжателях)», где подвергаются резкой критике и учение самого Федорова, и работы его последователей, прежде всего книга Н. А. Сетницкого «О конечном идеале» (текст статьи см. во II томе Антологии). Та часть статьи «Проект мнимого дела», которая касалась непосредственно Федорова, и была положена Флоровским в основу фрагмента о нем в «Путях русского богословия».

¹ См. примеч. 1 к статье Н. О. Лосского.

² Здесь Флоровский неточен. Ряд статей Федорова был опубликован еще при его жизни в русской периодической печати 1890–1902 гг. (анонимно или под псевдонимами). В I том «Философии общего дела», вышедший в 1906 г., были включены не только сочинения, написанные в конце 1870–1880-е гг., но и сочинения 1890-х и начала 1900-х гг. («Проект соединения церквей», «Разоружение», «Супраморализм» и др.), а во II том (1913 г.) — статьи и заметки, в подавляющем большинстве относящиеся к 1890-м — началу 1900-х гг.

³ Это фактическая ошибка — см. указатель имен в: Федоров. Доп. 588–589.

⁴ Неточное цитирование. У Федорова в данном случае речь идет не о смерти, а о вражде: «Нет вражды вечной, а устранение временной есть наше дело и наше задача» (*Философия общего дела*. I, 409; II, 247). Вероятно, Флоровский приводит эту цитату по III выпуску работы Горского Федоров и современность, где она дана именно в таком виде: «Нет смерти вечной...» и т. д.

⁵ Сближая идеи Федорова с теорией И. И. Мечникова, Г. В. Флоровский имеет в виду статью Мечникова «Очерк воззрений на человеческую природу» (Вестник Европы. 1877. № 4), которая действительно имеет ряд точек соприкосновения с федоровской концепцией. И. И. Мечников рассматривал две исторически сложившиеся точки зрения на человека. Согласно первой из них, наиболее отчетливо проявившей себя в античности, а затем в эпоху Возрождения, человек есть мера всех вещей, его нравственная и физическая природы равно совершенны и гармоничны. Согласно второй, человеческая природа далека от совершенства и должна быть видоизменяема в соответствии с направлением ума и совести человека. Неудовлетворенность «устройством нашего тела», подчеркивал Мечников, свойственна народам «на первобытной стадии развития» — не случайно дикари употребляют «целый ряд искусственных приемов» «с целью, по возможности, устранить некоторые природные особенности нашего организма»; она же, по убеждению ученого, проявилась и в христианском

миросозерцании, ориентирующем человека на подавление животных инстинктов. Эта вторая точка зрения, писал Мечников, соответствует и новейшим данным науки: «...человек представляется сложным результатом длинного процесса, оставившего по себе нередко очень явственные следы. Процесс этот вообще имеет характер одностороннего усовершенствования интеллектуальной стороны, подавившей ряд других сторон организма. Таким образом, человек, сравнительно с ближайшими к нему животными, одарен более емким черепом и обладает несравненно большей степенью умственных способностей, но в то же время он лишен готовых средств к защите, как, например, шерстяного покрова, сильных клыков и т. д.» (ср. близкие рассуждения у Н. Ф. Федорова в статье «Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь» (Федоров. II, 253)). Далее Мечников, полемизируя с антропологическими воззрениями просветителей, поднимал тему разлада в человеке, причем причины разлада полагал в несовершенстве самого «человеческого организма», в несоответствии между данными ему природой свойствами и «человеческим идеалом счастья» (Вестник Европы. 1877. № 4. С. 540, 554, 556). Ученый давал как бы естественно-научное обоснование тому представлению о двойственности, дисгармоничности природы человека, которое утвердилось в философской лирике XIX в., а с особой силой было раскрыто в творчестве Ф. М. Достоевского: «Можно утверждать, что вид Homo sapiens принадлежит к числу видов, еще не вполне установившихся и не полно приспособленных к условиям существования. Унаследованные им инстинкты потеряли свою первоначальную силу, сделались шатки, тогда как долженствующий стать на их место разум еще не достаточно развился и окреп. Отсюда раздвоение и разлад» (Там же. С. 558).

В поиске путей преодоления разлада в человеке Мечников подходил к активно-эволюционным выводам: «Наука только теперь приходит к убеждению в существовании органического разлада в человеческой природе, и возможно, что вскоре прикладное знание найдет возможность воспользоваться ее результатами, с целью “искусственным” путем восстановить большую гармонию». Уже нельзя считать, продолжает ученый, «что все прекрасно в первоначальном естественном своем виде. Нет, наша природа заключает стороны, которые могут и должны быть устранены и видоизменены, и прикладное знание (искусство в широком смысле) должно содействовать этому. <...> Отстаиваемое здесь воззрение существенно противоположно эллиническому фаталистическому натурализму. Оно старается выдвинуть активный фактор воли на подобающую ей арену и не подавлять многочисленных и столь дорогих человечеству стремлений и идеалов на основании лишь того, что они не могут быть совмещены с природою человека в данный момент. <...> В человеческом мире сознание и воля являются факторами процесса подбора, который в мире остальных организмов справляется без них, и основной разлад устраняется при помощи самого человека, активнейшего из всех живых существ» (Там же. С. 559–560). Федоров со статьей Мечникова был знаком и в письме Н. П. Петерсону от 25 апреля 1878 г. называл ее «замечательной» (Федоров. IV, 209). Но к трактовке Мечниковым проблемы смерти и продления жизни относился отрицательно (см. примеч. 9 к работе С. Н. Булгакова «Свет не вечерний»).

⁶ Еще один пример непонимания смысла фразы Соловьева из его письма к Федорову, датируемого июнем–июлем 1882 г. (см. в наст. Антологии): «Воскресить людей в том их состоянии, в каком они стремятся пожирать друг друга — воскресить человечество на степени каннибализма было бы и невозможно, и совершенно нежелательно», фразы, которая есть не спор с Федоровым, а изложение его собственной мысли (ср. в тексте письма далее: «С этим Вы, конечно, совершенно согласны — это Ваша собственная мысль»).

⁷ нереальный случай (лат.).

⁸ Г. В. Флоровский цитирует статью В. С. Соловьева «Идея человечества у Августа Конта» (*Соловьев*. 9, 189). О «федоровских мотивах» этой статьи см. в наст. Антологии статью «В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений».

⁹ В той части книги «Пути русского богословия», которая посвящена Соловьеву, Флоровский будет говорить о непосредственной связи соловьевского «Смысла любви» с идеями Федорова (*Флоровский Г. В. Пути русского богословия*. Париж, 1937. С. 464, 465).

¹⁰ *Никола Ретиф де ла Бретонн* (1734–1806) — французский писатель. В утопическом романе «Южное открытие, или Антиподы» (4 т., 1781) изобразил идеальное государство. В серии «Странные идеи» (5 т., 1769–1789) предвосхитил ряд идей утопического социализма начала XIX в.

В. Н. Ильин

<Ответ Г. В. Флоровскому>

Печатается по: Архив В. Н. Ильина. Собрание В. Н. Ильиной.
 Публикация В. Н. Ильиной.

Статья В. Н. Ильина писалась как ответ на критику идей Федорова, данную в работе Г. В. Флоровского «Пути русского богословия». Датируется концом 1940-х гг. на основании упоминания в тексте статьи издания «Автобиографических заметок» Булгакова (1946) и отсутствия в перечне писавших о Федорове В. В. Зеньковского (в 1950 г. выходит второй том его «Истории русской философии», в котором имелась отдельная подглава о Федорове).

¹ Речь идет об издании: *Булгаков С. Н. Автобиографические заметки*. Париж, 1946. Книга была подготовлена и издана Львом Александровичем Зандером (1893–1964) — философом, одним из главных деятелей Русского студенческого христианского движения, преподавателем Православного Богословского института в Париже. В главах «Мое безбожие» и «Пять лет» Булгаков описал тот внутренний переворот, который совершился в нем в 1910-е гг., и особенно с началом Первой мировой войны, по отношению к самодержавию. Ранее убежденный противник самодержавной власти, считавший царизм «главным религиозным врагом, с которым связана основная ложь нашей церковности», он вдруг почувствовал сакральный, теократический смысл монархии, «постиг, что царская власть в зерне своем есть высшая природа власти, не во имя свое, но во имя Божие». А когда прочел в газетах описание первого после начала войны выхода

императора в Зимнем дворце и воочию представил себе народные толпы, опустившиеся перед царем на колени, словно пелена спала с глаз: «Это было явление *Белого царя* своему народу, на миг блеснул и погас апокалипсический луч Белого Царства. Для меня это было откровение о царе, и я надеялся, что это откровение для всей России» (*Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 75, 82, 83*). Ильин справедливо указывает на то, что подобный поворот Булгакова к «идее священной царской власти», раскрывшей ему в новом свете многие вехи русской истории (Там же. С. 82), совершился не без влияния Федорова. Интересно, что ту же точку зрения высказывают и Н. А. Струве и А. П. Олейникова в комментарии к современному изданию «Автобиографических заметок»: «Понимание Булгаковым роли Царя и самодержавия в России близко тому, которое развивал Н. Ф. Федоров в своей статье “Самодержавие”» (*Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 448*).

² Это сравнение было дано С. Н. Булгаковым в работе «Свет не вечерний».

³ Далее в рукописи следует подробное и близкое к тексту изложение фрагмента о Федорове из «Путей русского богословия».

⁴ *Г. Гельм* — немецкий ученый, представитель энергетизма.

⁵ Мф. 11: 18–19.

⁶ В. Н. Ильин имеет в виду одно из высказываний о Федорове Н. Н. Черногубова, приведенное А. К. Горским в I выпуске очерков *Федоров и современность*: «У Федорова — клиническая сухость. Человечество — больной. Надо вылечить — вызвать. Диагноз поставить. Кокетства не признавал» (*Федоров и современность. I, 17*).

⁷ Речь идет об издании: *Сперанский Е. Е. Проблемы социальной физики XVII в. Т. 1–2*.

⁸ Иак. 1: 22.

⁹ Флп. 4: 13.

В. В. Зеньковский

Н. Ф. Федоров

Впервые: *Зеньковский В. В. История русской философии. Т. II. Париж, 1950. С. 131–147*. Параллельно глава была напечатана в «Вестнике РСХД» (1950. № 1. С. 2–9; № 2. С. 17–22).

Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) — философ, психолог, историк русской философии. Интерес к идеям Федорова пробудился в нем еще в 1910-е гг., в годы жизни и работы в Киеве, где он возглавлял Институт дошкольного воспитания, а с 1915 г., после защиты магистерской диссертации, являлся профессором философии Киевского университета. В письме Н. П. Петерсону от 27 апреля 1913 г. В. А. Кожевников, перечисляя тех, кто сочувственно откликнулся на выход в свет I и II томов «Философии общего дела», называет и В. В. Зеньковского: «“Глубоко интересной” считает ее и киевский философ Зеньковский» (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 6. Ед. хр. 43. Л. 36 об.). В своих статьях 1910-х гг. Зеньковский упоминает Федорова хотя и нечасто, но с неизменным сочувствием. А уже в эмиграции, став в 1920–1930-е гг. одним из главных организаторов и

идеологов Русского студенческого христианского движения, включает Федорова в число тех деятелей русской культуры, духовное наследие которых питало идеологию движения, стремившегося к «оцерковлению жизни» (Путь. 1925. № 1. С. 92), к христианизации культуры (Вестник РСХД. 1995. № 8–9. С. 15). В книге «Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей» (Париж, 1926). Зеньковский пишет о Федорове как о философе, проницательно указавшем на «небратство» как на определяющую черту того ложного уклада жизни, который воплощала в себе, по мнению славянофилов, почвенников, Достоевского, цивилизация Запада. А в работе о жизни и творчестве Гоголя (Париж, 1961) заявляет тему «Н. В. Гоголь и Н. Ф. Федоров». Рассматривая в свете религиозной идеи писателя персонажей II тома «Мертвых душ», он останавливается на образе Костанжогло, в котором Гоголь пытался изобразить «идеального помещика», и заключает: «Мы должны признать, что в претворении хозяйственной активности в “праведное хозяйствование” действительно заключена наиболее трудная и именно в этом смысле основная и первая задача христианского преобразования жизни. <...> Значение хозяйственной утопии Гоголя заключается в том, что он на ней поставил ударение в вопросе христианизации жизни. Лишь один русский мыслитель пошел дальше Гоголя в этом вопросе — это Н. Ф. Федоров с его защитой “общего дела” (очень любопытно совпадение основной формулы Гоголя и Федорова). Но мысль Федорова не была скована существующим социальным status quo, и потому он смело и прямо обращен к теме о преобразении жизни во всей глубине и полноте этой идеи» (Зеньковский В. В. Гоголь // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 230).

¹ В. В. Зеньковский цитирует фразу из статьи «Искусство, его смысл и назначение». В настоящее время установлено, что эта статья принадлежит не Федорову, а его ученику Н. П. Петерсону. Соответственно и высказывание, которое Зеньковский приводит в подтверждение «оптимистической уверенности» Федорова в том, что стоит только понять, в чем смысл жизни, и все проблемы будут решены, принадлежит именно Петерсону. Сам же Федоров был как раз критиком подобных утверждений в духе Толстого, любившего повторять: «Только бы поняли люди и т. д.» (см. его статьи о Толстом) и не раз выступал против беспечной веры в прогресс, якобы ведущих к царству гармонии и совершенства: «История потеряла счет попыткам устроить братство, не обращая внимания на причины небратства» (II, 363). Впрочем, далее сам Зеньковский указывает, что у Федорова речь идет не только о том, чтобы *понять* цель жизни, но и о том, чтобы *исполнить* ее и именно последнее является необходимым условием воцарения блага.

² В III главе второй части книги «История русской философии» Зеньковский рассматривал жизнь и философские взгляды Виктора Дмитриевича Кудрявцева-Платонова (1828–1891), подчеркивая своеобразие его понимания «истины»: по мысли Кудрявцева, «истина “есть совпадение того, чем должен быть предмет, с тем, что он есть или бывает”» (Зеньковский В. В. История русской философии. Т. II. С. 77).

³ Ср. оправдание «христианского натурализма» в статье С. Н. Булгакова «Святой Грааль».

⁴ *amor fati* — любовь к року, *odium fati* — ненависть к року (лат.).

⁵ В главе о Розанове, вошедшей в I том «Истории русской философии», Зеньковский цитировал высказывание из книги Розанова «Около церковных стен», где шла речь «о великом недоразумении, которое в судьбах христианства образовалось около момента Голгофы», — ибо «из подражания Христу и именно в моменте Голгофы образовалось неутомимое искание страданий». Через это «весь акт искупления прошел мимо человека и рухнул в бездну, в пустоту — никого и ничего не спасая». Далее Зеньковский подчеркивает, что Розанов критиковал не само христианство, а ложное его понимание «как поклонения смерти» (Зеньковский В. В. Указ. соч. Т. I. Париж, 1948. С. 461).

⁶ См. примеч. 6 к фрагменту из «Путей русского богословия» Г. В. Флоровского.

⁷ Согласно правилам старой орфографии с «i» в русском языке писалось слово «мир» в значении «Вселенная», а «мир» как антоним «войны» писался с «и».

⁸ Речь идет о статье В. В. Зеньковского «Дух утопизма в русской мысли».

В. А. Никитин

Учение Н. Ф. Федорова и главные христианские исповедания

Валентин Арсентьевич Никитин (род. 02.03.1947) — богослов, религиовед, историк философии и культуры, академик РАЕН. Главный редактор журнала «Путь Православия» и радио «Логос» (Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата). Автор книги «Основы православной культуры» (М., 2001), более 550 статей по богословию, истории церкви, русской философии и литературе.

Цикл статей «Учение Н. Ф. Федорова и главные христианские исповедания» включает в себя три статьи В. А. Никитина. Статьи «Н. Ф. Федоров и Православие» и «Н. Ф. Федоров и Католичество» были опубликованы: Журнал Московской Патриархии. 1991. № 10. С. 76–79; Философия бессмертия и воскресения. По материалам VII Федоровских чтений. Вып. 1. М., 1996. С. 135–144; статья «Н. Ф. Федоров и протестантизм», представляющая собой доклад на VIII Федоровских чтениях (19–22 мая 1999 г.), печатается впервые.

Приложение

Н. Ф. ФЕДОРОВ И ЕГО ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВРЕМЕННОКИ (Новейшие исследования)

С. Г. Семенова

Об одном религиозно-философском диалоге
(Лев Толстой и Николай Федоров)

Светлана Григорьевна Семенова (род. 1941) — историк литературы и философии, религиовед. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Член

Союза писателей России. Автор книг «Валентин Распутин» (М., 1987), «Преодоление трагедии: Вечные вопросы в литературе» (М., 1989), «Николай Федоров. Творчество жизни» (М., 1990), «Тайны Царствия Небесного» (М., 1994), «Глаголы вечной жизни. Евангельская история и метафизика в последовательности Четвероевангелия» (М., 2000), «Русская поэзия и проза 1920–1930-х гг. Поэтика — видение мира — философия» (М., 2001), «Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов» (М., 2003; в соавт. с А. Г. Гачевой и О. А. Казниной), «Философ будущего века Николай Федоров» (М., 2004), «Метафизика русской литературы» (В 2 т., М., 2004), более 300 статей по русской и зарубежной философии, литературе, религиоведению. Составитель тома «Сочинений» Н. Ф. Федорова в серии «Философское наследие» (1982 г.), «Собрания сочинений» Н. Ф. Федорова в 4 т. (М., 1995–2000).

Печатается расширенный вариант статьи, опубликованной в книге «Преодоление трагедии. Вечные вопросы в литературе» (М., 1989. С. 100–132).

А. Г. Гачева

Новые материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского
с идеями Н. Ф. Федорова

Анастасия Георгиевна Гачева (род. 1966) — историк философии и литературы. Старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Автор более 70 статей по истории русской философии и литературы, книг «Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг.» (М., 2003; в соавт. с С. Г. Семенович и О. А. Казниной), ««Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев» (М., 2004). Составитель «Собрания сочинений» Н. Ф. Федорова в 4 т. (М., 1995–2003). Публикатор и комментатор сочинений А. К. Горского и Н. А. Сетницкого: *Горский А. К., Сетницкий Н. А.* Сочинения. М., 1995; Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. М., 2003.

Печатается расширенный вариант статьи, опубликованной в альманахе «Достоевский и мировая культура» (Вып. 13. СПб., 2000).

А. Г. Гачева

В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений

Частично опубликовано: Соловьевский сборник. Материалы Международной конференции «В. С. Соловьев и его философское наследие». М., 2001. С. 87–113. См. также: *Федоров. Доп.*, 79–139.

С. Г. Семенова

Николай Федоров и Фридрих Ницше

Печатается расширенный вариант статьи, опубликованной в журнале «Вопросы философии» (2001. № 2. С. 167–184).